Институт всеобщей истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических исследований

Signum

Москва
2009

Институт всеобщей истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогичсских исследований

Signum

Москва
2009

Ответственный редактор
А.П. Черных

Редколлегия:
А.А. Молчанов
О.Н. Наумов
В.А. Антонов
А.А. Ткаченко
(отв. секретарь)

Рецензенты:
д.и.н.
А.В. Назаренко
к.и.н.
Д.В. Байдуж

© Центр гербоведческих и генеалогических исследований, 2009
© Институт всеобщей истории РАН, 2009

Очередной выпуск Signum'а мы решили посвятить истории отечественного гербоведения, опубликовав материалы, остававшиеся в течение долгого времени вне поля зрения заинтересованного читателя, но которые характеризуют уровень, круг проблем и научное качество гербоведческих работ первой трети XX века.

Обе представляемые вниманию читателя работы принадлежат перу известных историков, Д.Н. Егорова и А.В. Соловьева, основные исследовательские интересы которых лежали в области отнюдь не геральдической. Тем не менее, с нашей точки зрения, именно это делает их гербоведческие работы особенно интересными для отечественного читателя, тем более что читателю европейскому они доступны давно: труд медиевиста Д.Н. Егорова еще в начале 1930-х гг. переведен в Германии, а неординарная для своего времени работа византиниста и специалиста по русскому Средневековью А.В. Соловьева вообще никогда ранее не переводилась на русский язык. Для большинства западных гербоведов доныне именно она служит основой при обращении к вопросам о соотношении поздней византийской и ранней русской эмблематики.

Д.Н. Егоров и А.В. Соловьев принадлежат к разным поколениям русских историков не столько по возрасту, сколько по своим историческим судьбам. Д.Н. Егоров к 1917 г. был уже вполне сложившимся историком, оставшимся и погибшим в России; а А.В. Соловьев, еще студентом эвакуированный в связи с Первой мировой войной в Ростов-на-Дону, оказался в

итоге за границей Отечества, и его талант историка в полной мере раскрылся уже в эмиграции. Оба они, столь разные, принадлежат к русской исторической школе и являются далеко не последними ее представителями. Сегодня их научное наследие вызывает вполне естественный интерес, отчасти удовлетворить который имеет целью настоящая публикация.

Сегодня, по прошествии десятилетий, наполненных многочисленными трудами мировой исторической науки в области гербоведения, разумеется, некоторые положения, высказанные Д.Н. Егоровым и А.В. Соловьевым, могут быть дополнены и уточнены, появились новые факты и новые исследования, во всем мире изменилось отношение к изучению визуальной характеристики общества, но у нас нет впечатления, что публикуемые работы утратили свою научную значимость, и в наши дни представляют собой не более чем памятники исторической мысли.

Одно дело бесконечно полемизировать, была ли русская школа гербоведения в начале XX века сложившейся научной школой, или, напротив, наше историческое гербоведение находилось в зачаточной форме и вслед за самой геральдикой этого времени вторично по определению, и совсем другое – предоставить отечественному читателю возможность убедиться во всем самому и составить собственное суждение.

В заключение мы поздравляем наших коллег Владислава Алексеевича Антонова с выходом его книги «Датская геральдика XII–XVII вв.» и Олега Николаевича Наумова с публикацией «Гербовника Князева», достойно, как нам представляется, продолжающих научную традицию русских гербоведческих исследований.

Редколлегия

А.П. Черных

Д.Н. Егоров и проблемы исторической геральдики

Традиция отечественного гербоведения, не блиставшая изобилием научных работ, в начале XX в. обогатилась интереснейшим опытом исследовательского подхода. Речь идет об известном русском медиевисте Д.Н. Егорове и его отношении к роли геральдических данных в историческом исследовании.

Дмитрий Николаевич Егоров (14(26) октября 1878 г., Елец Орловской губ. – 24 ноября 1931 г., Ташкент), ученик П.Г. Виноградова, специалист по средневековой истории германских земель, он снискал признание не только как видный историк-германист, но и как историк культуры и библиограф. Он читал курс всеобщей истории на московских Высших женских курсах, в университете Шанявского, в Московском университете; продолжал преподавание и после 1917 г.; был членом-корреспондентом Академии наук по разряду исторических наук Отделения гуманитарных наук (с 14 января 1928 г.). Об особом месте, которое занимал Д.Н. Егоров в научном сообществе России, свидетельствует то, что среди многих историков, выступивших по поводу опубликования в 1915 г. книги Л.П. Карсавина «Основы средневековой религиозности XII–XIII веков, преимущественно в Италии», – а это И.М. Гревс, Н.И. Кареев, О.А. Добиаш-Рождественская, П.М. Бицилли и др., – Д.Н. Егоров[1] оказался единственным оппонентом, кото-

---

[1] *Егоров Д.Н.* Среднсвековая религиозность и труд Л.П. Карсавина // Исторические известия. 1916. № 2.

рому Карсавин счел необходимым публично ответить в печати.

На протяжении почти десяти лет Д.Н. Егоров был заместителем директора Румянцевской библиотеки и руководил библиографической работой по всеобщей истории. Д.Н. Егоров был арестован 8 августа 1930 г. по так называемому «платоновскому» делу, точнее «делу Академии наук», наряду с М.К. Любавским, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушиным в Москве и многими другими в Ленинграде (Е.В. Тарле и др.). Следствие включило Д.Н. Егорова в «московскую группу заговорщиков», он содержался в предварительном заключении в Ленинграде. 8 августа 1931 г. Д.Н. Егоров был приговорен к 5-летней ссылке и отправлен в Ташкент, где, спустя без малого четыре месяца, скончался. Академического звания Д.Н. Егоров не был лишен, о его смерти, как полагалось, сообщили «Известия».

При том, что перу Д.Н. Егорова принадлежит значительное число научных работ, основным в его творческом наследии является фундаментальный двухтомный труд «Колонизация Мекленбурга в XIII в.»[2]. Судьбу этой книги вряд ли можно назвать счастливой: добросовестный научный труд по германистике в 1915 г. в контексте войны между Россией и Германией не мог быть востребован обществом. Наступивший вскоре 1917 год не способствовал широкой популяризации книги по истории, тем более по истории Средневековья, посвященный изучению исторических судеб славянского населения германских земель.

В своем исследовании Д.Н. Егоров с привлечением разных источников подробно рассмотрел процесс колонизации и германизации Мекленбурга, одной из крупнейших областей проживания полабских славян, и пришел к выводу, что колонизация славян немцами была достаточно продолжительным процессом. По его мнению, «германизация создалась исподволь, в течение очень долгого времени, по сложным весьма причинам»[3].

---

[2] *Егоров Д.М.* Колонизация Мекленбурга в XIII в. Славяно-германские отношения в средние века. Т. I–II. М., 1915.

[3] Там же. Т. II. С. 601.

Д.Н. Егоров показал, что при этом внутренняя колонизация земель Мекленбурга осуществлялась не столько немцами, сколько местным славянским населением. Надо заметить, что эта сторона научного творчества Д.Н. Егорова достаточно хорошо изучена и в отечественной, и в мировой исторической науке[4].

Д.Н. Егоров строил свои выводы не только на традиционных известных нарративных источниках, но и на документальном материале и материале других источников. Первый том своего труда, названный им «Материал и метод», Д.Н. Егоров полностью посвятил именно анализу источников[5]. Повышенный интерес к источниковедческим проблемам, поиски нетрадиционных путей анализа памятников, преимущественное внимание к источнику как основные черты его научного творчества уже отмечались[6]. Д.Н. Егоров привлек в исследовательский процесс данные топонимики, генеалогии, археологии. Это естественно для историка, но в ряду источников, привлеченных историком для своего исследования, особое место заняли источники геральдические. Им посвящен специальный раздел, и его идеи, изложенные на 72 страницах, заслуживают отдельного рассмотрения.

Как относился Д.Н. Егоров к проблеме использования данных геральдики историками? Он в полной мере разделял сложившееся в современной ему исторической науке скептическое отношение к геральдике и отмечал причины малого использования геральдического материала учеными-историками в своих исследованиях. По справедливому мнению Д.Н. Егорова, оно связано с очевидной дискредитацией геральдики ее адептами-любителями. Это было обусловлено отсутствием науч-

---

[4] *Горяинов А.Н., Ратобыльская А.В.* Д.Н. Егоров: научное наследие и судьба медиевиста // Средние века. Вып. 57. М., 1994; *Witte H.* Jegorovs zweiter Band über den Prozeß der Kolonisation in Mecklenburg – Langensalza [u.a.]: Beltz, 1931; *Witte H.* Jegorovs Kolonisation Mecklenburgs im 13. Jahrhundert : ein kritisches Nachwort. Breslau: Priebatsch, 1932.

[5] *Егоров Д.М.* Колонизация Мекленбурга в XIII в. Славяно-германские отношения в средние века. Т. I–II. М., 1915. Т. I. Материал и метод. (Далее – *Егоров Д.М.* Колонизация Мекленбурга...)

[6] *Горяинов А.Н., Ратобыльская А.В.* Указ. соч. С. 223.

ного подхода, произволом трактовок и историческим невежеством, а также нередко поражающим работы по геральдике своеобразным «схоластическим педантизмом». Наконец основное, что не устраивало общество, это скудные, не соответствующие уровню развития исторической науки результаты работ по геральдике[7]. Это относилось ко всей совокупности оценок и отношению к конкретным проблемам. Д.Н. Егоров констатировал, что «отказ от научного изучения гербовой типологии» представлял собой «печальное научное самоограничение, …немотивированное отклонение целого ряда ценных и важных проблем»[8]. В то же время исследовательский потенциал геральдического материала он оценивал очень высоко[9].

Д.Н. Егоров обратился к геральдике с целью «компенсировать досадную скудость и крайнюю отрывочность дипломатического материала»[10] для своего исследования, и засвидетельствовал, что в процессе обработки источников ему «пришлось встретиться с богатыми данными геральдики, но одновременно и столкнуться с полным отсутствием систематической методологии в этой области»[11]. Именно это подвигло историка на особую разработку подходов к данным геральдики. Это привело к столь к значительному увеличению объема характеристики источников, что Д.Н. Егоров счел нужным объяснить причины своего активного обращения к геральдической систематизации[12]. Он писал, что «непропорционально большое, в сравнении с общей архитектоникой работы, место, отведенное наблюдениям над геральдическим материалом, – вина не автора. Оно обусловливается невозможностью опереться на какое-либо иное исследование, преследующее аналогичные цели». Таким образом, критика Д.Н. Егоровым работ геральдистов была основана на принципиальной не-

---

7 *Егоров Д.М.* Колонизация Мекленбурга... Т. I. С. 375 [С. 19]. Сноски на текст Д.Н. Егорова приводятся по изданию 1915 г.; в квадратных скобках – на страницы настоящей публикации.

8 Там же. С. 427 [С. 75].

9 Там же. С. 375 [С. 19–20].

10 Там же. С. 445 [С. 95].

11 Там же.

12 Там же.

удовлетворительности уровня существовавших гербоведческих работ. Отсюда происходит и его подход к оценке исследования с использованием данных геральдики, который требует от историка «определенной, собственной геральдической позиции»[13], то есть понимания сущности и функций геральдики.

Д.Н. Егоров пришел к выводу, что основная функция геральдики – опознание и различение, и это, кстати, совпадает с пониманием сути геральдики, неоднократно высказанным еще в XIV–XV вв. Причиной появления гербовых эмблем он считал потребность в идентификации и отмечал высокую степень утилитарности геральдики с самого момента ее появления[14]. Он также отметил дискуссионность проблемы появления геральдики: концепцию континуитета, концепцию национальных основ, считая их несостоятельными[15]. Следует отметить, что Егоров подходил к геральдике не как к коллекции изображений на каких-либо носителях, а как к явлению в его совокупности, как к феномену. При этом в иконологическом отношении он полагал сфрагистику частью геральдики[16], что соответствует действительному соотношению этих двух воплощений эмблематической реальности.

Обращение Д.Н. Егорова к конкретному материалу гербов оказалось плодотворным и одновременно непростым. «Ранняя геральдика, – пишет он, – как выяснилось с первых же шагов, обладала массой особенностей, непредвиденных и даже недопустимых в настоящее время»[17]. Среди ранних форм геральдики Д.Н. Егоров вслед за Г.А. Зайлером отметил важность существования ранней геральдики не в изобразительных, а в литературных формах, понимая их незаменимость для решения целого ряда спорных для ранней истории геральдики

---

[13] *Егоров Д.М.* Колонизация Мекленбурга... Т. I. С. 383 [С. 28].

[14] Там же. С. 375 [С. 20].

[15] Там же.

[16] Там же. С. 374–375 [С. 19].

[17] Там же. С. 446 [С. 95].

проблем[18]. В то же время он предостерегал против буквального понимания литературных форм герба и преувеличенного доверия к ним[19]. (Имеет смысл отметить, что высокая оценка значимости Г.А. Зайлера не мешала Д.Н. Егорову относиться к нему вполне критически).

Одна из центральных идей Д.Н. Егорова – это понимание *историчности* геральдики. Он отметил наличие исторических изменений герба в связи с новыми возникавшими практическими потребностями[20]. Именно это стало для Егорова критерием периодизации исторической геральдики: первая, наиболее, по его мнению, исторически ценная эпоха развития геральдики – время существования геральдики преимущественно для удовлетворения практических потребностей (от возникновения до XIV в.)[21]. Вторая, как считал Егоров, начинается одновременно с угасанием непосредственного практического использования геральдики турнирной, с возрастанием «геральдической схоластики», «вторжением теории и теоретизирования»[22], т.е. с XIV в. Практически это совпадает со временем начала активной кодификации геральдики и появлением первых средневековых геральдических трактатов.

Д.Н. Егоров старался сформулировать принципы использования геральдических данных в историческом исследовании. Необходимым условием этого являлось для него определенное понимание герба и, в первую очередь – принципиальное принятие изменчивости герба, прямо противоположное позднему мифу о его неизменности (как называл его Егоров – «гипноз догмата о неизменности гербовой эмблемы»[23]), который делает бессмысленным использование геральдического материала историком. Кроме того, Егоров настаивал на решении «двух основных вопросов, без которых историче-

---

18 Там же. С. 375–376 [С. 20–21].

19 Там же. С. 376 [С. 20].

20 Там же. С. 375 [С. 20]

21 Там же. С. 377 [С. 22].

22 Там же.

23 Там же. С. 388 [С. 33].

ское использование гербов невозможно», а именно – наличия «данных, указывающих на *условия образования гербов*, и данных, свидетельствующих *о раннем преобразовании этих первоначальных гербов*»[24]. Критикуя неисторический подход к геральдике, Д.Н. Егоров отмечал, что для подобного подхода характерно повышенное внимание к самому факту визуального сходства или несходства гербов. При этом его причины, т. е. то, что действительно исторически важно, такого рода «гербоведов» не интересуют, сокрушался историк[25]. В то же время Егоров справедливо иронизировал над попытками гербоведов соотнести эмблемы и фигуры в гербе с точными объектами флоры или фауны[26]. Егоров принципиально по-иному подошел к проблеме соотношения факта констатации изменений и вопроса о причинах произошедших изменений, т.е. в конечном счете – к проблеме исторической ценности геральдических источников[27].

Анализируя источники, в основном сфрагистические, Д.Н. Егоров отметил, что тот или иной род мог менять свой герб, иногда частично видоизменяя его, иногда очень значительно. Им также отмечены случаи, когда род мог пользоваться не одним, а двумя гербами[28]. Наблюдения, сделанные Егоровым на прекрасно знакомом ему материале, позволили ему говорить о наличии нескольких гербов не только в роде, но даже в одной семье[29]. Важность следствий из этого была очевидна, и Егоров делал логичный вывод: если геральдика видит в незначительных графических изменениях разные гербы и отказывает роду в возможности обладания разными гербами, то получается, что они указывают на «разные *роды* или, в качестве крайней уступки, разные «линии» данного рода»[30], что подчас не согласуется с генеалоги-

---

[24] Там же. С. 387 [С. 32–33].

[25] Там же.

[26] Там же. С. 389 [С. 35].

[27] Там же. С. 404 [С. 50–51].

[28] Там же. С. 396 [С. 42].

[29] Там же. С. 407 [С. 54].

[30] Там же. С. 407 [С. 55].

ческими данными. Это противоречило укоренившимся геральдическим мифам. До сих пор в исторической и особенно в учебной литературе воспроизводятся представления о неизменности и единственности герба, до сих пор тезис о двух и более гербах в одном роде, о возможности его вариантов имеет характер инновации, а между тем это отмечалось Д.Н. Егоровым сто лет назад! В европейской геральдической литературе вариативность раннего герба стала предметом научных интересов только спустя два с половиной десятилетия, и не без влияния труда Д.Н. Егорова, переведенного и изданного в Германии[31].

Одно из очень важных наблюдений Д.Н. Егорова касается уловленной им разницы между графикой конкретного изображения герба и действительным гербом, поскольку графика – частный случай его выражения: «*Видоизменение* гербового рисунка *не* понималось как изменение *герба*, т.е. самой гербовой эмблемы – таково одно из наиболее крупных и решающих наблюдений»[32]. И в развитие этого, говоря об умножении фигур в поле герба, далее он писал: «Тщательное изучение гербов колонизационной территории убеждает..., что причина громадного большинства «удвоений» и «утроений» отнюдь не теоретического характера... Умножение это – результат *практики резчиков*...»[33]. Сегодня трудно даже оценить ту научную смелость, которая нужна была Д.Н. Егорову, чтобы высказать такую, по форме «антигеральдическую» мысль, якобы приуменьшающую возможный источниковый потенциал геральдики, в то же время исторически верную. Когда заходит речь о периоде формирования гербов и факторах этого процесса, нельзя пройти мимо наблюдения Егорова, отметившего, что «роль *символики* в процессе гербообразования и гербоизменения чрезвычайно *скромна*, почти незаметна»[34].

---

31 *Egorov Dmitrij N.* Die Kolonisation Mecklenburgs im 13. Jahrhundert: Bd. 1. Material und Methode; Bd. 2. Der Prozess der Kolonisation. 1930.

32 *Егоров Д.М.* Колонизация Мекленбурга... Т. I. С. 404 [С. 51].

33 Там же. С. 419 [С. 67].

34 Там же. С. 398 [С. 44].

В ходе наблюдений над своеобразным региональным материалом Д.Н. Егорову пришлось столкнуться с отсутствием типологии гербов применительно к рассматриваемой им территории, а также неразработанностью принципов типологизации. Он отмечал, что отсутствуют даже попытки классифицировать материал по типологическим группам. Таково же было положение и за пределами рассматриваемой им территории[35]. На локальном материале Егоров пришел к проблеме общей природы западноевропейского герба, к вопросу о превалировании его «индивидуальной» или «видовой» сущности[36]. Егоров заинтересовался также соотношением геральдической традиции и локальной исторической ситуации: «Встает новая, – писал он, – еще более важная проблема: *почему* определенный тип зародился и укрепился именно в *данной* округе?»[37]. И далее его мысль следует последовательно этапам развития гипотезы: «Нет ли здесь предрасполагающих *местных* условий и особенностей? Не характеризует ли эта «местная» эмблема какого-либо типичного признака страны и людей, давая нам право говорить о новом виде гербового «символизма», символизме *реалистическом*? Не показательна ли, наконец, такая «местная» эмблема-тип для определения *национальности* данного гербового клана?»[38]. Возможно, что завершение гипотезы Д.Н. Егорова несколько спорно, и именно *национальности* определить не удастся. Однако рациональное зерно в предположении, что не особенности графики герба, а его содержательная сторона потенциально может соотноситься с регионом, несомненно, присутствует.

Конечно, не во всем можно с Егоровым согласиться. Говоря об изменениях герба, Д.Н. Егоров применял термин «извращение», что подразумевает скорее негативную, чем нейтральную оценку этого процесса. Всех возможных участников этого процесса (резчиков печатей,

---

[35] Там же. С. 426 [С. 74].

[36] Там же. С. 426–427 [С. 75].

[37] Там же. С. 427 [С. 76].

[38] Там же. С. 428 [С. 76].

геральдистов) он называл «гербоизвратителями»[39], что, конечно, тенденциозное преувеличение. К сожалению, неприятие геральдики в виде noble passion привело Егорова и к неприятию геральдической терминологии. Совершенно справедливо отмечая трудности и неудачи создания русской геральдической терминологии, критикуя приверженность к неудачной заимствованной терминологии, Егоров попытался создать собственную геральдическую терминологию, отдавая предпочтение, по его выражению, «реальным названиям»[40], которые в действительности оказывались достаточно буквальными переводами, в основном с немецкого. Это сыграло свою негативную роль в восприятии его идей в области геральдики. Чтобы понять его медиевистам и германистам не хватало формальной геральдической грамотности, геральдисты же не пожелали в ней разбираться, поскольку он отверг «корпоративный», как ему казалось, язык.

Вряд ли можно поддержать мнение Д.Н. Егорова, полагавшего, что «решение этих важнейших вопросов (соотношения герба и определенной территории – *А.Ч.*) не подлежит нашей компетенции; им должны заняться специалисты-гербоведы, после того как они откажутся, наконец, от понимания геральдики как «науки о гербах» и внесут поправку на историю[41]. Проблема состояла именно в том, что специалисты-гербоведы не владели региональным историческим материалом и необходимость соотнести совокупность гербовых источников региона со всем комплексом местных особенностей (сеньориальных, аграрных, национальных и т.д.) просто превышала пределы их возможностей. Если подходить к этому реалистически, то скорее профессиональный историк может приобрести некоторые гербоведческие навыки (что, между прочим, подразумевается его образованием и профессиональной подготовленностью), чем геральдист стать специалистом по сеньориально-вассальным связям Вермандуа.

---

[39] Там же. С. 424 [С. 72].

[40] Там же. С. 388 [С. 34].

[41] Там же. С. 428 [С. 76].

Научная независимость Д.Н. Егорова заставила его в связи с гербами обратиться к наименее изученным проблемам генезиса геральдики. Он осторожно спрашивал себя: «правильно ли то молчаливое, невысказанное предположение, что гербы явились *после* установления определенной военной организации, особенно организации *феодального* типа? Не допустимо ли обратное, – что гербы *уже существовали* в качестве *местных* эмблематических типов большой давности?»[42]. И сегодня ответа на это, высказанное сто лет назад, предположение – нет, ни отрицательного, ни положительного.

Д.Н. Егоров подчеркивал возможность и необходимость использования геральдики как исторического – во всех смыслах! – источника[43]. Отношение Егорова к геральдике продиктовано не случайностью; это даже не частная потребность в связи с исследованием истории Мекленбурга, это его научная позиция. Д.Н. Егоров считал, что «много исторически ценного материала дают сфрагистика (наука о печатях) и геральдика (наука о гербах), особенно при изучении грамот»[44].

Д.Н. Егоров указывал на неадекватное потенциалу место геральдики среди специальных дисциплин; он отмечал чрезвычайную редкость использования историками геральдического материала в историческом исследовании, даже в случаях исключений, ограничивающихся преимущественно сферой фамильных изысканий[45]. Когда Д.Н. Егоров говорил о геральдике как «заслуженно вычеркнутой из списка научно-исторических дисциплин»[46], ученый подразумевал современную ему специфическую и претенциозную геральдику; геральдику, представлявшую собой результат отождествления практической геральдики с исторической, а нередко и реликт, который выдавался за геральдику и приходивший в полное

---

42 Там же. С. 429 [С. 78].

43 Там же. С. 381 [С. 26].

44 *Егоров Д.Н.* Введение в изучение средних веков: (Историография и источниковедение). Записки слушательниц [Мос. Высш. жен. курсов] М., 1916. Ч. 1–2. Ч. 2. С. 128–129.

45 *Егоров Д.М.* Колонизация Мекленбурга... Т. I. С. 374 [С. 19].

46 Там же. С. 378 [С. 22].

противоречие с тем средневековым материалом, с которым работал историк.

Таким образом, Д.Н. Егоров, подойдя к геральдическому феномену как историк, сумел сделать ряд важнейших и верных по сути наблюдений, касающихся средневековой геральдики[47]. Уровень глубины анализа гербового материала был обеспечен отличным знакомством историка-медиевиста с геральдическими реалиями соответствующего региона и периода – уровень, ныне, увы, труднодостижимый.

Высоко оценивал вклад Д.Н. Егорова в гербоведение В.К. Лукомский, считавший, что этот труд стал европейской сенсацией, поскольку гербы как исторический источник были использованы по-новому, и вкупе с другими источниками позволили прийти к новым выводам в социальной истории[48]. Егоров опирался на лучшие в германском гербоведении исследования, но был хорошо знаком и критически оценивал весь массив гербоведческой и геральдической литературы. В России его труду предшествовали и «Лекции» Ю.В. Арсеньева, особенно в их исторической части.

К сожалению, появившись в разгар Первой мировой войны, накануне катастрофических для России событий, и будучи к тому же лишь формально подчиненной частью специального научного исследования, это новое слово осталось неуслышанным. А потом в России стало надолго вообще не до геральдики. Лишь в начале XXI в. исследовательский подход Д.Н. Егорова и его

---

47 Аналогичный пример глубокого, верного и плодотворного геральдического анализа, проделанного медиевистом, представляет собой труд М. Блока «Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии». М., 1998. С. 336–345 passim.

48 *Левандовский А.П.* Памяти последнего рыцаря // В.К. Лукомский, Н.А. Типольт, барон. Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов. М., 1996. С. 92. Об этом свидетельстве А.П. Левандовского упомянул В.П. Богданов в докладе «Генеалогия и эмблематика как метод исторического исследования (к постановке проблемы)» на IX Международной конференции «ЛОМОНОСОВ – 2002» в МГУ им. М.В. Ломоносова.

вклад в развитие гербоведческих исследований были по достоинству оценены[49].

Д.Н. Егоров исследовал зону этнического контакта: немцы – славяне. Благодаря этому у него появился дополнительный критерий для анализа герба. Разумеется, не везде воспроизводится эта достаточно редкая, особой ценности ситуация; тем не менее, известны и другие контактные зоны. Егоров пришел к выводам о славянском приоритете в колонизации Мекленбурга, малоприятным для национально ориентированных германских историков. Сегодня по вполне понятным причинам трудно проверить обоснованность его выводов. Этот опыт не получил продолжения: Егоров не имел учеников. Весьма сомнительно, чтобы германские историки, даже самые толерантные, могли проделать эту работу, поставив подобным же образом вопросы и использовав те же источники.

Что обеспечило возможность появления работы Д.Н. Егорова помимо таланта самого историка? В первую очередь наличие удовлетворительных публикаций печатей, воспроизведение гербов. Сегодня мало кто из специалистов-регионоведов собирает сфрагистические источники.

Многое из того, о чем говорил Егоров – вариативность герба, наличие нескольких гербов у одного рода, степень графической вольности герба – сегодня является нормой научного гербоведения; в отдельных вопросах оно продвинулось дальше. Но прежде, чем говорить об устаревании работы Егорова, имеет смысл понять, что значили эти утверждения в начале XX в. Когда мы говорим о Д.Н. Егорове, речь идет не о германском или мекленбургском гербоведении, а о достижениях русской исторической науки. То, что Егоров работал с зарубежным материалом – это успех русского гербоведения. То, что высказал Д.Н. Егоров, было абсолютно новаторским, принципиально иным, противоречившим всему, что утверждалось в геральдической литературе. Именно поэтому сегодня, когда мировое гербоведение XX в. пока-

---

[49] *Наумов О.Н.* Отечественная историография геральдики. Ч. I. М., 2003. С. 148–151, 169, 174.

зало правильность догадок Д.Н. Егорова, изложенных в «Материале геральдическом» очевидно, что этот труд представляет собой важный этап в развитии отечественного гербоведения и отечественной исторической мысли.

Текст воспроизводится по изданию: Егоров Д.Н. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Славяно-германские отношения в средние века. Т. 1–2. М., 1915. Т. 1. Материал и метод. С. 374–446.

В связи с тем, что в публикации 1915 г. в больших по объему сносках Д.Н. Егорова содержится значительный доказательный материал, редколлегия Signum'а сочла возможным для удобства пользования в публикации «Материала геральдического» изменить соотношение кегля основного текста и сносок в сторону увеличения последнего.

Д.Н. Егоров

Материал геральдический

Данные гербов чрезвычайно редко привлекаются общими историками, и лишь в области фамильных исторических изысканий гербам уделяется должное внимание. В связи с этим и геральдике как вспомогательной *исторической* дисциплине отводится неподобающее место: в германских, например, университетах специальные кафедры гербоведения исчезли со времен Гаттерера, т.е. с конца XVIII в., а для настоящего времени характерна попытка заменить былую геральдику – сфрагистикой[1], т.е. заменить, собственно, целое его частью. Странное пренебрежение геральдикой объясняется, в значительной степени, неслыханной ненаучностью и поразительным невежественным произволом гербоведов доброго старого времени, которые вполне могли дискредитировать представленную ими область; объясняется это пренебрежение и теми результатами, либо скудными, либо совершенно неприемлемыми, к каким привели схоластический педантизм и, с другой стороны, безудержные измышления гг. гербоведов. Печальная судьба геральдического изучения не должна, тем не менее, отразиться на высокой оценке гербового материла в качестве крупного и *надежного* исторического источника. Особенно для наших целей, для *различения или идентификации* лиц, поименованных в ZR [Цюрихском гербовнике], геральдические данные

---

[1] За *самостоятельное* значение сфрагистики особенно ратовал кн. K.F. zu Hohenlohe-Waldenburg: Sphragistische Aphorismen (1882). Несколько неожиданно видеть в этой же роли и G.A. Seyler'a («Geschichte der Siegel», 1894 в Illustrierte Bibl. Der Kunst- und Kultur-Geschichte), лучшего знатока истории *геральдики*.

могут и должны иметь первоклассное значение, так как та же *цель опознания и различения* и вызвала самое появление гербовых эмблем.

Начала средневековой геральдики до сих пор спорны; попытки связать ее с привычками античной культуры оказались неудачными; мало доказательны также попытки найти «национальные» ее основы[2]. Несомненно зато ее *практическое* значение с самых первых ее моментов. Об этом свидетельствует уже беспримерная быстрота, с какой выставление и ношение герба распространилось повсюду, во всех областях, где боевой единицей выступал забронированный с ног до головы рыцарь. Монотонность и однородность рыцарской экипировки, полное закрытие лица делали невозможным опознавание ни для своих, ни для чужих, и только далеко видный герб определял врага или друга. Недаром западный эпос знает «гербовые заставы»[3], наподобие богатырских застав на-

---

[2] См. E. Gritzner «Heraldik» (Grundriss der Gesch.-Wissenschaft, herausg. Von Al.Meister) S. 369 и G.A. Seyler «Gesch. der Heraldik» (из J. Siebmacher «Grosses und Allgemeines Wappenbuch», Band A) 1890.

[3] Seyler: Heraldik pp. 103 sq. Ценная особенность работы Зайлера – широкое использование *литературных* памятников, что дало ему возможность вполне реально изобразить ряд спорных явлений первоначальной геральдики. Прием, впрочем, и не безопасный, так как автор слишком буквально доверяет тексту (p. 128: серьезная попытка примирить «противоречия» поэта при несходном описании «тинктур» героя; p. 136 искание «глубокого» смысла в простеньком текстуальном поучении и т.д.), совершенно не считаясь с вольным полетом *фантазии* у поэта. В той же методологической оговорке (и, значит, и проверке) нуждается известная работа Ch. Langlois: La société française au XIII-e siècle, d'après *dix* romans d'aventure, а также его La vie en France au Moyen Age d'après *quelques* moralistes du temps, где нарочито дидактический элемент часто принимается за отражение фактических *бытовых* условий.

Преувеличенное доверие Зайлера к литературным текстам сказывается и в целом ряде спорных все же сближений (p. 142, герб мекленбургского рода de-Bellin: der Widderkopf – eine *handgreifliche* Anspiegelung auf den Schafbock «Bellin» der Thiersage. – F. Wigger, указаниями которого в данном случае

шего былевого эпоса, а западная рыцарская этика лишь в крайних случаях[3a] допускала рыцарскую анонимность, т.е. полное закрытие (завешение) или временное изменение герба.

Практическое значение гербового опознавания и наложило печать на всю первоначальную геральдику. Прежде всего герб должен быть ясен, прост, далеко виден; вот почему примитивные эмблему всегда несложны, вот почему количество «тинктур» строго ограничено кругом ярких цветов, без оттенков и полутонов, вот почему загромождение гербового поля, столь излюбленное впоследствии, считалось недопустимым. Самое помещение герба на *щите* вызывалось теми же практическими соображениями: принятый в то время «норманский» щит закрывал почти всего человека[4], а посему естественно было поместить именно на нем отличительные гербовые эмблемы. Когда с половины XIII в. появляется малый треугольный щит, и соответственно с этим и щитовой герб

пользуется Зайлер, выражается много осторожнее, Jahrb. XXVIII, 1873. S. 217: Ist unsere Annahme (что в Мекленбурге XIII в. der Widder der Thiersage den *französischen* Namen Belin gefürt) richtig, so enthält das Wappen der Herren von Bellin *eine Spur* der Thiersage…; *zur Gewissheit lässt sich freilich diese Vermutung nicht erheben*), и даже в общих его выводах, крупного иногда значения, напр. S. 79, 80: ich konstatire…, das in den *Liedern* des XII Jh. Kein Anhalt für die *Erblichkeit* der Wappen… die Wappenin jenem Zeitraum *entschieden* etwas *persönlich* kennzeichnendes…

[3a] Не допускалось закрытие «ane notdurft»; см. Hennig: Die Statuten des Deutsch. Ordens. 1806, S. 61, XXIV.

[4] Замечательным пережитком этого щита, сменившегося уже около половины XIII в. малым «треугольным» щитом, являются и некоторые особенности *современной* геральдической терминологии: *гербовый* щит рассматривается так, *будто за ним находится его обладатель*; геральдически «правая» сторона соответствует *левой* стороне рисунка и т.д.; геральдическая «обращенность» эмблем (так наз. фигур «негеральдических») *слева направо* вытекает из тех же практических соображений – гербовый «зверь» должен быть обращен *на врага* (этим и объясняются редкие, и не изначальные, гербовые рисунки en-face).

должен уменьшиться, то практика требует *нового* более явственного знака для опознавания: вступает в силу так называемый «клейнод», гербовидная (а потом и гербовая) эмблема, помещающаяся на шлеме. Постепенно щит и клейнод (или «нашлемник» по терминологии русской геральдики) превращаются в *единый* гербовый комплекс, составляя вместе «герб». Но долгое время обе эмблемы конкурировали друг с другом, а в боле раннюю эпоху такая же конкурентность была между щитовой эмблемой и *знаменным* значком, отчего в целом ряде случаев получались «двоякие» гербы[5] у одного и того же рода.

Такова первая, наиболее ценная исторически, ступень европейского гербосложения (до XIV в.), которая вся стоит под знаком практических потребностей. Вторая ступень, продолжающаяся и поныне, определяется вторжением *теории* и *теоретизирования*, оторванностью от действительных потребностей, наступлением геральдической схоластики и даже своеобразной гербовой метафизики. Вместе с падением фактического значения рыцарства и исчезновение турниров[6], исчезло и последнее реальное значение гербов, и начинается мертвая, если так можно выразиться, геральдика, неумеренная в своих претензиях и лженаучная в своих приемах, заслуженно вычеркнутая из списка научно-исторических дисциплин. Деградированной при этом оказалась и геральдика первой ступени, эпохи *гербообразования*, геральдика практическая, имеющая несомненное значение для своего времени, а посему и заслуживающая иного отношения.

Ранние гербы могут сослужить крупную службу историку: они определяют взаимоотношения рыцарских родов, помогают распознать их расселение, а иногда и их профессионально-служебные отношения, т.е. дают указания, какие мы напрасно стали бы искать в доступном нам историческом материале. Не менее важно также, что все эти сведения отличаются крайней *точностью*, так как основной чертой даже наиболее примитивной геральдики была определенность и отчетливость гербовых эмблем.

---

[5] Примеры «двояких» гербов см. ниже прим. 52.

[6] В мекленбургских землях последний турнир был в 1537 г.

При таких условиях может показаться странным, что гербовый материал ранней поры не находил надлежащей оценки у историков, которые как бы сознательно отвернулись от ценного материала, хотя и искали в течение всего XIX в. материалов новых. Объяснением может послужить то обстоятельство, что материал *первоначальной* геральдики находился в *скрытом* состоянии, заслоненный и погребенный под грудой измышлений и извращений эпохи геральдики «мертвой». Значительное число старых, точных гербов прошло чрез порочащую среду послсдующего вольного герботворчества, и первым шагом для создания *исторически* ценного гербоведения должна быть генеральная и немилосердная расчистка почвы, удаление громадного количества позднейших извращающих наростов. Еще более необходима и положительна работа, – возможно полное собрание гербов *первоначальной* эпохи, насколько они сохранились на печатях, монетах и надгробных памятниках[7]. Лишь собрав автентический материал, притом в значительных размерах, можно приступить к указанной выше расчистке почвы, так как она должна быть произведена на основании точных и надежных наблюдений по вопросу о фактических и произвольно-фантастических *изменениях* герба. Вся «мертвая» геральдика исходит, между тем, из аксиомы о *неизменности* гербовой эмблемы, а посему современному гербоведу, приступающему к новым, только что указанным, задачам приходится отказаться от целого рядка вековых привычек.

---

[7] Надгробная геральдика характеризуется ценными вариантами (ибо она – *буквальная* имитация щита, как впервые доказал кн. K. v. Hohenlohe – Der Deutsche Herold 1873 Ss. 3 sq) в сравнении с геральдикой печатей, как особенно отчетливо видно по очень редкой ныне сводке: Grabdenkmale und Gab-Inschriften Schlesiens; Alphabet. Register der 1–30 Bände der Graf Hoverdschen Sammlung. I–IV (тетради!) 1870–72. Надгробная геральдика, между тем, привлекла сравнительно незначительное внимание и не обследована систематически (публикация Hildebrandt'a – «Altmärkische Grabsteine» – грешит даже некоторой *стилизацией* оригиналов), разделяя общую участь со средневековыми монументальными *надписями*.

Примириться, прежде всего, нужно с теми несовершенствами и особенностями, какие наблюдаются в эпоху гербообразования в *отличие*[8] от искусственной стройности и систематизированной полноты позднейшей геральдики. Привыкнуть затем нужно к мысли, что первоначальная геральдика была развивающейся, растущей и изменяющей свои типы и эмблемы, вследствие чего обычный прием, именно дача для каждого рода *одного* лишь герба, в котором как бы суммируются все геральдические наблюдения над данным родом – должен быть вполне оставлен[9]. Такой «сводный» герб не имеет исторического значения, да навряд ли обладает и значительностью геральдической, так как он создается путем произвольного включения или исключения признаков якобы «характерных» или, наоборот, «случайных»; зато громадное значение имеют гербовые *варианты*, к которым присяжные геральдики относились еще очень недавно с явным пренебрежением, как к форме искаженной. Сохранение всех возможных вариантов, вплоть до самых фанта-

---

[8] На это указывают passim и Seyler, и Meyerfels (ABC der Heraldik), и Gritzner (Handb. Der herald. Terminologie und einer herald. Polyglotte), но *систематизированных* наблюдений у них нет, почему отмежевание все же является случайным. – Совсем почти не чувствуют необходимости различения «старого» и «нового» не только старые гербоведы (XVIII в. и раньше), но и теоретики первой половины XIX в., вроде C.Bernd (Hauptstücke der Wappenwissenschaft), O. Hefner (Handbuch; хотя и 1863 !) и т.д.

[9] Очень определенно те же мысли высказывает C. Teske в конце статьи «Gedanken eines mecklenburgischen Heraldiker» (Der Deutsche Herold. 1889 № 5): Wir vermögen nicht überall das in feste Regeln gezwängte heraldische System des späten XIV, des XV oder gar des XVI Jh. Weder als einzig und allein massgebend noch al seine wesentliche Verbesserung der alten Praxis zu berachten, ziehen es vielmehr vor, uns in denjenigen *heraldischen Geist* zu vertiefen, de runs aus den ursprünglichen Formen allenthalben entgegen blickt. Nicht nur auf dem Gebiete der «Landes»-, «Herrschafts-» oder Städte-Wappen, sondern namentlich auf dem Gebiete der Geschlechts-wappen wird alsdann so unendlich vieles in richtiger, wiel lebens-warmer, Beleuchtunf erscheinen.

стических, должно быть главнейшей задачей при издании гербовников эпохи «живой» геральдики, ибо только таким путем можно будет проникнуть в тайны гербовой эволюции или гербовой мутации.

Насколько эти неотложные задачи нашли себе осуществление? Ответ будет очень неутешительный. Исконное разобщение историков и геральдиков[10], научных запросов и стремлений прямо-таки сословных[11], превра-

---

[10] Внешним выражением этой разобщенности для настоящего времени может послужить последнее издание (8-е; 1912 г.) знаменитой библиографии «Dahlmann-Waitz», где, несмотря на полную реорганизацию предприятия (давно необходимый переход к *коллективной* работе), гербоведение осталось в прежнем «прекарном» положении; достаточно указать, что из многочисленных *геральдических* работ Mülverstedt'a не указано ни одной!

[11] A. Grenser, продолживший по †Otto Titan v. Hefner'a – Wappenbuch des blühenden Preussischen Adels; секция «Edellutte» (для громадной коллекции обновленного Siebmacher'a) заявляет в предисловии (1862 г.): Möchte... der gesamte Deutsche Adel... einem Unternehmen, das der Geschichte seines Standes *und der Vertretung der conservativen Interessen gewidmet ist*, kräftig unterstützen.

«Консерватизм» Grenser'a распространился и на чисто-*геральдическую* часть его работы, превратив ее в сплошной научный анахронизм. Беспомощная компиляция Grenser'a, впрочем, скоро пресеклась, и новому продолжателю (уже в 1902–1906 г.), Mülverstedt'y, предстояла трудная задача, – либо совершенно отбросить труды своих предшественников, либо «переработать и исправить» мириады ошибок. Mülverstedt избрал вторую, наиболее неблагодарную, возможность.

Сословные предрассудки отразились и в иной сфере: только благодаря им геральдика долго и упорно отрицала несомненную *связь многих рыцарских и бюргерских родов* (а, с другой стороны, внесла немотивированное различение, – см. C. Wehrmann против приемов Milde, – *Ratsmänner*siegel и *Bürger*siegel). – Дальнейшее исследование покажет, насколько близки «бюргеры» и «рыцари!» по всей разбираемой мною территории, в данном же случае можно указать пока лишь на ряд безусловно *идентичных гербов*, вроде: люб. бюргер и мекл. рыцарь – Stove, а также Darsow, Dartzow (сомнения Milde, ссылающегося лишь на MUB II № 1196 не основатель-

тивших занятия гербоведением в одну из nobles passions[12], сказалось в полной мере, так же, как и внушительное влияние геральдической рутины, навязчивость старо-дедовских представлений, заставшие сбиться с правильной дороги даже тех исследователей, которые сознательно хотели освободиться от пут изветшавшей традиции.

Приступая к *историческому* использованию гербового материала для мекленбургской окраины, пришлось убедиться в двух фактах. Один из них высоко ободряющий. Окраинное положение и в данной области, как и в других, оказалось крупным плюсом. Начальные стадии гербообразования сказываются определеннее, так как самый обычай гербов, в общезападном смысле[13], проник *позднее*, почему на «колониальном» северо-востоке время геральдической традиции *совпадает* с усиленной традицией дипломатической, и совершенно почти отсутствует фатальное для Западной Европы отставание «граматы» от «герба». С другой стороны, чрезвычайно важно, что пред нами *рецепция* западно-гербовых привычек: перенимается уже нечто *готовое*, и как раз столь спорные древнейшие этапы, когда изначальное гербообразование шло, можно сказать, ощупью, для славянских территорий отпадают. Вся картина раннего гербоообразования получает, таким образом, особую отчетливость как раз на колонизационной периферии, гораздо большую, нежели в странах старой культуры, что должно бы, казалось, обеспечить максимальный интерес именно к окраинам среди исследователей. Между тем такой усиленной разработки колонизационной геральдики отметить не удалось, и это второй факт, уже отрицательного порядка, с которым пришлось столкнуться при ознакомлении с гербовым ма-

---

ны; дальнейшие гербовые варианты вполне удостоверяют *идентичность герба*); Люб. бюрг. и мекл. и голшт. рыц. Bocholte; люб. Бюрг. и голшт. рыц. Kule; ср. также ниже прим. 34: люб. бюрг. Bokelc=мекл. рыц. Boleke; и т.д.

[12] См. ниже прим. 18 – деятельное участие родовитых авторов в изучении истории отдельных родов.

[13] Об особых *славянских* эмблемах см.ниже.

териалом Мекленбурга и соприкасающихся к нему территорий.

Все старые геральдические работы дают мало, даже в смысле собрания материла, в виду отсутствия в них критического начала. Из новых работ далеко не все, даже не большинство, задавались *историческими* целями: характерно, что наиболее ценна публикация по поморским гербам принадлежит *самоучке* Bagmihl'ю, а лучшая разработка первоначальной мекленбургской геральдики сделана *медиком* Crull'ем[14]. Еще более характерно, что тот же Crull, ныне уже покойный, должен был, несмотря на громадный накопленный им материал, воспользоваться которым удалось и пишущему эти строки, сильно сузил границы своего исследования, написал лишь prolegomena к мекленбургской геральдике[15], – настолько почва оказалась еще засоренной и невозделанной. Показательны также и многочисленные недостатки, в смысле рецидивов в сторону приемов старой, им же самим осужденной, геральдики у наиболее современного работника в этой об-

---

[14] Прекрасные, по своей исторической надежности, публикации дал *художник* C.J. Milde (особенно в чисто *любекской* части своего труда, где ему принадлежит и *текст*, который для гольштинских и лауенбургских партий составлен былш Masch'ем) – Siegel des M.-A. Aus den Archiven der Stadt Lübecki. I–X (1856–1879). – *Самоучкой* же нужно считать и священника Blaźek'a, издавшего (для нового Siebmacher'a) геральдику вымерших родов Силезии (I–III, да еще 3 Nachträge; 1887–1894; Blaźek указывает, что работает «по схеме Mülverstedt'a», на самом же деле далеко превосходит свой образец по тщательности блазонировки и, главное, точной зарисовке гербовых *вариантов* (для рода «Bees» – 14!), что у Mülverstedt'a, (да и вообще во всей коллекции нового Siebmacher'a) встречается лишь в виде исключения. *Любителем*, без всякой геральдической выучки, был и v. Bohlen, значительность труда которого (Gesch. der v. Krassow) вне сомнения.

[15] Его standard work... *статья* в Jahrb. LII (1887). S. 34–182 (и Добавление – LIII. S. 531 sq): Die Wappen der bis 1360 in den heutigen Grenzen Meklenburgs vorkommenden Geschlechter der Mannschaft.

ласти, у Mülverstedt'а[16], обладающего и громадной опытностью, и колоссальным материалом[17].

---

[16] Крупнейшим минусом Mülverstedt'а является то, что у него *нет определенной собственной геральдической позиции*. Литература предмета и полемика (в Pomm. †: по вопросам о «происхождении» и «национальности» полемика с Klempin'ом, по геральдическим вопросам – с Bagmihl, по определению и указанию *владений* – с v. Lehsten; в Meckl. † полемика против дифференциации и идентификации, принятых в MUB) оказывает неизменно сильное влияние на его изложение; он, несомненно, во всех своих работах дал много ценного и надежного, но *нигде* мы не видим *системы*; он скорее отвечает на ряд уже ранее поставленных вопросов, но редко является самостоятельным вопрошателем. Этими особенностями и объясняется, что он не выработал особого, присущего ему одному, типа геральдического обследования, что в каждой новой работе проблема меняется. Важный вопрос о «гербовом средстве» проведен, напр., гораздо полнее в Pomm. †, нежели в Meckl. †, и, наоборот, в Pomm. † едва затронуто сравнение местных гербов со сходными гербами соседних территорий, а в Meckl. † как раз на основании сходства гербов дано много ценных указаний относительно расселения и переселения дворянских родов, причем *связь Мекл. и Поморских земель* выступает довольно выпукло.

Историческую точку зрения Mülverstedt считает обязательной, сам же более чем часто впадает в *узко-геральдическое* рассмотрение: вопрос об автентических, древнейших гербах его интересует лишь спорадически, мало привлекают и гербовые варианты; гербы, а не гербоносители – на первом плане: ныне еще здравствующих v.-Wenckstern он вносит в разряд «вымерших» родов, так как они приняли *новый* герб, а мекл. Robele и Walie (он не склонен, повидимому, идентифицировать их, вместе с Клемпином, с родом Balge), от которых до нас *не дошли* гербы, он совершенно исключает из рядов Meckl. † Adel.

[17] Особенно целая серия работ в новом Siebmacher'е», насколько мне их удалось проверить по собственным наблюдениям: Abgestorb.(†) Adel d. Prov. Preussen (1878), † Prov. Brandenburg (1880), † Prov. Sachsen (1884),), † Prov. Pommdern (1894; Supplement – 1900), † Meklenburg (1902), Preuss. Lebend. Adel (1902–1906).

Постоянное сотрудничество художника Ad. M.

Hildebrand'a несомненно способствовало выработке общего *типа* геральдического рисунка в работа Мюльверштедта, но переоценивать этой чисто технической помощи не следует (вопреки большинству рецензентов, особенно в главном геральдическом органе – Der Deutsche Herold). Ибо, во-первых, прославленная «манера Гильдебранда» все же – *стилизация*, т.е. воспроизведение не точное, а *субъективно* окрашенное (в ранней работе Гильдебранда по гербам Blühender Preuss. Adel, 1878 г., начиная с «Held von Arle», ясно видно, как он *ищет* «свой» стиль, как лишь постепенно крепнут рисунок и геральдическая уверенность), а во вторых, *рисунок часто расходится с блазонировкой Мюльверштедта*, причем характерно, что в более *ранних* работах это расхождение *больше*.

Неверная *шраффировка* (пометка тинктур) сравнительно с указаниями *текста*. Pomm. † (1894): S. 3 Anrswald – tab. 2; S. 33 Günsterberg – tab. 21; S. 5 Barner – t. 3; S. 7 Bornthin – t. 6; S. 19 Dargusch I – t. 12 (Hildebrand вообще всецело придерживается так называемой системы Bewehrung, окрашивания в *определенные* цвета второстепенных частей гербовой эмблемы, что совершенно не соответствует первоначальной практике эпохи «живой» геральдики); S. 32 Gristyow II, Grundies – t. 20; S. 36 Hindenberg – t. 22; S. 45 Knuth – t. 27; S. 49 Kühlen – t. 30; S. 92 Skork – t. 57; S. 61 Moltke – t. 38; S. 30 Gork – t. 19. Meckl. † (1902): S. 12 Bibow – t. 6; S. 19 Buckow – t. 9; S. 33 Fahrenholz – t. 17; S. 59 Kosboth – t. 32; S. 60 Kröcher – t. 33; S. 82 Rabe – t. 46; S. 84 Rehschinkel – t. 47; S. 95 Schorleke – t. 3; S. 97 Schwerin IV – t. 55; S. 101 Speckin – t. 57; S. 106 Stuer, Suckow – t. 60; S. 108 Thuin III – t. 61.

Ошибки в названиях и именах. Pomm. † текст (Mülverstedt) S. 55 Lissow – tab. 34 (Hildebrand) Lillow, S. 62 Moislimer – tab. 38 Moisiemer, S. 64 Nesnachow – tab. 39 Nesuchow, S. 77 Reinbaben – t. 48 Reinlaben. S. 87 Scholten – t. 54 Schotten (еще S. 7 Bevenhusen – t. 4 Bevenhufen, S. 30 Goddenthow – t. 19 Goldentow). – Meckl. † лишь *три* примера: в тексте Billerbek, Kranz, Schlagstorf, – tabl. 6, 33, 52 Bitterbek, Krane, Schlagshof.

Ошибочная *перестановка* рисунков (типа – описание гербов А.В. в *тексте* соответствует рисункам *таблиц* В.Л.). Pomm. † (в Meckl. † *не* наблюдается!): S. 29 Glöden I. II – tab. 19; S. 33 Günsterberg I. II – t. 21; S. 43 Keding II. III – t. 26; S. 45 Knuth I. II – t. 28; S. 75 Pausche I. II – tabb. 46, 47; S. 80 Rostke I. II – t. 50; p. 91 Selasinski I. II – tabb. 56, 57; S. 95 Suckow I. II – t. 61.

Полное или частичное несоответствие рисунка блазонировке в тексте. В Pomm. † особенно характерные случаи при гербах Paselich и Süring: рисунок дает как раз то, что текст считает *неправильным* и против чего ведется *полемика*! Сюда же относятся случаи (Pomm. †) S. 15 Bützow – *geharrnischtes* besporntes Bein, a tab. 9 дает – «сапог со шпорой», даже без ноги (любопытно, что у Bagmihl как раз *обратная* ошибка); S. 90 Schwichow – grüner Boden, т.е. *растущий* «куст», a tab. 56 дает – *срезанную* ветку; S. 89 Schwensitzki – w. und gr. *Dreihügel*, auf dem 2 r. Büffelhörner stehen, a tab. 59 дает очень интересную архаическую (но неизвестно на каких основаниях; во всей поморской геральдике аналогий нет!) фигуру, так наз. «Grind», т.е. рога с частью *черепной крышки* (не «Dreihügel»!), обозначая притом для *всей* фигуры *сплошную* (красную) тинктуру. Ср. еще S. 4 Barfus – rote *Kugeln*, a tab. 5 – «огненные языки»! S. 7 Bichow I – feuerspeiender Löwe, a tab. 5 дан характерный геральдический «язык»; S. 17 Colrepp не указано (да и не надо, так как это *позднейшая* прибавка) «облако», которое *дано* на tab. 11 – В Meckl. † таких непростительных ошибок уже исчезающее мало: наиболее крупная S. 93 Schmecker – vorne eine halbe schw. Und hinten eine halbe r. Lilie, a tab. 52 дано (и это *верно*; см. и Ledebur II S. 382)... ½ *орла* и ½ лилии!

К ошибкам Гильдебрандта, таким образом, прибавляются (и опять таки в Pomm. †) еще и *ошибки самого Мюльверштедта*, напр. классическое иногда невнимание при блазонировке (S. 101 Tod, Tode – bl. mit w. *Sparren*, а на tab. 63 *верно*, см. и Bagmihl V S. 146 и табл. 769, дается – в синем поле белый *лебедь*; или S. 83 Schacht II – 3 *sechs* blättrige Sternblumen, причем указывает, что Bagmihl nennt die Figuren «Sterne» mit Unrecht, denn solche haben niemals *sieben* Strhlen, а на tab. 52 дано, и это опять-таки *верно*, семь «лепестков»), очень серьезное невнимание при сравнении гербов (S. 43 указывается на гербовое «сходство» поморск. Karow с голшт. Sehstadt, между тем герб последних принадлежит к совершенно *иному* гербовому *типу*! S. 47 Krankspar указано на гербовое «родство» с Bulgrin, причем эмблема рода Krankspar определяется «Wölfe», S. 14 эмблема Bulgrin указана... «Füchsel»! p. 58 указывается на фактическое и гербовое родство Malkewitz с Slawkewitz, а по S. 92 оказывается, что у Slawkewitz совершенно иной, несходный герб!), неисправленные описки в именах (S. 10 в статье v. Braunschweig – die v. Moröler вм. Mörder) и геральдической терминологии (S. 11 «Ledernessar»

Готового надежного материала для использования его в целях исторических, таким образом, не оказалось. Пришлось поэтому озаботиться как сводкой того, что уже собрано современными гербоведами, так и проверкой этих данных, насколько то позволяли оригинальные печати грамат. Вторая задача заключалась в попытке установить те принципы, при помощи которых возможно *историческое* использование собранного таким путем материала. Лишь глубокая уверенность в необходимости и плодотворности такой работы заставила меня перейти в чуждую доселе область, а непропорционально большое место, уделенное мною рассмотрению материала геральдического, объясняется как значительностью его так и непомерным, почти подавляющим его объемом[18], а также

вм. «Ledermesser») и т.п.

[18] Для *мекленбургской* геральдики использованы были следующие материалы. Прежде всего, конечно, *оригинальные* печати в архивах центральных (Schwerin, N. Strelitz) и городских (Rostock, Wismar; а также Greifswald и Strtalsund, давшие много для *мекленбургской* геральдики). По этим оригинальным данным (гербы-эпитафии и вообще монументального происхождения обследованы не полностью, в виду их крайней разбросанности; значительное количество их было извлечено из отдельных антикварных публикаций, главным образом в Jahrb.) *проверены* были описания и рисунки гербоведов. Но опять-таки с ограничением: работы, вернее бессистемные коллекции XVII и XVIII вв. изучены были не полностью, так как полная ненадежность их определилась слишком ясно. Проработаны, поэтому, были лишь Latomus («Uhrsprung und Anfang etc.», сперва по печатному эксцерпту 1619 г., а затем по полному манускрипту в Шверине), Pritzbuer («Index concisus etc.» по печатному эксцерпту 1722; Библ. Ростокс. Унив. – в экземпляре ряд рукописных добавлений), M.I.Beehr («Rer. Meclenb. Libri VIII» по изд. Kappius'a, 1741 г.); Gamm (Verzeichnis der ausgestorb. Geschl.; ок. 1775 г.) по *печатному* изданию в Jahrb. XI, 1846. S. 423 sq.; C.F.A. v. Meding («Nachrichten etc.» 1786--1791). Crull Jahrb. LII p. 39 хвалит еще работы Hoinckhusen'a и v. Pentz'a (обе рукописные, в Шверине), из них первая навряд ли заслуживает какой-либо похвалы.

Работы XIX в. изучены были, конечно, полностью: Masch

новизною некоторых наблюдений, потребовавших самого тщательного подтверждения.

Обследование группируется вокруг двух основных вопросов, без которых историческое использование гербов невозможно, – вокруг данных, указывающих на *условия образования гербов*, и данных, свидетельствующих *о*

(«Wappenbuch» 1837), v. Hefner (в коллекции Siebmacher'a, 1858), v. Lehsten («Adel Mecklenburgs» 1864); к превосходной характеристике этих работ у Crull'я (Jahrb. LII S. 40 sq.) можно прибавить лишь, что он слишком снисходительно оценил Hefner'a (который ведь работал исключительно по Masch'у, *произвольно* лишь изменяя его указания «nach ächter Heraldik») и недостаточно оттенил несомненные заслуги v. Lehsten'a (особенно его *надежный* материла по дворянскому *землевладению*). – К дальнейшим важным работам относятся кроме самого Крулля, еще v. Teske (о *городских* гербах, см. выше прим. 9) и труды v. Mülverstedt'a (см. в прим. 17).

Очень много ценного материала, притом (вследствие дилетантизма большинства составителей) в *сыром* почти виде, содержится в *специальных публикациях* по истории отдельных родов. Материал этот сравнительно мало использован Круллем и Мюльверштедтом; исчерпывающее его рассмотрение, думается, не удалось и в настоящем случае, Jahr. LII S. 39 так как ряд изданий находится в фамильном лишь обладании. Доступны оказались работы: C. Balck (относ. v. Balck. 1890; Baleke-Balch-Balck – «Herold» 1890; Ahnentafel 1904), G. Lisch (v. Behr. 1861–97), F. Wigger (v. Blücher. 1870), анонимно (v. Buch. 1784), G. Bülow. 1871), L. Wegner (v. Dewitz. 1868), F. Crull (v. Fineke; Jahrb. XLII, 1877), G. v. Flotow (v. Flotow. 1844), G. Lisch (v. Hahn. 1844056), F. Crull (Hahnstert-Hahnzagel; Jahrb. XXXIV, 1869), G. Lisch (Holstein-Kruse, Jahrb. XXIX, 1864), C. Kamptz (v. Kamptz, 1871), G. Masch (v. Kardorf. 1850), анонимно (v. Ketelhodt; s.a.; в Унив. Библ. Ростока), анонимно (v. Knuth; Jahrb. XXV, 1860), анонимно (v. Koss. 1789), G.Lisch (v. Maltzahn, 1842–53; о гербе их – 1851), анонимно (генеалогия v. Maltzahn – манускрпт в Унив. Библ. Ростока), B. Schmidt (Maltzan-Maltzahn. 1900–1908), A. Mann (v. Mann. 1887), G. Lisch и E. Sass (v. Oertzen. 1847–91), F. v. Meyenn (v. Pentz. 1891. 1900). U. v. Oeyenhausen (v. Plessen–v. Hohen-Viecheln. 1907), C. v. Pressentin (v. Pressentin, 1890), W. v. Pressentin (Pressentin Prestin. 1899), G. Lisch (v. Putlitz. 1841), анонимно (v. Warburg; s.a.), C. Fromm (v. Zepelin. 1876).

раннем преобразовании этих первоначальных гербов. Лишь заручившись *надежными* наблюдениями в области генезиса и этиологии гербов[19], можно приступить *к сверке и сближению гербов отдельных родов*, т.е. к наблюдениям *исторически* важным. Аргументация гербоведов – иная: для них определяющим является самый факт сходства или несходства гербов, причины же этого явления, изначальность или производность такого сходства или несходства не останавливали их внимания; в этом опять сказался гипноз догмата о неизменности гербовой эмблемы. Хронологической гранью предпринимаемого обследования естественно является время *практического* еще значения гербов, т.е. XIV и XV вв.

Каковы элементы *раннего гербообразования*, уловимые в геральдической традиции?

Выделяется, прежде всего, очень большая и древняя группа, отличающаяся не только простой эмблематического рисунка, но и чрезвычайно *практическим его помещением* на щите, так как от этого увеличивались выносливость и сила сопротивления самого щита. сохраняемые (и в очень незначительном количестве[20]) в музеях показывает, что наибольшая работа приходилась на центр и края щита, так как фехтовальное искусство средневековья[21] требовало парирования удара не тяжелым мечом, а более легким щитом, не отвращения удара, а превращения его из разящего в скользящий. *Укрепление* щита, его центра и краев, и послужило одним из поводов к перво-

---

[19] Дальнейшее обследование покажет *закономерность* большинства изменений, а посему обозначение «Der Urbrei» (Seyler S. 65 sq.)не приложимо даже к наиболее примитивной стадии.

[20] Seyler p. 101 объясняет это малой заботой современников о сохранении «негодных», испортившихся» щитов, и приводит старую поговорку (из собрания 1605 г.): «Ein newen Schild hengt man an die Wand, wenn er alt wird, so wirft man ihn vnter deie Banck».

[21] E. Mérignac. Hist. de l'Escrime...T. II (Moyen-âge). 1886

начальному его геральдическому использованию. Простейшие и основные деления «гербового поля» поперечными, продольными и диагональными перекладинами[22] связано именно с фактическим укреплением щита; а громадное количество ранних эмблем центрально-щитового расположения[23] объясняется исключительным значением

---

[22] В виду изложенного, предпочитаю реальные названия взамен «геральдических» определений – «столб», «перевязь» и т.д. К тому же русская геральдическая терминология и до сих пор зависит еще от неудачных *переводов* знаменитого Амбодика («Избранные эмблемы и символы» 1811). Два вып. «Русского геральдического словаря» В. Белинского вышли уже по написании этой части работы: попыток *коренного* разрыва с неудачной заимствованной терминологией не наблюдается.

[23] Центральная «бляха», превращающаяся потом в центральную же «розу», «лилию», «звезду» и т.д. Сюда же относятся и эмблемы типа Y, когда от центральной одинокой эмблемы протягиваются лучи (и «листья») к *краям* щита, по-видимому опять-таки в целях его *укрепления*. Примером такого превращения может служить герб рода Stowe: *любекская* линия имеют одну лишь центральную «розу», одновременные (и родственные) линии *голштинская и мекленбургская* имеют ту же «розу», но уже с прибавление «листьев» (разных: «клевера», «липы» или «татарника» – по точнейшим определениям гербоведов старого пошиба), расположенных в виде Y; *практическая* причина этого изменения («перехода на другой герб» сказали бы в былое время) подтверждается еще и тем, что *мекленб.* же Stowe имеют еще и герб в виде простой перекладины типа ╲ и ━ (так наз. «деления» щита).

О дальнейших поучительных изменениях центральной бляхи см. н. в отделе «мутаций».

Громадное большинство приводимых ниже гербов с центральной (или типа Y) эмблемой относится ко времени до XIV в. (*мекленбургские* же примеры без исключения принадлежат лишь XIII и XIV вв.).

Meckl. †: Bistow, Bonsack, Dargun (Drgun), Gehrden, Hallermund, Hovesch, Janekendorf, Karow, Krevesdorf, Löwitz, Nortmann, Osterwalde, Romberg, Schartow, Schinkel, Schönberg, Scwan, Seestedt, Stowe, Vogt, Wenkstern, Zapkendorf.

Pomm. †: Sydow, Tribsees, Schmeling, Blixen, Lindstedt, Grundies, Teskewitz (особ. хорошо: 1316, 5d.), Karow (особенно отчетливо 1315, 6a), Spandow, Ruimmel, Schwane, Stein.

центральной возвышенной бляхи, щитового «пупа» (umbo, bouclier, Schildbuckel). То же самое практическое значение имела и обивка щита гвоздями с широкой головкой или усеяние его бляхами небольшого размера[24], из чего позднейшая геральдика сделала «монеты», «оболы», «золотые ячменные зерна» и т.п., расставив их правильно расположенными рядами и точно ведя им счет. Усиление выносливости щита, особенно его ответственных частей, преследовала и обивка его (двойная и тройная) кожей, что опять дало ряд геральдических мотивов широкого распространения[25].

Holstein †: Odzehude, Smyth (Faber), Stove, Zestede.
Sachs. †, где этот тип особенно процветает: v. D. Helle, Scheidingen, Sack, Schwenz, Zartewitz, Spira, Peres, Lipitz, Wernerode, Wetelitzx, Seben и т.д.
Brandenb. †: один из Bellinm, Dahme, Seben, Wellen, Beeren.
Preuss. †: Kobersee, Wandofen, Kikol, Lesgewangen.
Schles. †:Czornberg, Buch (Boch), Crenowitz, Popschütz, Dluhomil, Wüstenhube, Forst, Ungeraten, Füllstein, Prausiez.

[24] Таково происхождение герба v.-Bülow; ср. и Meckl. †: Brützkow, Dargislav, Dergaz, Hunger, Trost, Ummereise; Pomm. †: Hagen, Ketel, Klot, Starkow; Brand. †: Burghagen, Hohenberg и т.д. *Количество* изображенных предметов *варьировало* самым определенным образом, даже на гербах *одного и того же лица* (особенно у v.-Bülow), несмотря на «нормировки» гербоведов.

[25] См. статью Mülverstedt'a – Zeitschr. D. Harz-Ver. II, pp. 174 sq. См. Seyler pp. 89 sq. об изготовлении щитов цехом «седельников», между прочим с указанием на известные статуты парижского прево при Людовике XI, Этьена Буало (Н. Грацианский «Парижск. ремесл. цехи в XII–XIV стол.» 1911 – этой стороны не касается).

К гербам, возникшим из «щитовой обивки», относится, прежде всего, большая группа типа *разреза*, причем *направление* разреза ⋖ ∧ ⋗ оказывается *безразличным*, так как сменяется произвольно как у отдельных лиц, так и у родственных групп (см. Meckl. †: Negedank, Meinsdorf, Parkentin, Plüskow, Rathlow); безразличен и *характер* самого обреза – прямой ⋖ или кривой ≺ (вроде Meckl. †: Duvensee, Gummer) – как явствует из печатей меклепбургск. рода Meinsdorf. К той же большой группе относится и широко распространенный тип *мно-*

Прямое *украшение* герба, обивка его лоскутами меха, превращение геометрической формы центральной бляхи в розу, звезду, лилию, солнце и т.п. – уже явления вторичные, относящиеся притом уже к области *изменения* гербов.

Архаической, по-видимому, группой являются и эмблемы типа тавра (или «рунического» характера), хотя геральдики и склонны отрицать[26] гербообразовательное значение тавра. Перенести свою владельческую марку с коня на свое же вооружение[27], специально на щит, –

гократного разреза, продольного или поперечного ≷ W , как у Meckl. †: Burkesrode, Kerberg, Quetzin, Spenmgel, Stavenow, Unrowe. Гербы мекленбургск. Güstow (многократный поперечный разрез «во главе» щита и ряд «роз», т.е. прежних прикрепляющих *гвоздей*, на самом верхнем краю), а также Poppentin («звезды», т.е. опять-таки гвозди, по краям всего, притом «пустого», щита) относятся, несомненно, к той же группе, как и известный герб («крапивный лист») графов Гольштейн-Шауенбургских (см. Milde; характерно, что из 243 гербов местных же *рыцарей* нет ни *одного* герба этого типа, – сильное противопоказание против теории о распространении герба сеньора на его вассалов).

Из внемекленбургских гербов к указанному типу принадлежат – Pomm. †: v. Starkow, de-Troche (см. особ. 1316, 15d.); Brandenb. †: графы Grieben, v. Beust, Kerberg, Stavenow; и особенно много Sachs. †: Besekendorf, Jan (Jans), Rockhausen и т.д.

26 E. Gritzner («Heraldik» в собрании Al.Meister'a) p. 375. – Типы тавра, приведенные у C. Homeyer («Haus-und Hofmarken» 1870) в сильнейшей степени напоминают соответствующие *геральдические* типы. С другой стороны, доподлинно известно, что гербы упрощались в «тавро» для пометки *границ* (на деревьях, камнях, столбах; см. F. Fabricius «Die älteren Siegel der Stadt Strtalsund», сперва в Vierteljahrschr. des Vereins «Deutscher Herold» 1874, Heft 2, где использован очень богатый материал штральзундского геральдика A.Brandenburg'a; к группам Гомейера «Hausmarken», «Hofmarken» прибавляется, таким образом, еще группа *Stadtmarken* или, вернее, *Stadtfeldmarken*); обратный процесс – усложнение «тавра» при превращении его в герб – не может быть, поэтому, отвергаем без достаточных *фактических* данных.

27 В Берлинском Zeughaus и в Нюрнбергском музее на целом ряде старых предметов вооружения, особенно явственно на

было идеей вполне естественной, с которой поэтом нельзя не считаться. Не должно повлиять на наше мнение и сравнительно небольшое количество гербов типа «тавра»[28], так как именно этот тип подвергся наибольшим

привозных мечах тонкой восточной работы, видно позднейшее, довольно варварское, высечение тавра владельца.

Важна, в связи с этим и еще одна особенность: наибольшее количество гербов типа «тавра» принадлежит *городской* среде: этим тавром отмечалась принадлежность вещей (см. Указанная работа Гомейера) и товаров определенному лицу (см. Н. Лучицкий, статья «По поводу Дрогичинских древностей» – Чтен. в истор. общ. Нестора летописца. VI. 1891), им же *припечатывались* и деловые документы данного лица. *Перстень* с тавром (как и перстень «буквенный», с *инициалом* владельца, см. н.) легко мог превратиться в перстень *гербового* типа. О близкой же связи городского патрициата, и вообще бюргерских кругов XIII в. с кругами рыцарскими и служилыми придется говорить не один раз.

[28] Из мекленб. родов сюда относится лишь Torkow, совершенно неопределенная гербовая фигура которого («мертвая» геральдика умудрилась из нее сделать… накрест лежащие ключ и ложку) до сих пор не поддавалась «строго-геральдической» блазонировке.

Хорошие образцы для Поморья дает грамата 1316, 10 с. (van de Rode), 10d (Henricus Friso). Из *любекских* гербов сохранили этот тип: Crowl, Cropelin, vamme Dale (de Valle: «тавро» в виде **T** – немецкая геральдика увидела бы здесь «*Antonius*-Kreuz» – в верхней части герба типа **Y**) и Mornewegh, причем последний род пользуется еще и *другим, конкурирующим* гербом («павлин»). Сюда же относятся – Prov. Preussen †: Gnadkau; Schles. †: Werbeno (Wrbna в XIII в.), Schnellewalde (с XIII в.); Tschetschke (XV в.), Brinning (в старом Siebmacher'e – Brimnig; XIV в.); Brandenb. †: Witte (Albi; произвольно пересекающиеся две линии в крайней правой части щита – герб 1342 г.: эмблема нигде более, насколько мне известно, не встречающаяся), Metzdorf, Rinow; Sachsen †: Körbitz, Siedersleben. Особого внимания заслуживает герб-тавро саксонских же Gieseler ; его блазонируют как «Hakenkreuz», между тем трудно отказаться от мысли, что пред нами *линеарный* рисунок человеческой *фигуры*, какой всюду повторяется *пиктографией* всех времен народов; догадка эта подтверждается и гербом любекского бюргерского рода Schipmann (типа *«говорящего»* герба, см. н.): на «корабле» (Schip) стоит опять-таки

измененениям и «облагорожениям»; особенно явственно стремление придать ему форму креста, различных разновидностей которого «систематическая» геральдика насчитывает ведь до двухсот.

Определенную, мало отмеченную гербоведами, группу составляют эмблемы-*буквы*[29]. Преобладают они в демократической, так сказать, геральдике, в *городских* гербах, являясь как бы прообразом демократического R.F. современного французского государственного герба. Дворянская геральдика их знает уже меньше, быть может вследствие меньшей грамотности.

Почти необъятна группа так называемых «говорящих»[30] гербов, у которых уже самая эмблема точно ука-

---

«Hakenkreuz» *того же типа* как и у Gieseler, т.е. *человек* (Mann). Выводы Пекосиньского (Poszet najstarszych pieczeci szlachty polskiej z tematów runicznych. 1890), в подтверждение его теории приэльбского завоевания идут слишком далеко.

[29] Mülverstedt (†Prov. Sachsen) S. 17, относительно рода Biedersee с гербом Ɛ – «Anfangsbuchstabe des Schildführers, *eine fast beispiellose Singularität* in der Wappenbilding». Против этого утверждения говорят следующие факты. Буквенные гербы имеют *города* Gaming и Garz (**G**), Sangershausen и Schönau (S; в последнем городе был еще более ранний герб типа ʆ – епископского посоха, из которого, возможно, и получилось позднейшее S), Rothenfels (**R**) в Баварии, Uckermünde, древняя форма Wcra, с *двумя* конкурирующими гербами – **W** и драконом. Из дворянских гербов этого типа мною замечены: гальберштадтский род Barum XIII в. (**Ż**), саксонские Kappe (**N**) XIV в., силезские Mesenau XIV в. (S) и Dobritsch (ʔ) XV в., силезские же Kadlubski (**N**; ср. того же времени и Kladrubski с тем же **N**, какового сходства Blażek II S. 57, 60 не отметил).

К этой же группе относятся, быть может, и многочисленные гербы типа **Z** (Zeta по определению польской гарльдики, «Wolfangel» по немецкой терминологии) – поморские Volzeke XIII в., саксонские Wukf XIV в. и т.д., а также гербы типа опрокинутого вправо **X**, вроде поморских Krümmel. – Характерно, что *балтийская* геральдика, кроме указанных только что сомнительных все же случаев, не знает буквенных гербов.

[30] Термин «гласный» герб, думается, менее подходит, так как он предполагает противоположную группу *безгласных* гербов, чего по понятиям того времени быть не могло: *каждый* герб

зывает на фамилию (или прозвище) владельца[31]. Широ-

«говорил», т.е. *точно* определял своего владельца (с развитием, а отчасти и извращением геральдики герб сказывал даже *историю* данного рода; в изменении типа лодки, встречающейся в гербе гор. Штральзунда, Brandenburg хотел даже видеть отражение различных этапов в развитии самого города – vom Fährort zur *Handel*sstadt; см. F. Fabricius «Stralsund» S. 7) либо непосредственно (эмблематически), либо условно (геральдически).

31 Примерами «говорящих» гербов *простейшей* формы могут служить: мекл., прусск., силезск. Rabe, Rave, Raven (герб – «ворон»); поморск., любекск. Behr, Bere («медведь»); мекл., поморск. Hahn («петух»); мекл. Berkhahn (три «тетерева»); поморск., голшт., сакс. Wolf («волк»), любекск., бранденб. Voss («лиса»); поморск. Ewerd («кабан»); прусск. Schweinichen («свинья»); мекл. Katte («кошка»); саксонск. Auerochs («тур»); бранденб. Storkow («аист»); мекл. город Schwan («лебедь»); поморск., бранденб. Horn («рог»); мекл., пом. Klawe (=Klaue, «птичья нога»); мекл. Rosenow («роза»); силезск., бранденб. Sack (4 «мешка»; получилось, несомненно, из просто четверочастного щита; любекск. Sach имеют простой пересеченный щит); голшт. Bot («корабль»); бранд. Scheere («ножницы»); мекл. город Mölln («мельничное колесо»); мекл. город N.-Bukow («бук»); моравск. город Klobauck («шляпа»; по тепер. рисунку вроде… цилиндра!).

Примерами более *сложных* форм: эмблемы по занятиям и придворному чину – бранденб. Falkener (3 «птичьих» головы; очевидно «соколы»), сакс. Schenk (три «кубка»; *простой* же формой: три «стопы», ср.верхне-нем. Stouf [= Calix; J.Grimm Kleinere Schriften III, 3], у швабских Staufen); эмблемы-*ребусы*, иногда очень сложной интерпретации: мекл. Kaphengst (снаряженная «купеческая» лошадь!), Brasche («собака» = «Bracke»), Scherf (расколотая монета = «Scherf»), бранд. Bokmast («бук» с «плодами»), мекл. Vogelsang («поющая птица»), бранд. Vielroggen (в левом скошении масса «зерен ржи»); поморск. Hunemörder (исполин, так наз. «дикий человек», с вырванным деревом); бренденб. Wendes (см. Seyler S. 80) с гербом – «вендский» воин (другой, бранденб. же род Wenden имеет простое «стропило»; любекск. Went простое «отсечение» верхне-левого квадрата), тем более, что создался, и перешел в геральдику, *особый точно установленный тип* «венда» (характерная *остроконечная*, полумеховая шапка-колпак), одинаково встречающийся и на рисунках извест-

ного манускрипта Сакс. Зерцала, и на гербах-печатях (ср. род Nickeritz – в Орденской Пруссии); кроме «дикого человека» широко распространен (особенно в недавно обращенной Пруссии, среди местных *туземных* родов: *древнейший* здесь род Teuffel, затем Potritten, Schwitten, Luprecht) тип «дикой женщины» (с рогами в обеих руках, что сильно напоминает «славянскую Цереру», богиню Живу, как ее определяет Mater verborum и как ее любили изображать вплоть до XIX в.) – Примером *недавнего*, притом официального, герботворчества может служить герб, дарованный в 1850 г. (10/XII) мекл. деревне Wagun (¾ NO Neukalen): стадо *выгоняется на выгон*!!

Особого внимания заслуживают два герба-ребуса. Герб мекл. города Kröpelin в виду его *троекратного* «говорения»: «калека» (Krüppel;, на некоторых печатях *женщина*-калека: Krüppelin) на четвереньках (местная легенда объясняет дело à la Дидона: князь позволили первопоселенцу взять по «городом» столько земли, сколько он оползет на коленях в течение дня) ползет (krupen = kriechen) калека, притом *зобатый* (Krop = Kropf, «зоб»). – Еще сложнее геральдический ребус магдеб. Bardeleben (и Bartensleben), у которых встречается конкуренция эмблем: «колесо», «колесо и волк», «волк и два снопа»; особая статья Mülverstedt'a (29-er Jahresber. D. Altmärkю Ver… zu Salzwedel) *не выясняет* происхождения герба, а устанавливает лишь довольно сложное гербовое и фактическое родство. При *дальнейших* объяснениях не следует забывать, что в данном случае наблюдается 1) *резкое изменение* герба, что 2) эти изменения могут иметь в основе своей внесение принципа «говорения», 3) что печати *неотчетливо* дают «волка», так что животное легко могло сойти и за «медведя». Возможна, поэтому, гипотеза, что герботворцы разложили (о разложении см. ниже) имя на Bar-(den)-leben (с *опусканием* слога «den»; аналогия см. ниже прим. 40: Bar-deb-fleth) и дали: *медведя, кормящегося* (что, действительно, бывает) в голодную пору осыпающимися от снопов зернами. Ср. также магдеб. Род Berwinkel, у которого (Seyler S. 184) Wolf (?медведь?) über zwei Garben (Berwinkel, как и Asseburg и Oebisfelde – *сородичи* Bardenleben).

На почве «говорения» герба возможно и некоторое объяснение (все же проблематичное) одного из двух *конкурировавших* гербов у мекл. Ummereise, именно герба с изображением «*вырванного* дерева» (или «растения»?): «Ummereise», по-видимому, прозвище (см. указания у Mülverstedt, Meckl. †), и возможно его объяснение в качестве «eradictus».

кое развитие «говорящих» эмблем вытекает не только из практичности их, так как они легко запоминались, но и из известной склонности средневекового человека этимологизировать. Нельзя, поэтому, уже a priori видеть в гербах этого типа нечто исключительно вторичное, результат какой-то моды, притом еще дурно направленной и неумеренно воспринятой. В значительном, правда, количестве случаев «говорящий» герб – не изначален, ибо ясно видно, как «говорящий» элемент прибавлен *впоследствии*[32]. С другой стороны, целый ряд имен и прозвищ как бы напрашивались на «говорящую» эмблему, и все же эта сторона в гербах не отразилась[33]. Тем не менее говорить

---

[32] Мекл. города Gadebusch (ранний герб – «бычья голова»; с XIV в. еще «древо» = Busch), Goldberg, Wesenberg (*прибавка* «горки» = Berg); ср. баденский город Triberg (прибавка *трех* «горок»). Мекленбургский род Trendekopf (первоначальный герб: на перекладине *три звезды*; впоследствии: средняя звезда заменена «головой» – Kopf); поморский род Blixen (к основной эмблеме «солнцу» – 3 «молнии» = Blitze); голштинские Ruce (Rusce), у которых простой четверочастный щит (ср. любекский род – Wende) заполняется в верхней левой четверти «розой» вследствие сомнительной этимологии Rusce (очень вероятно = «из Руси») = «Rose»; силезские Engelhardt (прибавка «ангела»), Banck (патрицианский бреславльский род; основная эмблема, «гусь», ставится на «скамью» = Bank); любекские Wiggerinck (к «стропилу» прибавляют 3 «кольца» = Ring; так и поморск. Glasenapp к «стропилу» – «стакан» = Glas); бранденбургские Barth (к старому, широко распространенного типа, гербу – «орлиная нога» прибавлена голова старца с длинной «бородой») и т.д.

Иногда в погоне за «говорящим»гербом не только частично изменяют герб, но и радикально его меняют: мекленбургские Barvot имеют «рог», – поморские же Barfus – 3 «нагие ступни».

[33] Meckl. †: Rabe (но… ½ лилии; между тем как другие Rabe, Raven в Мекленбурге, орденской Пруссии, Силезии неизменно имеют «ворона»), Distelow (но… ½ лилии; б. м. ошибочно?), Man (но… голова вепря); Pomm. †: Wolf (но «лев»; клейнод – «медвежья лапа»), Kint (но голова «вроде страуса»; мекленб. Kint имеют «вепря»), Horn (но «кабанья голова»; впоследствии появляется и «говорящий» герб – «рог»), Gantzken (но… «ле-

огульно о вторичном происхождении «говорящих» эмблем не приходится, особенно на интересующей нас *окраине*, где произошла *рецепция*, и сравнительно поздняя, чужих гербовых привычек.

Впрочем, даже независимо от вопроса о первоначальности или вторичности, «говорящие» гербы представляют крупный, почти исключительный, интерес, так как позволяют проникнуть в некоторые особенности гербообразования и герботворчества с гораздо большей уверенностью, чем при изучении гербов других типов. Открываются попутно и некоторые позднейшие извращения гербов, так что получается возможность «исправлять» гербы (а иногда и родовые названия[34]) не только на осно-

---

бедь»; ошибка? Ибо *другая* линия, тоже в Поморье, имеет «гуся»); Holst. †: Swin, Porcus (но… «медведь»), Dorn, de-Spina (но… «голова вепря»), Kale, Calvus (но «мельничное колесо»; мекленб. Kale – голова с *густыми локонами*!); Preuss. †: Vogel (но… «рыба»), Ziegenberg (но… 2 «топора»), Einchhorn (но… «голова быка»); Brandenb. †; Schwanebeck (но… 2 «лопаты»; тот же ролд, с той же эмблемой и в Мекленбурге); Schles. †: Wranski (но… «лось»), Poduška (но… 2 «растеньица) и т.д.

34 Мекленб. Boleke (Bole) имели герб – две накрест лежащие «чеки» (затычки у телег, чтобы не спадали колеса; см. Grimm Wörter-B.: «Bole» = «Runge», Wagenrunge); *любекский* род *Bokele* имеет *тот же герб*, так что невольно возникает предположение, что чрез metathesis syllabarum из Bo-le-ke получилось Bo-ke-le. Мекленб. Sonneke имели *два* типа герба: щит, заполненный волнообразными поперечными линиями, и (более поздний) щит, пересеченный одной волнообразной линией, над которой в верхней части парит «звезда», которая несомненно образовалась из первоначального «солнца» (Sonneke). – Мекленб,, а также и голштинск., Hake имели в щите «крюк» («Haken»); относительно же одного из широко представленных вариантов герба мекленб. Hagen vom Geist идет давний спор среди геральдиков: «3 Hörner»? «3 Haken»? Указание на форму имени (Hagen, а не Haken) играет второстепенную роль: мекленб. Cords*hagen* в щите имеют «крюк». – У поморск. Berticow вместо прежнего герба (3 розы в «скошении») появляется *новый* герб – «сокол на ветке»; причина – несомненное сближение имени с *pertica* (итак, *не* «ветка»!) – насест, перекладина в птичнике. – У ныне здравствующих v. Lehsten «колодка» («Leisten» как дает сам v. Lehsten S. 145, а не «Sohle»

вании обычных чисто субъективных и мало обоснованных догадок. Возможны, кроме того, и любопытные наблюдения над национальностью гербовладельцев[35], хотя

как определяет Mülverstedt) в окружении двух развернутых «крыльев» – несомненное, хотя и раннее, добавление.

Поморск. Reck имели в щите «бычью голову» (т.е. не индивидуальную, родовую эмблему, а герб *земли*), а клейнодом две *«рачьи клешни»;* перенос герба (при замене его новым, в данном случае гербом земли) или части герба со щита в клейнод – частое явление (см.н.), почему и может возникнуть мысль, что род прозывался первоначально не Reck, а *Rack*. – Сомнения возникают также по поводу принятой блазонировки герба поморск. Leidekule: якобы «2 рога (Trinkhörner), накрест лежащие»; имея в виду изображения старых печатей, v. Lehstenможно почти с уверенностью сказать, что это – две «палицы» (Keulen), т.е. что герб «говорящий», как и у голштинск. рыцарского рода Kule, у любекс. Бюргеров Kule, у бранденб. И поморск. Kühlen (мекл. Kühlen в щите имеют простую «перекладину», т.е. *не* перешли на «говорящий» герб).

Поправка нужна, по-видимому, и для саксонск. (около Мейссена, с XIII в.) Loss, герб которых трактуют как «голова *быка*»; также для бранденб. Blümeke, для которых дают, вплоть до Mülverstydt'a: Regenbogen und sterne darüber; «радуга» – редчайшая эмблема, и всегда определяется не ординарной, а двойной, даже тройной, линией; простой же, как у Blümeke, чертой часто определяется «земля» («горка»и т.д.); невольно поэтому и в «звездах» хочется видеть извращение прежних «*цветов*»; также дяля саксонск. (очень древних, с половины XII в.) Redern – на перекладине «drei *durchborte* Sterne», очевидно приспособлебние исконного герба со «звездами» к типу «говорящего» герба («звезды» превращены в «Räder»!).

35 Мекленб. вымерший род Rybe, а также здравствующий там и поныне v. Rieben с эмблемой «рыба»; ср. силезский род Karas с такой же эмблемой. Мекленб. Barnekowe с гербом – *баранья* голова; ср. силезские Koslic с эмблемой «козел». Спор геральдиков относительно поморских Sukowe (2 «волка»? 2 «медведя»?), по-видимому, приходится решить в том смысле, что здесь были две «*собаки*» («суки»), на что, кстати, указывает и наличность «ошейников» на всех печатях, а также и то обстоятельство, что этот «говорящий» герб *заменил* более старый – три «ромба». Таким же путем, б.м., определится и спорная блазонировка мекленбургских Duding: плохо сохранившаяся в печатях «голова», б.м. голова *старика, «деда»*.

чаще всего можно лишь заключать о национальности и родной речи герботворцев и гербоизготовителей.

Яснее раскрываются также причины и приемы герботворчества. Как раз «говорящие» гербы, притом более древние, позволяют установить, что роль *символики* в процессе гербообразования и гербоизменения чрезвычайно *скромна*, почти незаметна[36]. Напрасно, поэтому, иска-

---

как у бранденб. Barth (см. выше прим. 32). Любекский род Samekow вместо простого «скошения» приобретает (первый пример 1369 г.) «зубчатую стену» (*замок*; ср. поморск. Lühe, где такая «зубчатая стена» *превращается* в «замок») в том же скошении. – Город Stralsund имеет основной эмблемой «стрелу» (по острову Strale; так уже Kantzow «Pomerania» I S. 219, а затем и новейшие исследователи – Fock «Rüg.-Pomm. G.» pp. 58, 59; см. грамоту 1240 г. – PUB I № 375; остров уже с конца XIII в. называется Dänholm, и находился в проливе, «зунде»), вернее наконечник стрелы, три составных элемента которого в некоторых печатях совершенно распадаются (не ⇇ а ≡), что позволяет высказать гипотезу, что и герб мекленбургских Preen, блазонировка которого до сих пор не удалась (объяснение в качестве «говорящего» герба: ⩔ = 3 «шила», «Pfriemen» – догадка геральдиков XIX в.), есть не что иное как *«распадение стрелы»* на ее элементы (ср. мекленб. Stavenow, где продольный зигзагообразный разрез распался на три «клинообразные фигуры»); гипотеза эта приобретает тем большее вероятие, что первое появление рода Preen и первоначальная (в XIII в.) оседлость его относится к территории, почти *сплошь* занятой родами герба типа «стрелы». Несколько странным может показаться, что и город Straelen *в Рейнской провинции*, где навряд ли можно ожидать славянского влияния, имеет тоже в качестве «говорящего» герба – «стрелу». Объяснением может служить разве то обстоятельство, что ряд славянских слов (вроде «Grenze» от «граница», см. Kluge: Etymol. W.-B.) перешел в немецкий язык; таким образом проникло, б.м., и слово *«strale», «stralen»* = «наконечник» («копья»?! навряд ли верное определение; ср. мекленбургских Strakendorf с эмблемой еще XIII в., - «три стрелы»; оседлость их также в терриории широкого распространения герба типа «стрелы») = «стрела».

36 Даже такой несомненно увлекающийся геральдик, как граф E.v. Hoverden: Zur Wappensymbolik (статья 1870 г.) должен признать (S. 231), что «символическое» истолкование доходи-

ло до геркулесовых столпов, особенно символизация *тинктур*: *Gold* in den Wappen ist erklärt worden – als Weisheit, Gerechtigkeit, Gottesfurcht, Glauben, Treue, Grossmut, Tapferkeit, Adel, Ritterschaft, Reichtum, Macht, Glück, Jünglingsalter, hitzige Naturbeschaffenheit, Liebe, Ernst, Sakrament des Altars, Sonne, Sternbild des Löwen, Feuer, Monat Juli, Sonntag, Karfunkel, Topas, Chrysolith, Cypresse u. s. w.

Нужна и другая крупная оговорка. Целый ряд «геральдических» зверей отнюдь не являются *символическими* фигурами, так как средневековье, специально XIII в., вполне верило в *реальное* их существование в разных отдаленных местах «земного круга». Так на Эбсдорфской (ок. Люнебурга, т.е. в *ближайшем* соседстве к мекленбургским землям) Mappa mundi мы находим воспроизведенными (см. снимок с Карты в книге «Средневековье», М. 1913) все «геральдические» чудища, вроде – *«пантеры»*, «изрыгающей дух приятный фимиама» (на гербах поэтому всегда изображается с «пламенем»), непримиримого и лютого (прусский род Ingram с гербом – «пантерой» мог поэтому считать свой герб «говорящим» = «Ingrimm» = «лютость») врага *«дракона»* (мекленб. и поморск. Drake, силезские Trach и магдебургские Drachstedt имели «говорящий» герб – «дракона»; мекленб. же Drage – две *волчьи* головы!), *«единорога»*, которого «может уловить лишь непорочная дева» (поэтому довольно часто единорог в гербе превращается в целую композицию, вроде замечательной серии гобеленов – La dame à la Licorne – Musée de Cluny: «дева» на цепи ведет это чудовище – ср. герб бранденб. Kahlbutz, и также бранд. Retzdorf, где в гербе – «единорог», а клейнодом – «дева»), *грифа* (о нем см. н.) и т.д. Сюда же отчасти относятся и нефантастические, но редкостные животные, вроде *верблюда* (средневековое «olvent», «olbent», почему и соответствующий герб у магдебургских Olvenstedt был «говорящим»; причина помещения «верблюда» в герб мекленб. Kröcher – мне не ясна), страуса (*непременно с «подковой» во рту*; характерен в этом отношении рисунок рыцаря Грюнемберга, данный им в качестве иллюстрации к описанию его хождения в Святую Землю в 1486 г. – впервые издано в серии Voigtländers Quellenbücher, 1912; № 18; Грюнемберг хочет дать образцы *реальной* палестинской фауны (S. 55 печатн. изд.), но он в качестве *геральдика*, – ему ведь принадлежит известное Wappenbuch, законченное в 1483 г., прекрасно изданное в 4 тт. Stillfried-Alkantara и A. Hildebrandt'ом, – *настолько привык к условной передаче «страуса»*, что и реаль-

ного страуса изображает с подковой в клюве).

Количество настоящих *символов-аллегорий,* таким образом, сильно сокращается. Довольно частое и, нужно сказать, неожиданное появление *«осла»* (*головы* осла) в качестве гербовой эмблемы (у мекленб. родов – Zepelin, Hoge, одной из ветвей de Bützow, у поморских Ahnen, вероятно в каком-либо отношении к «a(si)-nus», Viritz, Natzewitz, Stavenow и одной из ветвей Scheele – во всех этих поморских случаях плохо сохранившиеся гербы заставляют сомневаться в верности определения: не «осел», а, быть может, «голова лани»?) объясняется, по-видимому (см. Seyler, S. 155), желанием видеть в нем олицетворение «упрямства», «неуступчивости». *Символическое* же значение имеет (*иногда*, но не *всегда*!) и «роза», напр. для Kevelaer с известной чудотворной иконой (в «розе» видели «heraldische Abbreviatur für Jungfrau Maria»), если герб этот не получился из «раковины» - известного признака *паломника*, побывавшего у Св. Якова в Компостелле; бранд. *род Pilgram* с «раковиной» в гербу имеет поэтому «говорящий» герб; «раковина» является также и гербом городка Castel против «святого» Майнца; герб мекленб. Frimesdorf (drei *kesselförmige* Eisenhüte по определению геральдиков; вернее – что-то вроде фарфоровых изоляционных чашек на телеграфных столбах; сравнение с родом Ketelhodt не имеет значения, так как у тех «говорящий» герб, Kessel-hut, а кроме того нет указания на *связь* обоих родов) тоже возбуждает, на мой взгляд, сомнения: около «святого» же Кельна есть *деревня* Friemersdorf и в тех же местах был и *род* Friemersdorf (см. Ledebur I, S. 235) с тремя «раковинами» в гербу; «раковина» еще у мекленб. родов Gögelow и Rikmersdorf (ср. Rikmersdorf ок. Гальберштадта в XIV в. с *той* же эмблемой).

Но таких действительно символических эмблем – исчезающее меньшинство. Пробным камнем распространенности чистой символики может служить христианский символ – *крест*, который мы ожидали бы видеть чрезвычайно часто. На самом же деле эмблема «креста» – великая редкость, особенно в гербах *негородских* (города, главным образом епископские резиденции, вносят «крест» иногда *впоследствии*; «крест» в качестве *первоначальной* эмблемы и тут редкость – в наиболее определенном виде у города крестного страдания – Иерусалима; ср, Em. Perrier: La crois de Iérusalem dans le blazon): мекленб. геральдика *знает лишь два случая* – Selige (но = простому «четверочастному» делению, так как есть и ранний вариант герба – щит, *скошенный* справа) и один из вари-

ли, притом без достаточно полного еще изучения средневековых «космографий» и, главное, «физиологов», «символического» смысла у гербов с негеральдическими эмблемами, и совершенно напрасно же не обращали внимания на *другие* источники раннего герботворчества. Одним из таких забытых источников, например, является школьная мудрость[37] того времени с ее стремлением превратить, хотя бы путем целого ряда натяжек, герб в «говорящий», притом по-*латыни*[38] говорящий, или вообще поставить его в связь с какими-нибудь *классическими*

антов (лишь 1344 г.!) у графов Шверинских; Поморье имеет лишь *один* случай – Elsholz (также и в Пруссии), причем опять-таки с «крестом» конкурирует «четверочастное» скошение и изменения типа ⧺ ; в саксонских землях из 1514 гербов нет *ни одного* герба чистого типа «креста» (хотя таковой и внесен в *государственный* герб Саксонии); нет такого герба и в 3456 силезских гербах. Столь же редки и *другие христианские символы*, напр., *«чаша»*: наиболее бесспорно у поморск. Moyslemer (печать на договоре 1316 г., 17-а; ясно виден *ореол* вокруг чаши), затем еще у поморск. же Loysin, одной из линии Knuth, у поморско-мекленб. Alkun, у мекленб., ныне еще здравствующих, Dewitz; у мекленб. Damekow три «чаши», помещенные на «перекладине» – *вторичного* происхождения); редки и «четки» (розарий) как у поморск. Cum Plata (Mitterplatte) – грам. 1316. 3-а, 22-а.

О некоторых других аллегорических символах, а также о символике *реалистической* см. ниже.

37 К *школьной* же традиции принадлежит и ряд символов, связанных с *легендами*, как они отразились, например, в надписях на Эбсдорфской карте мира. К указанным уже примерам (см. в. прим. 36) я бы прибавил еще герб магдебургских (там и деревня Bönnekenbeck) *Boneke*, эмблема которых («голова тура») является «говорящей» как раз с точки зрения школьной учености: на Mappa Mundi изображено *чудище-тур Bonacus* (в М. Азии), qui velut incendium urit.

38 По типу тирольских Ala с «крылом» в гербе. Характерно, что *славянских* земель (до конца XIII в.) эта *латинская* интерпретация герба почти *не коснулась:* в Поморье и Мекленбурге возможно указать лишь на *один* пример – род Bertikow (см. в прим. 34), да и то на печатях XIV в.

реминисценциями[39].

Такое «приспособление» герба граничит иногда, кончено, с полным его извращением, превращая гербовую эмблему в своего рода *ребус*, разгадка которого тем труднее, что помимо обычных приемов, «разложения» слова[40] (хотя бы даже разложения вроде известного

---

[39] Характерным примером может служить герб бранденбургских Pförtner v. d. Hölle, который обыкновенно блазонируется так: unten geschacht, oben – sitzender Hund. *Нижняя* часть сохранила, б.м., если это не простое «закрытие», *исконный* тип герба, в верхней же «собаке» несомненно нужно видеть *адского пса*, «цербера», что и превращает всю композицию в «говорящую».

«Ученого» происхождения также изменение «орла» в так наз. «гарпию» (орел с женской головой). «Гарпия» особенно типична для Голштинии, где *кучно* сидят роды с этой эмблемой – Rickelkesdorpe (Ricstorp), Scheele (Luscus), Owe, Wiltberch; голшт., а также и мекленб., Plone возвращаются иногда и к *первоначальному* гербу, «орлу», – голшт. печать на грам. 1343 г., мекленб. – 1356 г. (см. MUB XVI S. 408).

[40] Типа «разложения» слова: мекленб. Hanen-zagel и Hanen-stert («задняя» половина «петуха») поморск. Stein-beck (волнообразные перекладины = «река», Beck, в которых находятся «камни»); любекск. Ball-horn («3 шара», «рог»); графы Henneberg («курица» на «горе»); графы Danen-berg (к *основному* гербу, льву, в левой части щита получилась «говорящая» комбинация – «ели» на «горе»; ср. герб прусских Tannen-berg: к изначальному «рогу» прибавлена потом «ель»); силезск. Dume-los (две «руки» *без* «Daumen»!); бранденб. Ret-feld (блазониовка: ein *Riedfeld* mit Riedgrasstauden); последний герб «задуман» по Ому же типу, как и бранденб. же Hoppenrade (герб – *Hopfenstauden*) и Güstebiese (герб – *Binsen*), причем несоответствие между «Biese» и «Binse» не смущало герботворцев, что позволяет несколько определеннее толковать неясный до сих пор герб мекленб. *Bardenfleth*: первоначальной, но тоже уже «говорящей», эмблемой были два «топора» (= «Barten»!), затем, перенеся эту эмблему в нижнюю часть щита, в верхней создали новую «говорящую» комбинацию: в «реке» (= «Fleth») плавает какое-то животное («Fischoter»? «Biber»?); оригинальные печати с уверенностью позволяют видеть *«медведя»*, и всю комбинацию разложить на Bar (den)-fleth; город Oxford («бык», идущий по «броду») и т.д. – Без-

Aurora – Aurum in ore), значительную роль играют еще шутка и насмешка[41] или изображения «от противного»,

---

вкусица подобного «разложения»! культивировалась и позднейшей *официальной* геральдикой: так, по патенту Иосифа I, городок Kontop в Силезии получил (25 V 1706 г.) «улучшение» герба: прибавлена была «водная поверхность», в которой «тонет» «конь»!

Тот же тип; но лишь одна часть слова, *произвольно* отделенная, становится «говорящей» эмблемой: мекл. город *Sternberg* («звезда» в правой части герба; земская эмблема, «бычья голова», – в левой); город *Damm*-garten (голова «дамы»!); город (вюртемб.) *Barten*-stein (старец с «бородой»; та же эмблема у города Bart и у рыцарских родов Bart, Barth в Баварии и Силезии); город *Schwan*ebeck («лебедь»; бранденб. род Schwanebeck – две «лопаты»!); гор. *Als*leben (три «угря»; по печатям видно, что образовались из... «рогов»!); города Greves-*mühlen* (Мекл.) и Liebes-*mühl* (Вост. Пруссия) с эмблемой – «мельничное колесо». Рыцарские роды: мекл. *Schwan*-see («лебедь»), Wenk-*stern* («звезда»), *Rosen*-hagen («роза»); поморск. Schin-*bur* («медведь»); саксонск. (тюринг.) *Apol*-da («яблоко»!!); сакс. *Horn*-hausen (три «рога») и т.д.

Сюда же относится большая группа гербов, которая вследствие составной части – Bach, - Ach, -= Strom, имеет, как отметил уже Bernd Allgem. Wappenwissenschaft, Abth. II S. 124, – волнообразную «перекладину» = «река» (о дельнейшем видоизменении этого типа см. ниже).

[41] Поморск. v.- Pirch имели (теперь оставили) «говорящий» герб (Pirch сближено с «Pirsch» = «охота»), который в манускрипте Elzow'a (см. Bagmihl III S. 147) описывался так: im blauen Schild nackte Jungfrau mit aufgelegten Haaren, de rein Fuchs, welcher eine Karausche im Munde hält (= «охота»! *теперешний* герб и содержит одного лишь «карася»), zwischen den Beinen durchläuft und dessen Schwanz sie vor sich in die Höhe halt, um damit die auf ihrem Leibe befindlichen Flöhe (еще «охота»! *многократное* «говорение» гербовой эмблемы – явеный признак позднейших добавлений; см. в. прим. 31 *троекратное* «говорение» герба мекл. города Kröpelin) zu verjagen. Umher die Worte: Pfui, Teufel, wie rasen die Flöhe.

Изменением-*шуткой* кажется и герб силезских Rüdigersdorf: пересекая два «лунных серпа», стоит «боевая палица»; первоначальный герб (автентических печатей *не* сохранилось) принадлежал, по-видимому, к широко распространенной в Силезии группе гербов типа «лунный серп и *звезда*» (см. н.),

типа этимологизирования canis a non canendo и lucus a non lucendo[42].

Еще важнее наблюдения над ранними *изменениями* гербов, как результата самых *разнообразных* причин – случайных и нарочитых. Уже самая постановка этого вопроса проводит резкую грань между *историческим* изучением герба и рассмотрением его с профессионально-*геральдической* точки зрения. Геральдики, исходя из совершенно правильного определения, что «гербы» с самого своего возникновения преследовали цели *различения* и (зрительного) *опознавания*, делали отсюда совершенно неправильный, даже с точки зрения чисто логической, вывод: *всякое* изменение затрудняет и даже уничтожает различение, а *посему* всякое изменение недопустимо; встречаясь же на каждом шагу с существованием подобных изменений на любой геральдической стадии, гербоведы, не сходя с прежней своей позиции, объявили каждое, даже *мельчайшее*, изменение признаком глубокозначительным, – безусловным доказательством разных генеалогических процессов (разветвления, расселения «младших» линий и т.п.), а посему с величайшей акрибией и педантической мелочностью описывали геральдические discrepantia.

Историческая точка зрения, не получившая все еще должного преобладания в гербоведении, должна быть существенно иной. «Герб», несомненно, служил целям отличения; сохранность гербовой *эмблемы*, центральной и основной фигуры (будь то – «геральдического» или «негеральдического» типа) не может быть, поэтому, явлением безразличным: по основным контурам

причем впоследствии «звезда» превращена была в Morgenstern («утренняя звезда», но и «боевая палица»).

[42] Поморск. Schnell имели в гербе... *«рака»!* бранденбург. Helldorf... *«осла»* («hell» в смысле «умный»!) и т.д. – Ряд аналогичных явлений позволяет высказать пожелание, чтоб появилась разработка вопроса о юморе в геральдике, как уже разработан, напр. юмор в праве.

эмблемы уже издали распознавали, кто является *носителем* герба, т.е. определяли врага или друга. Отсюда же явствует и нечто другое: всякие мелочи, всякие некрупные добавления или изменения, *фактически* не могли играть никакой роли, так как не запечатлевались при рассмотрении издалека, не меняли общей «эмблематической» картины. Но имеются «изменения» более крупные, не безразличные ни с какого расстояния; количество их очень велико; и опять-таки особенность *исторического* обследования будет состоять том, что оно не может ограничиться констатированием самого *факта* существования подобных изменений, простым их описанием, а настойчиво должно поставить вопрос, – *почему* таковые изменения произошли, и, следовательно, какова их геральдическая (и генеалогическая) *ценность*. Историческое исследование тем и отличается от всякого иного, что оно апеллирует к понятиям и потребностям иного времени, переносит вопрос из кабинета современного нам ученого в замок современника данного герба или в мастерскую резчика этого герба. Самый изящный кабинетный домысел, самая тонкая ученая комбинация должны уступить незатейливым воззрениям и неприхотливым потребностям совершенно иного, далекого от нас времени: геральдическое «варварство» былых эпох, явная иррегулярность тогдашней геральдики не может быть измерено и подчинено «точными» приемами и «законами» геральдики современной. Историческая поправка на время тем же самым является и неминуемой поправкой по существу, настолько значительной, что историку не миновать обвинения в гербовидной ереси; единственной ему, поэтому, опорой и защитой может быть само прошлое, «иррациональные», но глубоко практические, особенности которого и нужно вскрыть.

Видоизменение гербового рисунка *не* понималось как изменение *герба*, т.е. самой гербовой эмблемы – таково одно из наиболее крупных и решающих наблюдений.

Целый ряд таких видоизменений являлись вынужденными, вследствие практических, турнирных или боевых, соображений. Забота о большей сохранности гербовой эмблемы заставляла переносить ее, как мы уже виде-

ли[43], в более защищенные части щита. Не случайность поэтому, что громадное большинство гербов находится в «верхней» или «правой» частях гербового поля[44]. Перенесение это освобождало значительную часть поля, которая и заполнялась, притом *произвольно*, новой «тинктурой», «шахматным делением», «дамасцировкой»; такое заполнение, несомненно, не имело «геральдического значения»[45], т.е. заполняемые части гербового поля считались геральдически *безразличными*, – все явления, абсолютно недопустимые, даже немыслимые, в геральдике систематической.

В этом же направлении можно сделать и дальнейшее наблюдение. Вместо перенесения[46] эмблемы практиковалось и *временное закрытие* ее в тех же более экспонированных частях щита. Этим же приемом объясняется происхождение громадного количества половинных эмблем (при незаполненности остального поля)[47], располо-

---

[43] См. выше стр. 388 [с.33–34 настоящей публикации].

[44] Из факта большой практичности последующая, «систематизирующая» геральдика сделала вывод уже чисто теоретический, – о «качестве» отдельных частей гербового поля: «верх» *важнее* «низа», «правая» часть *лучше* «левой».

[45] Вернейшим доказательством *подобного* значения указанных заполнений может служить то обстоятельство, что *целый* щит шахматного (или дамасцированного) заполнения – величайшая редкость, которая мне лично ни разу не встретилась.

[46] Именно – *вместо* перенесения: у силезск. Schleuser XIII и XIV вв. видны признаки как «перенесения», так и «закрытия» (особенно интересен вариант: эмблема, накрест лежащие «ключи», находится поверх нижнего «прикрытия»),

[47] В ввиду подавляющего количества гербов этого типа, приведение отдельных примеров можно считать излишним. Отметить, зато, можно гербы, сохранившие конкурентно как «закрытый», так и «незакрытый» тип герба, вроде поморск. Drosedow, Horst, Lancken, Stoientin и т.д.

Получившаяся замена *целой* эмблемы ее *половиной* для тогдашнего понимания *не имела значения* (см. ниже стр. 421 [с. 68–70 настоящей публикации] относительно pars pro toto): замена эта происходила иногда даже по чисто *техническим* соображениям (особ. Характерно – в виду *отсутствия места*

женных, притом, всегда в «правой» или «верхней» части, т.е. в области наибольшей безопасности. Менее излюбленным (быть может менее практичным?) способом было – *защищение эмблемы* одной или несколькими перекладинами, идущими через весь щит поверх эмблемы, защищение, несомненно, временное, которое, однако, при точном копировании щита резчиком перешло и в гербовую печать[48].

Ряд крупнейших «изменений» по геральдическому представлению *нашего* времени является, таким образом, простым *приспособлением* щита в практических целях, т.е. *не* понимался современниками в качестве *изменений*. То же самое нужно, по всем вероятиям, сказать и о пере-

---

в печати бранденб. Ahlimb, см. Mülverstedt, Brandenb. †), как по техническим же соображениям (более устойчивое прикрепление) в *клейноде* всегда преобладали *полуфигуры*.

[48] Мекл. Fineke («опрокинутость» орла и «обезглавленность» его имеют меньшее историко-геральдическое значение, чем поперечная «перекладина» через весь щит); поморск. Nemecke (отмечаемая геральдиками «необычайность» герба – двуглавый орел, держащий в правой лапе «алебарду», простертую через *все* гербовое поле – объясняется, по-видимому, извращением, т.е. стилизацией, прежней «перекладины»); ср. тюрингск. Varila XIII в., Mila XIII в., бранд. Dieskau и, особенно («красное» по «красному»), Monsterberg («орел» перекрыт поперечной «перекладиной»); саксонск. Heldrungen XIII в. («лев» перекрыт «перекладиной») и т.д.

Иного, как будто, происхождения группа гербовых изменений, получившихся тоже в результате закрытия (защищения) гербовой фигуры. Отличается эта группа тем обстоятельством, что причина «закрытия» навряд ли практического, реального происхождения (возможно даже чисто геральдическое *извращение* первоначальной фигуры): так у бранденб. Krummesse ряд «копий» превратился в «палисады», так и у саксонск. Hohendorf два «острия копья» в два «столба» (другой вариант: два накрест поставленных копья в две пересекающиеся «перекладины»; объяснение Mülverstedt – diese späteren Formen entstanden durch die Ueberdeckung mit einem Quer- oder Schrägbalken *als Zeichen der jüngeren Geburt*... – совершено произвольно); ср. бранд. Wagenschütz (но – более поздний пример!) – из «закрытия» трех «стрел» получилось три «столба».

несении части герба в «клейнод» (или обратно)[49], когда распространение рыцарского шлема новой формы вызвало появление «клейнода»[50]; строгое различение обеих частей «герба», таким образом, для определенного времени отнюдь не является обязательным, и конкурентностью эмблем в щите и клейноде и объясняется феномен *двояких* гербов[51], *безразлично* употреблявшихся не только членами одного и того же рода, но и членами одной и той же семьи[52].

Не меньшую роль чем рыцарская, боевая практика играла практика *резчиков печатей* – их вольные или невольные ошибки[53], та свобода композиции, которая, оче-

---

[49] Seyler S. 107 с этим явлением не считается, хотя оно отмечается довольно явственно: Мекл. Rabe (герб «рассеченный» – ½ «лилии», «ворон»; Crull § 284 приводит ранний герб, где «ворон» фигурирует исключительно в клейноде); сакс. Kracht (щит – две «птичьих ноги», клейнод – два «крыла») и их *сородичи* Luckenburg, у которых «крыло» с клейнода перешло на щит (птичья нога с «окрылением»); ср. мекл. v. Pressentin, мекл. и поморск. Buggenhagen, силезск. Holtznowski, – у всех два варианта: «птичья нога» просто и с «окрылением»; сакс. Osterode, у которых в течение всего XIII в. безразлично встречаются два герба (Mülverstedt p. 119 на этом основании различает два рода): «волк» в верхней части, в нижней три «розы» и – три «розы» в щите, «волчья голова» в клейноде.

[50] См. выше стр. 377 [с 22 настоящей публикации].

[51] См. выше стр. 377 [с. 22 настоящей публикации], где указана еще конкурентность *знаменного* значка.

[52] Два герба князей Ростокских («гриф»; «бычья голова»); *три* герба графов Шверинских (древо с двумя драконами по бокам; конь; простой пересеченный щит; объяснения Lisch'a, Jarb. XXXIV S. 147 и XXXV S. 93 не достаточны); поморск. Pentz («птичья нога»; «лев»), Kamecke (в течение всего XIV в. смена «головы козла» и эмблемы «орла»), Trambitz (два брата в 1325 г. – «рог»; «½ орла»), Mordberner (у отца – «½ быка» и т.д. = герб Krassow; у сыновей – «½ медведя»); силезские Wrbna, Werbeno («лилии»; «стрелы») и т.д. Иногда *двоякий* герб, лишь *кажущийся* – результат извращения, «дегенерации», см. ниже стр. 423.

[53] Seyler совершенно не считается с этими ошибками;

видно, не встречала отпора или порицания. Между тем гербовые видоизменения, получавшиеся по вине резчиков, настолько недопустимы с точки зрения строгих привычек теперешних геральдиков, что они почти единогласно готовы были видеть «разные» гербы и, значит, разные *роды* или, в качестве крайней уступки, разные «линии» данного рода. Гербовые видоизменения указанного происхождения должны, поэтому, рассматриваться с особой тщательностью: привлечение отдельных иллюстрирующих случаев нужно заменить массовыми, насколько возможно, наблюдениями, при которых и самый характер изменений, и причины их, и главное существовавшие тогда широкая терпимость, почти безразличие по отношению к этим изменениям, получили бы надлежащее освещение, ибо только таким путем удастся убедиться в безусловной *иррегулярности* ранней геральдики, в полном отсутствии той ригористической точности и того вящего консерватизма, какие составляют основу столп и утверждение современной геральдики.

Начнем с *технических* ошибок. «Правая» и «левая» стороны гербов «рассеченных» строго различаются в систематической геральдике; резчики печатей, копируя предоставленный им образец – щит или старую печать, пришедшую в негодность, — часто не делали поправки на «обратную гравировку»[54] рисунка, почему в оттисках изготовленных ими печатей *обе стороны перемещались*, что не вызывало никаких нареканий, так как члены одного и того же рода безразлично пользовались как левофигурными, так и правофигурными печатями-гербами[55].

---

v. Hohenlohe («Sphragist. Aphor.») указывает на них, но не разбирает систематически.

[54] См. то же наблюдение относительно *легенды* печатей на стр. 374. К указанным уже случаям изменения *родовых имен* по вине резчика нужно еще прибавить: мекл. Dibowe = (см. MUB и Crull § 36), Bibowe (герб – «петух»), Rengerstorf = Bengerstorf (герб – «три звезды»), Svtzow (легенда печати при грамате 1391 г. – MUB XXIII p. 206 sq) = (так и в *тексте* грамоты) Zvisow.

[55] Мекл. Ummereise, Stralendorf, Hunger, Trost; поморск. Holsen,

Такое же перемещение получалось, конечно, и на гербах сплошного (не «рассеченного», не «скошенного») поля: «наклон» (и «обращенность») эмблематического рисунка менялся в обратный[56], «перекладина справа» естественно превращалась в «перекладину слева»[57] и т.д. – все изменения, трактуемые ныне в качестве геральдически важных *различий*.

Несовершенство техники создавало и дальнейшие гербовые экспромты, которые впоследствии, путем точной копировки, и удерживались. Недостаток места, например, вызывал изменение в положении эмблемы[58], «опрокидывал», «скашивал», «приподнимал», выражаясь техническими терминами геральдики систематической.

То же несовершенство техники влияло и на отчетливость рисунка, на ясность изображаемого предмета (фигур «негеральдических»). Всякий, имевший дело с оригинальными гербами, особенно XIII в., принужден будет сознаться в полной своей беспомощности при истолковании целого ряда изображений, хотя бы и хорошей сохранности[59]: медведь или... лев, медведь или... вепрь, волк или...

Lanken, Maltzan, Smorte, Osten; голшт. Averstorpe, Walstorp (Tsepele, Zepel); силезск. Grellin, Mühlheim, Rothenburg, Rottwitz, Smoyn, Wüstehube.

[56] Мекл. и поморск. Bertikow, Keding; мекл. Brüsewitz, Dicke; поморск. Hindenberg, Dunker, Waldow, Virs (Viritz), Flemming, Bulgrin, Puttkammer, Moltke, Rotermund, Rexin, Kamecke, Ramin, Schöning и т.д.

[57] Мекл. Bengerstorf, Dambeck, Grabow, Koss, Parkentin; поморск. Brünnow, Osten, Rausche, Saenz, Wedelstedt; пом. и бранд. Bertikow; бранденб. Buze, Radestock; силезск. Dobruska, Rorow, Predel (Predil) и т.д.

[58] Mülverstedt (Pomm. †) указывает, что у Wittstock «редкая» эмблема – ein *schiefer* Adler; Bagmihl V S. 116 правильно (как и видно на tab. 57) замечает: Wahrscheinlich des beschränkten Raumes wegen schräglings gestellt; такого же происхождения и «орел, положенный направо» у мекл. Minstedt и у силезск. Mutschelnitz; таким же путем получилось и измененное положение «волка» у поморск. Apenburg.

[59] Мекл. Beyenfleth – «медведь»?, голшт. Beyenfleth – «лев»?; мекл. Horne – голова медведя (? «льва»??), поморск. Horn –

лиса, а, может быть, и... собака, лань или... осел, а, может быть, и... заяц, орел или... гусь, а, может быть, и петух, – вот альтернативные возможности, возникающие на каждом шагу. Резчик иногда очень старательно вырабатывал «отличительные» признаки[60], и не его вина, что *те же* признаки оказывались не менее характерными и для *других*

голова «вепря» (?); мекл. Plau – «волк» (? «лиса»?), другой вариант (другой герб? Так Lisch Jahrb. XVII p. 48) – «лев» (?); мекл. Stoltevot – «лиса» (? т.к. vot!) или «волк»(?) или (Crull § 617) – «лань» (?); мекл. Adrum – три головы «орлов» (?) или «петухов» (?), ср. бранд. Bellin – голова «орла» или «петуха»?); Bagmihl III p. 201 для поморск. Sume, Zuhm дает «лошадь» (!?), Mülverstedt (Pomm. † tab. 73) – «пантеру», что и подтверждается печатями граматы 1316 г. – 1, l, 10, 12); ср. также поморск. Natzmer – не «лев», а «пантера» («изрыгающая пламя»); поморск. Viritz (так и поморск. Scheele) – «лань» (?), «осел» (? См. 1316 г. 12-а), поморск. Stavenow – «заяц» (?) или «осел» (?); поморск. Trambitz – «орел» или «гусь» (особ. по 1316, 13-с); сакс. Hadmersleben – «лось» (?), «лев» (?).

Поморск. Wolf и их сородичи имеют *два* варианта – «волк», «лев»; уже Klemplin pp. 19, 20 указывал на вероятное *извращение* «волка» в «льва», что, думается, подтверждается и *тинктурой* (о ее значении при раскрытии мутаций-извращений см. ниже прим. 112): «лев» *черного* цвета, что большая редкость, а для «волка» – *обычная* окраска в геральдике.

Попытки остановить дальнейшее извращение особыми отличительными признаками, – напр., для «собаки» давали «ошейник», – позднего происхождения и не достигли цели, так как этим лишь *закрепились* ошибки уже произошедшие.

[60] См. все печати на грам. 1316 и 1326 гг.; особого упоминания заслуживает печать Budde («птичья нога»; 1316, 10-а), где поразительно хорошо выработаны когти, все же остальное лишь *намечено в общих чертах*.

Резьба *бюргерских* печатей (для Любека – у Milde и Deecke), в общем, гораздо тщательнее, но характерно, что большинство из них *гораздо меньшего размера* нежели печати рыцарские (купец-делец носил печать на перстне, рыцарь, сравнительно редко употреблявший печать, имел тяжелую печать-штамп, каковую и хранил особо), а посему и бюргерские печати, несмотря на лучшее исполнение, задают немало загадок.

ходких гербовых фигур: разинутая пасть с подчеркнуто крупными клыками как для головы вепря, так и головы медведя, длинные уши – для лани, зайца, осла, острая морда для собаки, волка, лисы и. д. Общая запутанность увеличивается еще тем обстоятельством, что в настоящее время пред нами далеко не всегда автентические ранние печати, а позднейшие *толкования*, еще более произвольные, так как более уверенные, нежели догадки наши. Разобраться во всех этих вековых наслоениях далеко не всегда возможно: значительную помощь может оказать иногда «говорение» герба, если оно не *вторичного* происхождения; еще более твердую основу получаем мы при возможности установления доказанной родовой или территориальной связи носителей спорного герба с гербами безупречной и бесспорной традиции.

Не меньшее значение имеет и другая сторона деятельности резчиков, - их попытки творчества в области «украшения» герба. И эмблема, и самое гербовое поле снабжаются целым рядом *декоративных деталей,* геральдически совершено безразличных, а посему никого не смущавших, пока ими не овладела позднейшая геральдическая акрибия, придававшая любой звездочке, любому завитку сугубое значение. Впрочем, необходимо отметить и некоторое извинение подобным увлечениям «точной» блазонировкой. Средневековое представление о *«детали»* существенно расходится с нашим пониманием: прибавлялись целые, притом крупные, фигуры, значительно менялся весь рисунок, применялась такая стилизация, которая, несомненно, извращала изображаемый предмет, так что уже в начале XIII в. в литературе появляется едкая насмешка над подобными излишествами. Так Thomasin van Zirclaria в своей поэме «Derr Wälsche Gast»[61] энергично вступается за более строгий геральди-

---

[61] Edid. H.Rückert (1852), стихи 10425 и след. Seyler S. 136 думал видеть здесь целое учение о *символике*, о соответствии «смысла» герба внутренним качествам гербоносителя; между тем поэт просто высмеивает ne quid nimis в гербах (см. подчеркнутые места), безвкусицу иных «изукрашенных» и «улучшенных» изображений: по гербу определяется и человек

ческий стиль, удачно травестирует «одомашение» гербовых зверей (вепря, волка), и вообще бичует чужеземную моду легкомысленного и бессмысленного обременения гербового рисунка.

Swer an sîm schilde vüeren solde
rôen ob er danne wolde
die bluomen gar ûz dem gevilde
ouch vüeren an dem schide
das diuhte mich gar ze vil.
daz selbe ich iu sagen wil
swer die suinnen vüeren solde
ob in diuhte daze r vüeren wolde
die sterne und dar zuo den mân
und den himmel, ez waer seltsân:
sîn waere halt gar ze vil
vür wâr ich ez iu sagen wil,
daz man ûzerhalben siht
daz ist ân bezeichnunge niht
wan ez bezeichnet zaller vrist
daz ouch innerthalben ist.
ane wâfen und ane gewant
wirt daz herze dicke erkant.
ich wil iu sagen, swelich man
mit vrümekeite vüegen kan
daz man sîn baz war tuot
dan sins gewaefens, daz ist guot.

– умен ли он, или пересмешник, варвар без вкуса и меры.

Нужно сказать, что вообще весь экскурс (S. 136–139) Зайлера в область литературы, якобы сознательно изображавшей «гербовую символику» – мало убедителен. Менее всего удачны выписки из Diu Crone (автор – Heinrich von dem Türlin): *фантазии поэта* придается *геральдический* смысл! Если в поэме указывается (vv. 136, 137), что братья-витязи Bigamê и Sorgarit

Die truogen diu ruoder.
Wan in dem mer was ir gewalt,

то ни один непредубежденный геральдик не заподозрит здесь «герба» или «гербовой эмблемы», хотя бы уже потому, что «весла» в качестве гербовой фигуры нигде не встречаются.

zwar er vüeret amme schilde,
ist ot er vrum ûfme gevilde
ich sult mir wol gelouven daz
doch sol man dar an mâze han:
ez diuhte mich niht wol getân
swer die mermeründen vüeren solde
ob er dar umbe mâlen wolde
ûf sîn gewaefen diu merwunder
und die vische gar besunder,
swer den eber vüeren sol
an sîme gewaefen, hüete wol
daz er nin vüere ein swînherte gar
wan daz stüend übel daz ist wâr.
Swer den hunt vüeren wil
der sol im niht enblanden vil
daz er vuer gar ein gejeit:
dâ kêre niht an sin arbeit.
swer den wokf vüeren solde
wie stüende daz, ob er wolde
die wülpinne und diu wölvelîn
gar ûf daz gewaefen sîn
vueren? *man mage es loben nicht.*

Решительный протест современника заставляет и нас с особой тщательностью вникнуть в своеобразные приемы стилизации и украшения герба, которыми заволакивалась простота эмблем первоначального характера.

Наиболее ясно чисто-декоративное значение добавлений *мелких*[62], служивших для простого *заполнения* пустых частей гербового поля, так как с точки средневе-

---

[62] Причина *крупных* добавлений является иногда неразрешимой загадкой. Вот пример из области печатей архиеп. Магдебургского Оттона (1327–1361): одна печать дает женскую голову с ореолом и легендой ELISABETH, что было бы вполне необъяснимо, если бы не сохранилась случайно другая печать с легендой: S. OTTO'S. APEXI (=archiepiscopi; X вм. P!). ABNEPOT'S. BEATE. ELISABET (CM. Lepsius «Sphragistische Aphorismen». 1842), т.е. архиепископ пожелал внести в свою печать генеалогическое упоминание о Св. Елизавете Тюрингенской, своей пра-пра-бабке.

ковой эстетики пустое пространство – некрасиво. Так появились в гербах отдельные, обыкновенно систематически распределенные, добавочные «звезды», «розы», «лилии» и т.п. в качестве геральдически безразличных аксессуаров, обрамляющих основную гербовую эмблему. Безусловно *случайный* характер этих добавлений с достаточной определенностью явствует уже из того, что «розы» или «лилии» одной печати заменялись «звездами», «шарами» или «трилистником» на другой печати того же самого рода, а иногда и того же самого лица[63]. Если, поэтому, позднейшая геральдика, вплоть до наших дней, *закрепляла* такие геральдические ἀδιάφορα, то это не только крупная теоретическая ошибка, но и явное *извращение* первоначального герба.

К той же группе безразличных украшений-заполнений относятся и мелкие фигуры, «заполнявшие»

---

[63] В небольшой, но чрезвычайно важной статье «Die Wappen der Meklemnb. Städte» (критика работ Lisch'a и Teske), Crull указывает (S. 8) на крупный дефект: es war zu erwägen..., was heraldisch völlig gleichgültig war und nur decorativen Zweck hatte. Dazu gehören handgreiflich die Sterne, mit denen der Grund des Malchinschen Siegels gefüllt ist, die kleinen Rosen in denen von Kröpelin unde von Parchim, die Rosen, Mond und Sterne im Rostocker, die Kreuze im zweiten Wismarschen Secret..., der Stern im Siegel von Röbel, der Stern und die Kruze im Teterowschen Secret, der Stern von Tessin, die Sterne und Blumen oder Kleeblätter von Parchim, die Röschen im Kriwitzer Sigill und die beiden kleineren Sterne im Sigill von Sternberg.

Большая группа поморских гербов Krassow-Wedege-Datzow-Kak – ясно показывают легкое превращение декоративных деталей: сменяются «трилистники», «желуди», «шары». Для превращения декоративных «роз» в «звезды» см. поморск. Süring и мерзеб. Peres; «звезды» в «ромбы» – поморск. Norman, Pasewalc; «кресты» («звезды»?) в «лилии» – гальберштт. Steimcke (Steinbeck; не три *разных* рода, как полагает Mülverstedt).

Второстепенное значение декоративных заполнений явствует также из внезапного *их исчезновения:* особенно характерно в длинной серии печатей силезск. Czeslavicz за XIII и XIV вв.; ср. также поморск. Wangelin; саксонск. Barum, Kornrte; любекск. Wiggerink.

пустые *«перекладины»* различного направления. Критерий случайности их проявления – прежний, именно легкое и произвольное изменение таких мелких заполнений[64]; дальнейшая их геральдическая судьба также представляет полную аналогию, – и они были закреплены позднейшей «точной» блазонировкой, даже возведены в степень «геральдического *типа*»[65].

---

64 Мекл. и поморск. Thun (ср. и поморск. их сородичей Zegebant) – скошенная «перекладина» (сперва прямолинейная, потом волнообразного контура, см. ниже прим. 75), которая «заполняется» потом «рыбами»; бранденб. Neumann – скошенная «перекладина» с «наложением» трех «трилистников», или... «лунных серпов». Мекленб. Helpte особенно ясно показывают, что «наложенные» на «перекладину» три «двуглавых орла» – геральдически *безразличны*, так как Lisch (Urk. D. Maltazahn II S. 481) дает даже позднюю печать, 1408 г., которая сохранила еще основную эмблему – *пустую* «перекладину» (Mülverstedt Meckl. † ссылается и на печать 1369 г. – mit *glattem* Schrägebalken, чем, по-видимому, антиквуизирует свои сомнения, высказанные в статье «Mansfelder Adelsgeschlechter in Meckl.» – Zeitchr. d. Harzver. VIII – где он р. 449 полемизировал против Ledebur «Adelslexicon» I S. 339, указавшего лишь «перекладину», *без* упоминания «наложенных орлов»). Наблюдения над гербом Helpte особенно важны потому, что способны пролить некоторый свет на *первоначальный* вид герба мекл. Below, в печатях которых сохранился лишь тип «изукрашенный» («перекладина» с *наложением* трех «двуглавых орлов»).

Иногда, как у мекл. Schnakenborg, «накладная» фигура иного происхождения, – приспособления герба к «говорению» (у *Schnaken*borg на «перекладину» поместили *«змею»* = «schnake»); ср. также любекск.: Wigge*rink* (на «стропиле» три *«кольца»* = Ringe).

Печати мекленб. Bengerstorf, наконец, показывают, насколько легко «накладные» фигуры меняются (на «перекладине» то «шары», то «звезды»), т.е. насколько они безразличны; ср. мекл. же Löwitz (основная эмблема – «опрокинутое Z», без заполнения, или заполненное «розами», или «шарами»), сакс. Komre («стропило» *без* «роз» и *с* «розами») и т.п.

65 Отсутствие *исторической* точки зрения – наиболее ощутимый недостаток большой работы Gritzner'a (Grundsätze ser Wappenkunde; 1889), котораяя именно в силу этого не может

Особый, наконец, интерес представляет ранняя стилизация *«крыла»*, одной из наиболее излюбленных, как придется выяснить, гербовых эмблем в *славянских* землях. Стилизация эта состояла в том, что на сгибе крыла помещали нечто вроде лица[66], (отчего все крыло получало сходство с... арфой), что служило впоследствии поводом для поразительных «дегенераций»: – получались... «ангелы» или «окрыленные головы»[67], или из стилизованного крыла вырастала «окрыленная птичья голова» с постоянной тенденцией превратиться с течением времени в полную птицу, обыкновенно в «орла»[68].

стать, как то задумал автор, – Handbuch der Heraldischen Terminologie und einer *heraldischen Polyglotte*. Исторических наслоений Gritzner абсолютно не принимает в расчет (исключение лишь S. 9 *Damascirung* ist eine *Erfindung* der Wappenkünstler), почему у него и является подавляющее количество (*без* всякой систематизации) гербовых «типов», из которых значительное число результат простого *недоразумения*, хотя бы предлагаемый им тип Blutegel (tab. 21 № 10) представляющий из себя *извращенное* изукрашение «перекладины» «рыбами (см. выше прим. 64).

66 Мекл. Ekernförde, Havelberg, Pritzbuer, Holsten, Rostke; поморск. Wobbelkow, Wotenik, Swechowitz (см. грам. 1316, 26-с. где v. Bohlen неверно читал Tzwechonitz), mit der Platen (Cum Thorace; см. Грам. 1326, 5-b Wilhelmi cvm thorace – «два крыла», и полосу 12-ую, печать Tomas cvm torace – три предмета вроде ромбов, т.е. как раз те предметы, которые находятся и в левой части герба Swchowitz – в правой «½ крыла» – и которые не поддавались пока удовлетворительной блазонировке, так как v. Bohlen дает – «Rosenkränze», Mülverstedt – «viereckige Sparren»); магдебургск. Schermbeck и т.д. – Bagmihl III S. 42 к стилизованному изображению сгиба еще применял термин геральдики XVIII в. – «Meerkatzenköpfe»!

67 Так получился герб мекл. Parsenow в современной блазонировке: Kopf zwiscvhen Flügeln; так у бранденб. Falkenhagen в XIV еще веке – пара стилизованных крыльев, а в XV уже – «ангел».

68 См. у Bagmihl III 60 и 40 – серии гербов поморск. Quaas (Quatz) и Plate (Platen); ср также поморск. Smorre; силезск. (XIII в.) Schreibersdorf. См. v. Hohenlohe «Sphragistische Aphorismen» №№ 45, 115.

Во всех перечисленных случаях деятельность резчиков печатей не была, собственно, направлена к «изменению» герба. Между тем есть совершенно достаточное количество примеров, что резчики не отступали и пред прямым *герботворчеством*, внося настолько существенные изменения, что можно лишь удивляться полной геральдической нечувствительности тогдашних людей. Фактически причины таких граверских вольностей для нас, в большинстве случаев, остаются неразгаданными: лишь изредка можно предполагать, что и тут руководились эстетическими или техническими соображениями, а иногда приходится видеть и простую неряшливость в работе[69].

Во всяком случае, уже к половине XIV в., как видно из известного Цюрихского гербовника[70], целому ряду подобных изменений придавали серьезное геральдическое, т.е. различительное значение, чем и ограничено было безбрежное герботворчество резчиков.

Для XIII-го же века даже такой основной факт, как четкое *разделение полей*, был далеко не общеобязателен: разделительная черта (*любого* направления) может быть нанесена, но может быть и опущена, причем наличность и количество эмблематических фигур безразличны[71], и

---

[69] Замена прямых линий (см. ниже) волнообразными, зигзагообразными, зубчатыми – *эстетического*, по-видимому, происхождения; произвольное увеличение *количества* фигур (как геральдических, так и негеральдических; см. н.) – результат стремления достигнуть лучшего «наполнения» щитового поля; опущение геральдических делений (см. ниже) – либо последствие рабского копирования реального (боевого или турнирного) щита, на котором смена тинктур делала ненужным линеарное деление полей, либо результат невнимательной и спешной работы.

[70] Die Wappenrolle von Zürich (1340 г.), herausgeg. Von d. Antiquarisch. Gesellschaft in Zürich. 1860.

[71] Мекл. Aderstedt, Bertikow; поморск. Bohlen, Bulgrin, Gantzke, Labbun, Segebade, Wusseken; магдеб. Esebeck, Kracht; силезск. Lest, Wirsing.

даже разнофигурность не является препятствием[72]; та же разделительная *черта* может превратиться в *«перекладину»*, иногда с перенесением на нее тех эмблем, которые приходились на линию рассечения[73]; наконец, и это наиболее крупное изменение, – самое *расположение полей* может быть радикально изменено[74].

Только что отмеченное изменение разделения гербового поля сопровождается, обыкновенно, и дальнейшими, не менее крупными изменениями самой гербовой эмблемы, ее основного рисунка. С чрезвычайной легкостью меняется, прежде всего, *форма геральдических фигур*. Особенно характерна эволюция «перекладины» (разного направления) и близкого вей по типу «стропила»: прямолинейные очертания заменяются волнообразными,

---

[72] Мекл. Barsse; поморск. Malkewitz, Paulsdorf, Slawkewitz, Stangenberg, Trambitz. Поморские примеры особенно характерны, так как отсутствие разделительной черты с течением времени привело к *слиянию* двух *разных* фигур: так, напр., из первоначальной комбинации – наверху «½ грифа», «½ льва», «½ рыбы» – получились те «чудища» («Seehund», «Meerwunder»), которые безраздельно господствовали в геральдике XVIII в. и в качестве нежелательного атавизма встречаются и в геральдике современной.

[73] У мекл. города Tessin простое «рассечение» превратилось в «перекладину» (см. и Crull «Wapp. d. meckl. Städte» S. 10). У мекл. Karchow конкурентные типы: три фигуры (так наз. «Kesselhaken») в сплошном поле в расположении ∴; то же расположение, но в скошенном щите; наконец, скошенная «перекладина» с нанесением *на нее* трех эмблематических фигур. Наиболее же показательны печати бранд. Bertikow; три «розы» в *разных* положениях (⁘ ⁘) в *сплошном* щите; те же розы на явственно проведенной линии «скошения»; «скошенная» перекладина» с расположенными на ней *«розами»*.

[74] Поморск. Bonow: щит либо «рассеченный», либо «пересеченный», либо «скошенный» (одновременно вместо простой разделительной *черты* наблюдается иногда и переход ее в «перекладину»); саксонск. Hoym (у двух *братьев*): пересечение по прямой (потом также и «перекладина») и рассечение, притом *зубчатой* линией; силезск. Mediger: разделение поля «стропилом», «вилообразным крестом», кривым «обрезом» (см. выше прим. 25).

зигзагообразными и зубчатыми[75], «стропило» превращается в «перекладину» или меняет, по указанному способу, прямолинейность своих очертаний[76].

С не меньшей легкостью меняется и *положение* гербовых фигур, как «геральдических», так и «негеральдических». Происходит при этом и еще одно явление, которому придавали не только большое геральдическое и

---

[75] Типична смена («перекладина» прямолинейная и волнообразная: последняя впоследствии «изукрашивалась» еще «наложением» рыб см. выше прим. 64) в гербах мекл. и поморск. Thun и поморск. Jork; поморск. Wangelin (прямолин. «перекладина» в зигзагообразную); мекл. Heyden, сакс. Hoym, силезск. Predel и Rohr, Rorow (прямолин. «перекладина» в зубчатую).

Интересны изменения у бранденб. Buze: зубчатая «перекладина» превращается в волнообразную (особый «гофрированный» тип; нем. геральд. Термин – «Wolkenschnitt»), а также теряет характер «перекладины», превращаясь в свободно лежащую (не пересекающую *всего* гербового поля) фигуру с зубчатым верхом (техн. термин – «Turnierkragen»); а тсюда, на мой взгляд, путем дальнейшего извращения (аналогия: превращение «перекладины» в «лестницу» и т.д.; см. ниже прим. 77) развились те фантастические фигуры, которые, как у мекл. Lühe, а отчасти у Staffelde и Zesterfleth, блазонируются как «zahnartige ausgeschnittene *Hackmesser*»! Только допуская такую эволюцию-дегенерацию, мы поймем, как из герба Rethim – *«перекладина»*, с «наложением» на нее впоследствии трех «роз» или трех «колес» – мог получиться герб мекл. же Radim, фигуры которого Crull § 446 описывает: irgend ein Instrument, am ähnlichsten... Fliegenbeinen! На других печатях рода Radim эти «Fliegenbeine» до точности сходны с «Hackmesser» у Lühe, Zesterfleth и т.д.; ср. мекл. Ritzerow (конкурентно: 2 «Turnierkragen» и 2 зубчатые «перекладины») и мекл. Daldorf (*одновременно*, но в *разных* комбинациях: 1 «Turnierkragen» и 2 зубчатые «перекладины».

[76] «Стропило» в простую «перекладину» у мекл. и поморск. Mellin (Mallin); прямая верхняя линия «стропила» очень часто превращается в зубчатую, а отсюда, особенно в *городских* (но и у поморск. *рыцарск.* рода Lühe) гербах, получается (особенно, если нижняя часть гербового поля была снабжена так наз. «гонтами», геральдически безразличными украшениями; из «гонтов» легко получались... «окна»!) фигура *«дома»* или «замка».

генеалогическое (признак «младшей линии»), но и историческое (как признаку *переселения* и, вообще, территориального разветвления) значение, именно – увеличение количества фигур, их «удвоение», «утроение» и т.д.[76а] Тщательное изучение гербов колонизационной территории убеждает, между тем, что причина громадного большинства «удвоений» и «утроений» отнюдь не теоретического характера. Как ни жаль, но в большинстве случаев приходится отказаться от того ценного признака *расселения*, какой предполагали видеть в гербах типа *множественных* эмблем. Умножение это – результат *практики резчиков,* быть может их стремления к лучшему использованию гербового поля, к более правильному и симметричному распределению эмблем. Что объяснение изменений в смысле умножения эмблематических фигур нужно искать в области ремесленной практики, а не дворянских генеалогических теорий, на это указывает и еще одно не безразличное обстоятельство. Генеалоги, убежденные в том, что гербы хранят в себе замечательное указание на состоявшуюся некогда миграцию, обращали внимание лишь на *утроение* эмблем, видя в этом особую символизацию разрастания рода, символизацию, выраженную священным числом «три»; но приходится указать, что не менее часты и *удвоение*, и *учетверение*, на что до сих пор не было обращено внимание. Еще более решающим можно считать, что ординарные и множественные эмблемы *сменяют друг друга* на печатях представителей одного и того же рода и одной и той же оседлости. Единственная уступка, какая может быть сделана, состоит ва том, что вообще *всякая* дегенерация герба происходила, по-видимому, легче у линий переселившихся, отделившихся от общего родового массива; но наблюдение это чисто эмпирического характера, без всяких теоретических обоснований, и разгадку его, быть может, нужно искать опять-таки в мастерской резчика, где приемы гравирова-

---

[76а] Сводка подобных же наблюдений над клеймами и таврами («марками») рунического типа, см. Н. Лучицкий: По поводу «Дрогичинских древностей» (Чтения Истор. Общ. Нестора летописца. VI, 1891). С. 14.

ния, а также «эстетические» воззрения, переходили чрез несколько ремесленных поколений с полной неизменностью; всякий же новый мастер, с иным местожительством, склонен был подчинить заказанную ему печать собственным техническим и художественным навыкам. Всякое конструирование гербового «прообраза», в смысле «Urtypus» Мюльверштедта, должно поэтому покоиться на очень сложных основаниях, на целой цепи наблюдений; недостаточно, во всяком случае, простое сведение множественной эмблемы к эмблеме единичной; нужно все время считаться с тем, что самое понятие гербового, эмблематического «типа» было некогда существенно иным, что средневековая типичность нередко граничила с нашей атипичностью, так как нельзя не отметить своеобразной притупленности того времени к восприятию целого ряда явно мешавших, ненужных и вредных вторичных наслоений и прибавлений. От умения встать на совершенно необычную, почти неприемлемую, для нас точку зрения геральдической *иррегулярности* и зависит все *историческое* изучение ранних гербов, когда в самых крайних отклонениях приходится искать несомненные закономерность и правомерность. При этих поисках глава о неожиданных иногда эволюциях *числа* и *положения* гербовых фигур должна занять наиболее видное место, так как количество допущенных тогда комбинаций, вся эластичность, чтоб не сказать все безразличие, тогдашнего гербопонимания, выступает с особой выпуклостью[77].

---

[77] В дальнейшем приведена не исчерпывающая, конечно, а лишь примерная сводка некоторых характерных изменений.

Изменчивость числа и положения «перекладин», как наиболее частой и характерной «геральдической» фигуры: мекл. и поморск. Thun, мекл. Luchow, Parkentin, Hagen, Dambeck, Grabow, Koss; ср. также поморск. Brünnow, Rausche, Osten, Saenz, Schmachtenhagen, v. d. Lanken, Wedelstedt; силезск. Podêbrad (Kunstadt), Smoyn, Stewitz (силезск. же Niemitz дают прекрасный пример изменчивости количества и направления «стропил»); сакс. Barby, Hoym; напрасно Mülverstedt различает «два» прусск. рода: Cremitten (*скошенная* перекладина с «наложением» трех «трилистников») и Gremitten (*пересеченная* перекладина *того* же наполнения).

Только что указанные наблюдения позволяют и с большей уверенностью говорить о *сродстве* поморск. и мекленб. Balge, а также связи их с Valie, Balie в Старой Марке; спорность вопроса заключалась как раз в предполагаемом *несходстве гербов*. – Герб мекл. Balge блазонируется у Mülverstedt'a – «schräggestellter Rost» (= решетчатый таган), что является несомненной (Mülverstedt странным образом этого *не* указывает) дегенерацией (аналогия: превращение зубчатой перекладины в «Turnierkragen» см. в. прим. 75) первоначального *«geschachter Querbalken»*, как дает всегда точный и осторожный Crull (§ 112). С *такой* основной эмблемой сходство герба поморск. Balge становится вполне понятным, так как те имеют (кроме «оленя» в *верхней* части – результат *присоединения* другого герба) скошенную *«лестницу»*, образовавшуюся из той же скошенной *«перекладины»*, разделенной в «шахматном порядке». Установив в качестве *первоначальной* эмблемы *обоих* родов скошенную «перекладину», мы выясним и связь их с Valie-Balie Старой Марки, у которых в щите *«две скошенные перекладины»*.

Изменчивость числа и положения фигур негеральдических: мекл. Doren («рыбы»), Bodendorf («стремена»), Halberstadt («месяц»), Karchov (тип «Kesselhaken»), Retzov («наконечники стрел»), Bardenfleth («топоры»); поморск. Flemming (с XIII в.; длинная серия комбинаций «волка» и «колеса»), Rekentin («пни»), Ploetz («рыбы»), Wedelstedt («стрела»), Dunker («единорог»), Bulgrin («лиса») а также Arnswald, Guntersberg, Klot, Maltzan, Virs, Waldow, Wedelstedt; сакс. Werle (XIII в.; «якорь» вниз, вверх, *три* «якоря»), Kracht, Luckenberg; брандеб. Arnsberg («месяц» в типичных изменениях и т.д.), Osterburg; силезск. Boltz, Clema, Glaubitz, Karas, Kelbichen, Kotulinski, Quoos (Kwas, Quaz: *семь* вариантов и комбинаций «пня» «стрелы»), Ronau, Streit и т.п.

Безразличность *положения* эмблемы имеет особо важное значение для громадной гольштинской семьи родов с гербом «острие» («наконечник копья»), «стрела»: все старания «строгого» их *различения* по мелким признакам, особенно по «положению» фигуры, теряют, таким образом, даже *теоретическое основание*.

Удвоение, утроение, учетверение и т.д. предмета, без изменения его направления: мекл. Hahnenstertz (1. 3), Gronow (1. 4); голшт. Granow имели *пустой* четверочастный скошенный щит, а затем уж в каждом поле получилось по *одной* «лилии»;

Не менее поучительна и еще одна геральдическая вольность раннего времени, которую я бы назвал – pars pro toto. Вместо целой фигуры считали *вполне допустимым* давать лишь какую-либо характерную часть[78], причем эти разные трактовки гербового рисунка встречаются одновременно и конкурентно. Принципиальная допустимость подобной операции выступает особенно ярко при так наз. «соединении» двух гербов, когда у каждого из двух компонентов геометрически правильно отсекали (рассечением, пересечением, скошением) половину гербового поля, что всегда считалось соединением двух *гербов*, а не *полугербов*[79]; на этом же правиле основана доз-

---

мекл. Gronow в *каждом* поле внесли еще *дальнейшее* учетверение «лилии»), Klawe (1.2), Knuth (1. 2; поморск. Knuth *скрещивают* 2 эмблемы), Dewitz (1. 3), Gamm (1. 3), Sisike (1. 3), Tulendorf (1. 3); у мекл. Below, наоборот, получается (Crull § 14) из *трех* «орлов» (накладных, см. выше прим. 64) *один* «орел», который и занимает *весь* щит; поморск. Arnswald (2. 3), Guntersberg (1. 3), Dunker (1. 3; но и 3. 1), Bone, Böhne (2. 3), Kamecke (1. 3), Stoislaff (1. 3); сакс. Amelungsdorf (1. 2), Gremis (1. 3), Quenstedt (1. 3); бранденб. Düsedow (3. 6) и т.д.

[78] Мекл. Barnekow («баран», «полбарана», «голова барана»; то же самое у мекл. и поморск. Blankenburg и поморск. Bonin); поморск. Rostcke («½ льва», «голова льва»), Troye («единорог», «½ единорога»), Bibow («3 топора»», «3 лезвия без топорища»), Sellasen, Selasinski («бык», «½ быка»); сакс. Krebs («рак», «клешня; так и прусск. Kromohnen) и т. д.

[79] Давнишний спор гербоведов (вопрос поставлен уже у Гаттерера) – соединялись ли фактически два *полу*поля, или при этом зачастую происходило перенесение *всей* эмблемы в полуполе – теряет всякую остроту. При общей иррегулярности ранней геральдики всегда возможны *исключения*; но, с другой стороны, все негеральдическике фигуры с бесспорной ясностью показывают происходившее при соединении *рассечение*, т.е. перенесение лишь полуфигуры; то же самое, если нет прямых противопоказаний, нужно допустить и для фигур *геральдических*, вокруг которых и шел, собственно, спор, и, напр., «стропило» ➢ приходится считать отсеченной *частью* «андреевского креста» ✖; указание на ряд фигур (именно *«перекладины»* разного типа и направления), которые *целиком* переносились в полуполе, неубедительно уже потому, что как раз *эти* фигуры по смому своему су-

волительность временного или постоянного «закрытия» части щита[80], что влекло за собой и частичное закрытие эмблемы. Несколько менее определенно рассечение фигуры в клейноде, так как при этом примешиваются соображения уже чисто практического характера[81]. – В дальнейшем развитии геральдика допускала и обратный прием – totum pro parte[82].

Более чем широкая терпимость, проявленная ранней геральдикой к самым разнообразным видоизменениям и изменениям гербовой фигуры, заставляет иначе отнестись еще к одному разряду гербовых «расхождений», в которых опять-таки хотели видеть признак фамильного разветвления, но которые являются, в сравнении с вышеуказанными случаями резкого изменения эмблемы, лишь безобидными вариациями, именно – замена изображения в профиль *таким* же изображением en face и т.п.[83]

Остается еще одна громадная область гербовых изменений, уже не характера эволюции, понимаемой хотя

ществу не теряют (кроме лишь *скошенных* «перскладин») своего вида при любом рассечении.

[80] См. выше стр. 405 [с. 52 настоящей публикации].

[81] См. выше прим. 47.

[82] См. выше стр. 416 [с. 63 настоящей публикации]. Прием, впрочем, изредка встречается и в ранней геральдике: таково происхождение «двух» гербов у видного рода Losiz, Loitz (Мекл. и Поморье) – «два крыла» (*город* Loitz, основанный ими, см. Kratz: Städtwe Pommerns S. 335, имеет в гербу также «крыло», *одно*) и «орел», закрытый в нижнем полуполе.

[83] Разные «головы» («барана», «льва», «венда» и т.п.) в профиль и en face: мекл. Barnekowe, мекл. и поморск. Blankenburg, поморск. Bichow, Rostcke, Bonin, Schwarz, Münchow (печати трех *братьев* на грам. 1368 г.: три головы – en face; направо, притом с шляпами; налево).

Столь же безразличны им вариации: «бык» лежит, стоит (поморск. Sellasen), «медведь» стоит, встает на задние ноги (поморск. Behr) и т.д., хотя еще недавно (не совсем свободен и Mülverstedt) видели «различие» в… положении ушей гербового «осла» у мекл. и поморск. Bützow.

бы в самом широком смысле, а в виде *мутаций* – резких и внезапных замен прежней эмблемы новой, но явно с ней малосходной. Количество таких измененно-замененных гербов чрезвычайно велико, и по отношению к большинству из них исследователь находится в особо невыгодном положении: *промежуточные* ступени постепенного извращения рисунка обычно не сохранились, гадательна и сама *причина* извращения, – происходила ли она от неискусства, халатности или излишней фантазии резчика печати, или повинен позднейший уже геральдик с его стремлением во что бы то ни стало усложнить герб, придавая ему наименее тривиальную форму[84]. Неясно, таким

---

[84] Угнаться за полетом пылкой фантазии позднейших гербоизвратителей нет никакой возможности. Лишь изредка можно с некоторой долей вероятности прощупать первоначальную эмблему. Так, герб поморск. города Cammin – «женщина с чепцом» – с несомненностью произошел из (довольно обычного в городской *сфрагистике* типа) ...изображения святого, голову которого окружает ореол! У мекл. Lühe из «перекладины» или «стропила» (ер. поморск. Lühe) получились ...«drei Hackmesser», у поморск. Steinwehr, «нога со шпорой» в ...«стремя», у поморск. Flatow из «штурмовой лестницы» ...«гриф гитары». У поморск. Laas первоначальной эмблемой был, б.м., «хвост рыбы» (так Mülverstedt; Bagmihl V 29, давая очень отчетливый рисунок старой печати, – видна даже чешуя, – все же определяет: Figur ähnlich den Hörnern eines Widders mit dem daransitzenden oberen Theile des Schädels), потом перешедший в ...«треугольник» (Triangel); возможен, впрочем, и другой первоначальный тип, именно, «острие» (копья? стрелы?), тоже нередко извращающийся в «½ рыбы» *или* «½ лилии»: ер. мекл. и бранденб. Wagel и родственных им Pinnow, у которых не то «½ рыбы», не то «½ лилии», не то «острие»; ср. также сходную, б.м. мутацию у мекл. Löwenberg, у которых два гербовых варианта – «½ лилии» и «два багра» (б.м. «Lilienstäbe», т.е. *стилизованные* «копья»; так и на вариантах у прусск. Paxleben; превращение *«мечей»* в «Lilienstäbe» у силезск. Warlowski; превращение «стрелы» в «мечи» у бранденб. Bellin и сакс. Wambach).

Не менее трудно догадаться и о настоящей основе некоторых эмблем, положенных накрест: поморск. Parsow – 2 «кости» *или* «две палицы» (с «звездами»; ср. подобный герб у поморск. же Süring)? прусск. Doberwitz – две «кости» *или* два

образом, зачастую и самое *время* извращения, и уж одно это обстоятельство заставляло бы, казалось, совершенно отстранить всю массу «мутаций» в работе, изучающей гербы ранней поры. Действительно, *полное обследование* этого явления не только излишне для наших целей, но и навряд ли возможно по существу, так как в подавляющем большинстве случаев, в виду крайней отрывочности и малой доброкачественности материала, нельзя идти далее гипотетических утверждений. Но столь же неправильно было бы и полное *отстранение* всего вопроса о гербовых мутациях. Прежде всего потому, что не малое число таких мутаций, иногда очень решительных, принадлежит очень *ранней* эпохе, т.е. не выходит за хронологические пределы нашей работы. Во-вторых, потому, что в целом ряде случаев нам все же удается проникнуть в причины и поводы этих крайних изменений, так как по случайно благоприятному состоянию материала сохранились

«пня»? бранденб. Fahrenholz – две «рыбы» *или* две «перекладины» («дерево» внесено потом для *«говорения»* герба), бранд. Wichmansdorf – две «рыбы» *или* два «ножа»? и т.д. Доказательства Мюльверштедта относительно родства бранд. Kettelhack (три «головы негров») и мекл. Ketelhodt (три «шлема», в тинктуре – *черных*; есть и вариант – три «чугуна») вполне убедительны, но основная эмблема (нужно принять во внимание еще элемент «говорения»: Ketelhodt = Kettelhut = Kessel-hut) навряд ли определима (совсем непонятна мутация у сакс. Rossbach: «3 Pickelhauben» и... «3 Wölfe»!!). С другой стороны, лишь благодаря счастливой случайности – группировки многих родов вокруг Стендаля с гербовым типом «топор» – можно «исправить» герб стендальских Sanne, извращенный из «топора» в «флажок».

Ясны изменения (но не засвидетельствованы промежуточные, переходные формы) следующей довольно распространенной мутации: мекл. Plate – из «перекладины» ...«пень с листьями»; поморск. Borne из «перекладины с наложенными тремя розами» – «пень со столькими же розами» (или «трилистником»?); поморск. Pahlen: «виноградная лоза» – «пень», так и у прусск., кульмских, Hacke; поморск. Schmalensee, бранденб. Dreyplatz: «пень (пень с листьями)» – «листья» и т.п.

кое-какие промежуточные формы[85].

Наконец, и это едва ли не самое важное, такая гербовая патология способна еще более оттенить и конкретизировать ту *норму*, которая для нас все же остается малопонятной, почти условной. Только область гербовых мутаций может показать, что была граница, был точно осознанный предел и для средневековой геральдической иррегулярности. Таким пределом является не сохранность самой гербовой *эмблемы*, в смысле *определенного* изображения известной фигуры, сколько сохранность эмблематического *типа*, т.е. сохранность самой *фигуры* в качестве неизменного и незаменимого геральдического иероглифа. Любое покушение на чистоту эмблемы не вызывало ни отпора, ни опасений, тем более, что каждая следующая печать могла, как мы видели, ввернуться к прежнему, более строгому изображению. Не было лишь возврата при уничтожении самого *типа* эмблемы; только при наличности этого обстоятельства создавался *«новый» герб*, который, в свою очередь, мог подвергаться дальнейшим аналогичным изменениям.

Гербовая типология имела и имеет, таким образом, решающее значение в ранней геральдике, между тем изучение именно этой стороны находится до сих пор в безусловно зачаточном состоянии: не сделано еще подготовительных шагов, отсутствуют, например, даже попытки классифицировать материал по типологическим груп-

---

[85] Напр., для магд. Biedersee для XIV в. четыре формы эволюции от первоначальной эмблемы, буквы Є, к позднейшей – «венок, на котором 4 розы». Геральдика мерземб. и наумбургск. Hagenest дает ряд: «круг, окруженный страусовыми перьями» (конец XV в.) – «круг, окруженный еловыми ветками», фигура, очень напоминающая снежинку под микроскопом (начало XV в.) – «круг, окруженный стрелами», или, вернее (так как стрелы зигзагообразного изгиба), «молниями» (XIV в.), каковой рисунок получился, по-видимому, из *«солнца»* славянского типа (см. ниже; аналогия – поморск. Schmeling: из «солнце» со стрелами» – «*круг* с тремя стрелами»), что подтверждается и тем, что в XIV в. вместо «солнца» появляется иногда конкурентно другая эмблема – «полумесяц» (см. ниже прим. 111).

пам[86]. Представление об «индивидуальной», а не «видовой» сущности западноевропейского герба настолько укоренилось, что даже попытка[87] такого авторитета как Ледебур (в его Adels-Lexicon) перейти на видовую, типологическую блазонировку, пользуясь иногда, что опять-таки высоко знаменательно, выработанной уже типологической системой польской геральдики, – встретило единодушный отпор и вызвало несметное количество поправок и добавлений.

Отказ от научного изучения гербовой типологии нельзя не счесть за печальное *научное самоограничение*, за немотивированное отклонение целого ряда ценных и важных проблем. – Исследуя типологию, пришлось бы, несомненно, встретить немало противопоказаний против странной догмы отвечного геральдического *дуализма* в Европе – систем «западной» (иногда – «французской», «немецкой») и «северо-восточной» («польской»). С другой стороны, самое установление известной типологии должно было привести к дальнейшим важным наблюдениям и вопросам. Так, гербовый тип все же расплывчат, более чем пластичен и гибок, элементы сходства почти что заслоняются элементами расхождения; если тем не менее он сознавался как нечто отличное и единое, то

---

[86] Исключение лишь работа Milde-Lisch о голштинск. гербах; Bagmihl, при всех своих достоинствах, лишь *случайно* прибегает к типологической классификации (притом исходит не из сродства типов, а фактического родства родов); Crull в своей замечательной статье дал лишь *словесную* типологию (Schildfiguren-Register).

Не менее редко типологическое изучение и *вне* пределов рассмотренной в данной работе территории. Особое место и до сих пор занимает старая работа – Th. Moule: Heraldry of Fish. 1842 (около 600 родов с эмблемой «рыбы») и недавнее исследование – Antony v. Siegenfeld: Das Landeswappen der Steiermark (1900), где геральдическое развитие «пантеры» поставлено в связь с изучением крупной по размерам «bajuwarisch-carantische Panthergruppe».

[87] Правда, проведена она не систематически, т.е. не принципиально, а скорее в целях практических, в качестве удобной геральдической «аббревиатуры».

можно ли в этом видеть лишь результат непритязательности иного времени, какого-то *особого* зрения (нами теперь утраченного, как мы утратили дикарское понимание полутонов и четвертей тонов или острое обоняние далеких наших предков), чуткого лишь в восприятии *сходного*? Нет ли при этом сторонних, но сильных, вспоможений, которые усиливали именно *эту* своеобразную зоркость, делая ее почти нечувствительной для всякого рода, нагроможденных даже, «добавлений» и «изменений»? нет ли здесь *сознательного* игнорирования признаков несходства вследствие какой-либо императивной привычки? Невольно при этом ищешь привычки *местной*, присущей жителям определенной округи, т.е. невольно ищешь *локализации* известного гербового типа. Найдя, что *гербовый тип* соответствует определенной *гербовой округе*, либо всюду, либо в целом ряде случаев (даже *частичное* решение наносит смертельный удар догме о европейском гербовом дуализме), мы все же не можем остановиться. Встает новая, еще более важная проблема: *почему* определенный тип зародился и укрепился именно в *данной* округе? Нет ли здесь предрасполагающих *местных* условий и особенностей? Не характеризует ли эта «местная» эмблема какого-либо типичного признака страны и людей, давая нам право говорить о новом виде гербового «символизма», символизме *реалистическом*? Не показательна ли, наконец, такая «местная» эмблема-тип для определения *национальности* данного гербового клана?

Решение этих важнейших вопросов не подлежит нашей компетенции; им должны заняться специалисты-гербоведы, после того как они откажутся, наконец, от понимания геральдики как «науки о гербах» и, внеся поправку на историю, будут видеть в ней науку об *образовании* гербов. Поставить же эти вопросы необходимо. Не потому, разумеется, что «sapienter interrogare – docere est», как говаривали во времена просвещенного абсолютизма Карла В., а потому, что в течение настоящей геральдической работы, предпринятой исключительно для решения вопроса, в какой мере возможно и в каких границах допустимо *сравнение* гербов, сравнение *точное*, – получилось несколько побочных, не совсем безразлич-

ных, думается, наблюдений.

Локализация известного гербового типа навряд ли может быть оспариваема. Почти все известные мне исследователи много раз наталкивались на эту особенность[88], но объясняли они ее преимущественно на основании феодальных порядков: герб сюзерена стал де гербом и его «людей»[89]; реже указывали[90], что гербовая группа есть результат фактического товарищества, - отличительный знак защитников определенного бурга и его подзащитной округи. Эмблема *сеньора* действительно, имела гербообразовательное влияние, но сравнительно скромное, нуждающееся во многих оговорках. Есть случаи, когда для целой территории с очень богатым гербовым материалом, такое влияние абсолютно отсутствует: *ни один* из известных мне 243 *голштинских* древних гер-

---

[88] Mülverstedt, Sachs. † passim, указывает, что для округа Кведлинбурга характерен тип – олень с чепраком, на котором зигзагообразный рисунок; Ledebur, Mülverstedt одинаково отмечает *особое* перекрытие, свойственное *саксонским* родам (Alfelde, Gröningen, Hasterode, Heilingen, Maschwitz, Susclitz, Weferlingen, Wegeleben и т.д.), перешедшее и в земский герб (особая «перевязь» – «sächsische Rautenkranz»); для Вестфалии, ок. Эссена, Ледебур констатирует большую группу родов с эмблемой «Bremse», особенно же много (но в самой работе *не* проведено систематически) подобных данных (олно из наиболее ранних и наиболее ясных указаний) у A.Fahne zu Fahnenberg: Gesch. Der Westphäl. Geschlechter» (1858), Vorwort: wenn man die Wappen mit Gitter zusammenstellt, so wird man überrascht, diese bei der *Stadt Dülmen*... zusammengeschaart zu finden (затем длинный перечень родов); ...bei *Olfen – Stadt Birken*... Familien mit den drei Vögeln,... Familien mit dem Rade um die *Stadt Telgte*... и т.д.

[89] С полной безусловностью об этом говорит и E. Gritzner («Heraldik», 1906) p. 373.

[90] Mülverstedt, давший наибольшее количество примеров, все же осторожно заявляет (Sachs. †, S. 92 sub «Konre»): Es wird... von hoher Bedeuteng sein, *wenn es nachgewiesen warden kann,* dass von Burgmannen eines Schlosses odder wenigstens mehreren Burgmannsfamilien ein gemeinschaftliches Emblem erwählt worden sei, oder ihnen rechtlich zugetheilt wurde»...

бов[91] не воспринял эмблемы (так наз. «крапивный лист») *графа* голштинского. Уже один этот факт заставляет сомневаться в правильности самой *постановки* вопроса: правильно ли то молчаливое, невысказанное предположение, что гербы явились *после* установления определенной военной организации, особенно организации *феодального* типа? Не допустимо ли обратное, – что гербы *уже существовали* в качестве *местных* эмблематических типов большой давности? При подобном допущении не только находит себе достаточное объяснение малое влияние герба сеньора на геральдику рыцарскую и большое его влияние на геральдику городскую[92], но получает полное освещение и совершенно необъяснимый[93] дотоле факт, что рыцарь-приселенец часто «терял» прежний своей герб, либо целиком заменяя его новым (= местным!) гербом, либо комбинируя, «соединяя», свой герб с гербом новым.

Эмблема-тип как явление местное и давнее может иметь, поэтому, и *не только военное* происхождение. В этом направлении сделано особенно мало, но даже случайные наблюдения, далеко не удачные, производили своего рода сенсацию. Чрезвычайный интерес вызвало,

---

[91] Именно *рыцарских*; в *городских* гербах «крапивный лист», наборот, *необходимый* элемент.

Необходимо, кроме того, прибавить, *что вне Голштинии* эмблема «крапивного листа» – *редчайшее явление:* из всех поморских гербов она встречается лишь *один* раз (род Mukes), а среди более чем 1500 саксонских гербов лишь в *одном* случае (тюрингские Willerstedt; XIII в.) получается некоторое сходство с «крапивным листом».

[92] В мекленбургских и поморских *городских* гербах с особой явственностью отразились – либо эмблема земская, она же и княжеская («голова быка», «гриф»; в саксонских городах – «½ льва»), либо эмблема непосредственного господина города: Cottbus («рак» рода Cottbus), Loitz («крылья» – эмблема основателя, Detlevi de Godebusc), Puttlitz («гусь – эмблема рода Puttlitz), Crivitz («бокалы» рода Crivitz; ср. также «бокал» рода Dewitz в гербе города Alt-Strelitz) и т.д.

[93] Klimpin (... passim) принужден был даже допустить, что герб менялся по влиянием герба прежнего *держателя* лена.

например, доказательство v. Ledebur'a, что особый щит (однажды рассеченный с многократными пересечениями) типичен для родов, участвовавших в *лесной* колонизации[94]: щитовые деления символизировали де лесные делянки или вообще парцелляцию леса при учреждении колонии.

Само по себе это утверждение навряд ли правильно[95], но оно оказалось настолько необычным, настолько шло в разрезе с чопорной ирреальностью обычной геральдики, что невольно останавливало внимание, и даже лет через сорок способно было стимулировать геральдическую любознательность[96]. С другой стороны, самая необычность этого заявления была настолько велика, что dii minores охотно повторяли «блестящий» афоризм Ледебура[97], но сами не шли в указанном им направлении, и попытка Ледебура свалить глухую стену между реальной жизнью и геральдикой не увенчалась, можно сказать, никаким успехом. Между тем есть и иные, на мой взгляд менее уязвимые, указания в этом направлении. В *люнебургском* округе, например, кучно сидел целый ряд родов (Almenhausen, Cölleda, Ebersberg, один из многочислен-

---

94 L. v. Ledebur в Allgem. Archiv für die Gesch.-Kunde d. preussisch. Staates. I (1830) pp. 158 sq. Герб указанного типа (*geständerters* Wappen) имеют Waldbott, Birkn (Birkmann), Eller, Bruchhausen, Forestari и т.п.

95 Проверка по гербам Мекленбурга, Поморья, Голштинии, З. и В. Пруссии не подтвердила положения Ледебура.

96 Целым откровением оно является, напр. еще в 1870 г., графу v. Hoverden'y (статья: Zur Wappen-Symbolik), хотя самую работу Ледебура он сильно забыл (S. 235: ich las die Bemerkung v. Ledebur's... wo? Kann ich in der That nicht mehr angeben), и заставляет его пересмотреть прежнее свое мнение относительно основ ранней гербовой символики, а также и с своей стороны сделать ряд попыток аналогичного *реального* толкования, большей частью, впрочем, неудачных.

97 Даже Seyler S. 167 не делает исключения; одновременно с примером Ледебура он приводит и аналогичные объяснения графа Говердена – характерный признак, что *иных* указаний в этом направлении не накопилось, что и в 1890 г. приходилось еще довольствоваться «железным» запасом 1830 и 1870 гг.

ных родов Hagen, Sonderhausen, Kobenstedt, Mila, Langen, Schlotheim, Slune), имевших эмблемой *«ножницы для стрижки овец»*, т.е. нечто действительно характерное именно для *данной* местности, так как степь люнебургская (Lüneburger Heide) во все времена славились своими овцами (Heidschnucken) и своим овцеводством. Предполагать, что именно местный *рыцарь* «придумал», сравнительно все же поздно, такую эмблему опять-таки менее вероятно, чем предположить, что сама эмблема древнего, дорыцарского происхождения.

Реального же, по-видимому, происхождения и большой гербовывй клан эмблдемы «топора» вокруг Стендаля, некогда сплошного пограничного (вдоль Эльбы) полесья; или *прирейнские* (баденские) кланы эмблемы «*винной* лестницы»[97a], в центре которых лежат города Rastatt и Weinheim с той же эмблемой, – они же и видные винодельные центры; или эмблематические «моркови» у некогда славного торгового центра Бардовика, превратившегося, вследствие разрушения Генрихом Львом, а также вследствие изменения торговых путей из славян в немцы, в мелкий заштатный городок, главным занятием которых стало огородничество.

Еще менее разработана, едва лишь намечена, другая гербовая типология, покоящаяся на очень широких, *территориальных* и *национальных*, основах. Чаще всего отдельные заметки встречаются у двух исследователей, которые более других выдвигали элемент *сравнительного* геральдического изучения, у v. Ledebur'a и Mülverstedt'a; но и у них нет наблюдений систематических, не сведены даже воедино случайные и немногочисленные типологи-

---

[97a] Ср. еще след. Пример. Gutjahr «Schriftsprache», S. 44, Anm. 1: Ausser Urkunde (Sprache), Recht, Flurkarte, Stadtplan, Kunst, kann bei der Aufklärung des Ursprungs der Siedlung auch die Wappenkunde in Betracht kommen, besonders das Standtwappen lässt noch häufig Alter und Character der Gründung erkennen. So zeigt z. D. das Stadtwappen der thüring. *Stadt Cöllede* («винная лестница»; одноименный *род* имел, как мчы только что видели, *иную* эмблему) noch heute den Charakter einer geistlichen Gründung an, die als *Weinkolonie* vom Kloster Hersfeld... ausging.

ческие замечания. Оба нередко говорят о «явно выраженных» типах «немецких» или «славянских», «вендских», о специальных типах «поморских» и «мекленбургских», «северо-немецких» и т.п., но за этими определениями не чувствуется ясного содержания, точно (или хотя бы приблизительно точно) установленных признаков, не говоря уже о том, что некоторые указания противоречивы, взаимно исключают друг друга[98] или не поддерживаются дошедшей до нас гербовой традицией[99]. Тем не менее

---

[98] Mülverstedt Mekl. † p. 118 определяет герб рода Wokenstädt (герб пересеченный: низ разделен в шахматном порядке, в верхней части «½ льва») – «echt *pommerscher* Typus», а в Brand. † S. 31 *mom* же тип герба (у Giersleben, кстати от испорченного Jerislaw, Ярослав!) характеризуется бтолее широко как «echt *wendischer* Typus». Неясность увеличивается еще тем, что в специальной статье (Zeitschr. D. Harz-Ver. XXXIV, 1902, S. 19, 24; цитирую по Sonderabdruck) Mülverstedt выводит род Wokenstädt из под... *Гальберштадта*, где и сейчас еще существует деревня Wokenstedt (но: есть деревня этого же названия в Мекленбурге – Wokenstedt, в ZR и грамотах Wokenstede, около Gadebusch, а также запустелая деревня Wokenstedt в Поморье, около Tribsees).

Ledebur (Adels-Lex. III S. 266 sub «Gristow») считает «окрыление» типичным для *поморской* геральдики, Mülverstedt, наоборот, видит в этом (Mekl. † sub «Döring», «Freidorf», «Loitz») – *мекленбургскую* особенность, а иногда (Mekl. † sub «Havelberg», «Zernin») *«вендскую»* особенность.

[99] Таково, для примера указание Mülverstedt' a (Pomm. † S. 13) b Budde I II: eine Adlerklaue, also ein Wappenbild, wie es fast nur in Wendenländern zu finden ist, *namentlich* (?) in der Mark Brandenburg und *vereinzeit* (??) in Meklenburg». Полная неправильность этого утверждения явствует из сопоставления фактической встречаемости этого гербового типа: в *Бранденбурге* – Barth, Gartow, Gladow, Gröben, Jeetze, Kerckow, Klötzen, Walstawe, т.е. *8 случаев* (эмблема рода Bombrecht – не в счет, так как этот род не местный, а из Ю. [Южной] Германии); в *Мекленбурге* – Buggenhagen, Clawe, Gartow (не «переселение», так как бранденб. Gartow сидели на левом берегу Эльбы, сев. от Salzwedel, где находились владения и ряда мекл. родов), Gustekow, Gutow, Hagenow, Holtebüttel, Jeetze (тоже не «пришли»; бранд. Jeetze-Jeditz сидели на *границе* Старой Марки и Мекленбурга), Kerckow (та же оговорка, так как та же осед-

почин подобного различения заслуживает всяческого внимания. Не может, например, не броситься в глаза, что в *германских* странах фигуры *линеарного* типа имели громадное распространение, а в странах славянских встречались гораздо реже[100]. С другой стороны, с не меньшей яркостью выступает *славянская* гербовая особенность – «крыло» и, особенно, *«окрыление»* всевозможнейших фигур[101] – явление громадной, исключи-

---

лость), Kleinow, Pentz, т.е. *11 случаев*.

Или другое, столь же мало обоснованное утверждение (Mekl. † p. 65): герб Lübberstorff («Wolfsangel») – «in *allen* (??) Theilen des nördlichen Deutschlandsd», между тем как во всей *саксонской* геральдике этот тип представлен *одним* случаем (Barum; да и то эмблема спорна), в *Мекленбурге* – три случая (кроме Lübberstorf, еще Zechlin и, вероятно, Schwichtop), в *Поморье – два* случая (Gagern, Volzeke).

[100] Среди 1514 гербов *саксонских* земель распределение по типам таково: *строго линеарного* типа – 218 (линеарного типа в более широком смысле – 321), «лев» – 65, «роза» – 43, «орел» и «олень» – по 35, «волк» – 34, «крыло» – 27 и т.д.; в *Силезии* из 3456 гербов – 77 линеарного типа, в *Мекленбурге* из 623–89 (включая сюда и *варианты!*), в *Поморье* из 328–31.

[101] *«Крыло»* (*«2 крыла»*). Мекленб. Ekelenvörde, Finecke [один из старейших вариантов; другие дают «орла *без* головы»; ср. также силезск. Geraltowski и мекленб. v.-Pritzbuer – «двуглавый орел без головы». Впрочем, «орел без головы» может получиться также при извращении (и *окрылении*) «пня», как указывают гербы родственных Legendorf («пень») и Lehendorff («безглавый орел») в Зап. Пруссии.], Gikow, Haring, Havelberg, Loitz, Lukow, Trechow, Zernin, а также гербы «соединенные», с «крылом» в качестве одного из компонентов: Benitz, Döring, Freidorf, Gantzkow, Kruse, Plasten, Pribbignewe, Rastorf, Rostke, Schnepel, Ummereise, Woteneck; силезск. Kamenz (конца XII в.!), Griphenstein, Penzig, Reczit, Schreibersdorf и т.д.

Окрыление: «птичья нога», окрыленная – мекл. v. Pressentin, мекл. и поморск. Buggenhagen, сакс. Kracht, Luckenburg, силезск. Holznowski, Nawoy (о *происхождении* подобного «окрыления» см. в. прим. 49); геральд. тип, условно называемый «оводом» (Pferdebremse) – мекл. Brüsehaver, Scharff, v. Weltzien, Wolkow, – мекл. и поморск. Brüsewitz (сюда же и герб мекл. v. Zickhusen, который ныне блазонируется

тельной редкости для чисто германских земель. Такими же преимущественно «славянскими» эмблемами могут считаться «гриф», «бычья (турья) голова», особый тип «львиной головы» (en face; дегенерация, как мы увидим, «солнца»!), «полумесяц» самых разнообразных комбинаций (с «звездами», «мечами», «стрелами» и т.д.), «орлиная нога», «острие» (копья? стрелы?), два «рога» (быть может дегенерация двух «полумесяцев»?), «палицы» и т.п. Значительная часть этих гербовых типов отмечена в работах Мюльверштедта, но, как уже сказано, в порядке случайных наблюдений, притом в определениях *догматического*, а не разъяснительного характера.

Задача дальнейшего исследования должна, поэтому, заключаться как в точном выяснении *территориальной* распространенности подобных «славянских» типов[102], так и в попытке выяснить самое *происхождение*

как «циркуль, окаймленный звездами»; ср. Bahrsdorf у Ledebur II S. 35 – «eine *Bremse* und 7 Sterne»); «кегли» (?), «скипетры», «пни» с окрылением – мекл. Röbel, v. Lehsten, мекл. город Loitz (*извращение* «крыла»!) сакс. Ronis, Sulingen, прусск. Lehndorf, Pfeilsdorf; «стрела» окрыленная – любекск. Parchem, сакс. Rohwedel, сакс. Weddingen; «топор» окрыленный – сакс. Bardendorf, Griper, Harckstroh; «рыба» с крыльями – сакс. Bergow, Lobdeburg (ок. Эрфурта; местные «династы»; с XII в.), силезск. Senitz (Zenec); «звезда» с крыльями – мекл. Gehrden и т.д.

Странный двойной герб («голова оленя» и «голова быка с крыльями») у мекл. Gristow объясняется, б. м., также окрылением.

102 Даже такой *специфически* славянский тип как «солнце = львиная голова» в силезских землях (при 3456 гербах!) *совершенно* не встречается, и, наоборот, польско-силезско-прусский «полумесяц» почти абсолютно не вхож в Мекленбург. Тип «острия», считавшийся после прекрасных сопоставлений Milde характерно *голштинским*, а посему (?) «немецким», широко представлен и в *мекленбургских* землях, и является типом *славянским* (см. уже выше стр. 397, 398, прим. 35 [с. 43–44 настоящей публикации]), но со *строгой локализацией*: в коренном Поморье он встречается лишь у Waldow, в Бранденбурге лишь у Eimbeck, Bröcker, Pinnow («лилии» – дегенерированное «острие»!), в саксонских землях лишь у Roringen XIII в. и опять-таки у Eim-

этих символов-типов. Данная работа, не преследуя специфически геральдических целей, может дать, конечно, лишь spuria и в том, и в другом отношении. В приложенной *карте* впервые, насколько мне известно, произведен опыт геральдической топографии для *большой округи* и в *определенном* хронологическом разрезе. Относительно же вопроса о *происхождении* «типично славянских» эмблем дозволено будет ограничиться некоторыми немногими примерами и соображениями предварительного лишь характера.

Происхождение территориальных и национальных символов-эмблем нельзя, конечно, отнести к эпохе геральдической; они сложились *до* появления всякой геральдики. Особый интерес представляют, поэтому, всякие, хотя бы скудные, известия о ранних символах, прежде всего о символах, помещенных на знаменах, вроде «орла», перешедшего от Рима к германцам, английского (до половины XIII в.) «дракона», датского «ворона», «лошади» у саксов. Переоценивать гербообразовательное значение знаменных значков, однако, не приходится – в саксонской геральдике, например, «лошадь» встречается лишь в 9 случаях из 1514 – но совершенно отказаться от мысли, что между позднейшими гербами и ранними знаменными эмблемами была известная связь, было бы ошибкой не меньшей. К сожалению как раз относительно *славянских* знаменных изображений мы находимся в исключительно неблагоприятных условиях: известно лишь одно, что славянская рать предносила изображения (символы?) своих божеств[103], о всяких же деталях благочестивые летописцы избегают говорить, считая, как извест-

---

beck (terra Jerichow, XIII в.).

[103] Thietm. VI, 22 (по изд. 1889 г.): ...Liuzizi nostris ...sotiantur, deos suimet precedents subsequuti. VI, 24; Quamvis autem de his (о языч. богах) aliquid dicere perhorrescam, tamen... etc. (следует описание «Ретры», где помещаются – vexilla quoque eorum, nisi ad expeditions necessaria, et tunc per pedites, hinc nullatenus moventur. VIII, 64: Liutici redeuntes irati dedecus deae suimet illatum querunter. Nam hec (in vexillis formata) a quodam Herimanni marchionis socio lapide uno traiecta est... Et cum..., Mildam nimis effusam transpire voluissent, deam... alteram perdidere.

но, самое присутствие язычников великим несчастьем для христианского войска. Еще хуже дело обстоит ос славянской сакральной символикой. Мы узнаем о священном копье, о черном коне Триглава, о белой лошади Свянтовита, об олене Ругявита, о появлении чудесного вепря, знаменующего наступление тяжких войн, но – у нас нет достаточной уверенности в реальном существовании этих символов, мы не можем провести ясной черты между мифотворчеством писателей и фактом или фактической уверенностью описанной ими эпохой, а обращение к гербовой типологии показывает, что все только что перечисленные животные отнюдь не являются «славянскими» эмблемами.

Есть, впрочем, одна гербовая эмблема, которая, несмотря на все ее вариации, или, вернее, как раз вследствие этих вариаций, получает особый интерес и приводит нас ко временам глубокого язычества, это – эмблема *«солнца»*. В чистом виде эмблема эта, можно сказать, почти совершенно не сохранилась[104]; уже в раннее время, путем стилизации, ее заменили характерным именно для *славянских* земель[105] рисунком, который в геральдике XVIII в. носил название «главы Горгоны», а в XIX в. блазонировался как... «львиная голова»[106]. Неправильность

---

[104] См. выше прим. 102 относ. Силезии; герб мекл. Schönfeld (солнце, окруженное звездами; все заключено в розетку) – уже измененная, «улучшенная» эмблема.

[105] Мекл. Gubbekow, Mörder, Rumpshagen, Stoislaff; мекленб. и поморск. (особенно на Рюгене) – Bichow, Braunschweig (Züricher Wappenrolle под № 84 тоже дает герб рода Braunschweig, но чисто *немецкого* типа, см. след. прим, – фигура льва в профиль, «½ льва» того же типа в клейноде), Grote, Gubben, Kahlden, Mörder, Muckerwitz, Rostke, Rumpshagen, Schlochow, Sisike, Stoislaff, Ubeske; саксонск. Bodewitz, Dransfeld, Kindehausen, Legat; вост.-прусск. Wildenau (старейший герб территории!). – Не безразлично также, что *все* указанные только что гербы относятся (исключение лишь мекл.-поморск. Sisike, печать которых сохранилась лишь из XIV в.) к *древнейшей* геральдической традиции, именно к XIII еще веку.

[106] «Львиная голова» *славянской* геральдики *резко отличается* от «львиных голов» геральдики германской: он *всегда* пред-

и фантастичность такого определения выясняются при поверхностном даже рассмотрении оригинальных печатей XIII и XIV вв.: в договорах 1316 и 1326 гг. мы, например, ясно видим[107], несмотря на все варварство рисунка, что предполагаемые «львиные головы» всегда имеют ясно отмеченные излучения, а в гербах некоторых сородичей (напр. Grote) эти стилизованные рисунки заменяются иногда уже совершенно реалистическим и недвусмысленным изображением *солнца*. С течением времени стилизованный рисунок, действительно, все более решительно превращается в заправскую львиную голову, и тем не менее даже в самом конце XIV и начале XV в. непрерывно происходят возвращения к первоначальному чистому типу[108].

Параллельно наблюдается, и опять-таки только в *славянских* землях, и иной ряд превращений: «львиная

ставляет лишь самую голову (без намека на шею или туловище) зверя, *направленную прямо на зрителя*. – В германской же геральдике этот тип *совершенно* отсутствует, да и вообще «львиные *головы*» – чрезвычайная редкость (из 1514 гербов саксонских лишь *один* случай – у Zerbst): нормой является «лев» (или «½ льва») определнной обращенности (слева направо), весь исполненный *в профиль*.

Единственным исключением, как относительно славянского, так и германского типа, может казаться герб мекленб. Briede: лев, туловище которого дано в профиль, а голова повернута en face. Очень старых печатей этого рода не сохранилось, но вполне возможно допустить, что *первоначальная* эмблема был *славянского* типа, которая по принципу totum pro parte (см. выше стр. 423) была дополнена в духе германской уже геральдики.

[107] 1316, 5-c Grote (3 «львин. головы»), 8-b Grote (3 «солнца»); 11-a Brunswic («львиная голова»?), 21-c Botenes (3 «солнца»?), 21-d Guslcuf (= Gulav; «солнце»? «львиная голова»? – варваризм рисунка необычайный); 1326, 13-b Johannis Kalant («солнце»? «львиная голова»? рисунок не менее варварского исполнения).

[108] Особенно явственно в гербовой традиции мекл.-поморск. Stoislaff: см. Mülverstedt Pomm. † и Ledebur II S. 489, III S. 347; о замечаемом при этом *утроении* (тоже *временном*) эмблемы см. выше стр. 419 [с. 67 настоящей публикации].

голова» – «солнце» извращается в розетку или типичную *«розу»*, а эти эмблемы свободно переходят в «львиную голову»[109]. Третья группа превращений: «солнце» – *«колесо»* (иногда «солнце» – «колесо» – «роза»[110]) уже более символического характера[111], и *обратные* превращения

---

[109] Наиболее отчетлива смена у саксонской группы Bodewitz – Kindehausen – Legat. – Ср. также поморск. Schmeling: «круг» или «роза» с расходящимися по типу Y «стрелами», иногда «солнце», снабженное теми же «стрелами» (ср. герб поморск. Blixen – «солнце со стрелами», из которого получился герб голштинских Blixen – «3 трилистника»; относительно образования эмблем типа Y см. выше прим. 23.

[110] «Солнце» – «колесо» у поморск. Spandow (Bagmihl V, tab. 47 затруднился блазонировкой); «солнце» – «колесо» – «розы» у поморск. Rethim.

[111] См. и Seyler S. 135, 164; но у него увлечение «колесом Фортуны». Зайлер приводит два примера. Один – S. Hassonis de Wedel XIV в. («колесо», – внутри которого помещено «человеческое лицо») – при сравнении с *поморскими* аналогиями, см. выше прим. 107, теряет всякую доказательность: «лицо» намечено также слабо, как и в поморских печатях, солнечные *излучения* зато необычайно типичны. Кроме этих аналогий (Зайлер их не знает) можно указать еще и на сакс. Liptitz, у которых *два* варианта *сменяются*: «колесо» (с излучениями!), в центре которого «человеческое лицо» и эмблема, похожая на цветок ромашки (такой же герб у сакс. Helle; ср. еще варианты сакс. Biedersee); т.е. несколько иная стилизация первоначального «солнца». Второй пример – печать (средневековая; время не указано) *венгерского* городок Tyrnau: в центре колеса – лик Христа, окруженный надписью «et deus in rota», над ликом α и ω, по обеим сторонам «полумесяц» и «звезда»; надпись наружного круга гласит – S. M. Civium de Zvmbotel (по венгерски город Tyrnau и ныне – Nagy Szombat) *cum rota fortunae*. Но и этот пример, несмотря на всю его кажущуюся доказательность, может лишь, в лучшем случае, показать, что *уже в средние века* не понимали и ложно трактовали первоначальную эмблему «колесо-солнце». Изображение лика Христа – геральдический unicum, что и подтверждает наличность особой (внутренней) *надписи*, так как к *поясняющим* надписям (*внешняя* надпись – явно вторичного происхождения) прибегали лишь в крайних случаях, для избежания недоразумений (логическое ударение, поэтому, нужно искать на слове

довольно редки; но важно отметить, что столь распространенный в славянских землях тип «колеса» (геральдика почему-то присвоила ему уже с XVII в. название «*мельничного* колеса», хотя рисунки печатей на это не уполномочивают) *всегда* имеет своеобразную и *точно* соблюдаемую тинктуру, именно *красный* цвет[112], кото-

---

deus); лик Христа как и ученая прибавка α и ω – *позднейшие* изменения первоначального «лица», столь обычного при эмблеме «солнца»; правильность этого предположения подтверждается еще и наличностью «месяца» и «звезды», сопровождающих (но тоже в виде позднейших прибавок) иногда центральную эмблему «солнца» (иногда получается и полная замена «полумесяца» – «солнцем»; так у магдеб. и наумбургск. Hagenest; иногда – замена обратная: так у гальберштт. Steimcke, Stembeke, печати которых дают странные, на первый взгляд, варианты – «роза» в окружении трех «лилий», т.е. стилизованных «звезд», превращается в... «полумесяц» с «прикрепленными» к нему тремя «лилиями»). Наличность *славянской* эмблемы у *венгерского* города не должна удивлять: Tynau (*слав.* название!) лежит к северу от Пресбурга, т.е. на границе славянской речи.

112 *Тинктуры* менее всего поддаются *историческому* рассмотрению: не только потому, что постоянно происходила «замена» или «смена» тинктур (в *современной* геральдике тоже недопустимо!), но, главным образом, потому, что для наиболее важного, древнейшего времени приходится иметь дело с печатями или надмогильными гербовыми изображениями, где окраска, конечно, не передавалась (затрудняюсь даже примкнуть к мнению, что и на печатях была «шраффировка» для передачи *окраски*; с полным правом такую «шраффировку» можно считать вольным *заполнением* «пустых» частей рисунка, т.е. видеть в этом аналогию позднейшей «дамасцировке»).

Тем не менее возможны некоторые наблюдения (но – salva reservatione!) и над тинктурами. Так, напр., нельзя, на мой взгляд, не отметить *преобладания известных излюбленных цветов по отдельным территориям:* для Мекленбурга и Поморья характерны цвета черный и белый; для З. и В. Пруссии – черный, белый, желтый; для Силезии – черный, желтый, красный (зеленого – почти нет); для Бранденбурга – красный, желтый и (сравнительно мало) черный; для Саксонских земель – безусловное преобладание красного цвета (и поразительное отсутствие зеленого). Наконец, Crull (статья «Wappen

рый, как и *красные* «львиные головы», напоминает о былом эмблематическом прототипе, – солнце.

Указанные перемены и замены глубоко поучительны, так как они *догеральдического* еще происхождения. Sol invictus, победитель лютой зимы, оживитель природы всегда и всюду изображался в виде «колеса», огненного,

---

d. Mekl. Städte» p. 12) указывает: «Teske bemerkt wohl zutreffend, dass man im allgemeinen Sinn roth und weiss als *Stadtfarben* bezeichnen könne, denn... in allen Fällen ist das Feld roth, die Figur, insbesondere die Baulichkeit – weiss, nicht umgekert, wie bei Hamburg, Lüneburg, Hannover, Städten, die doch auch nim Gebiete des *Ziegelbaus* liegen...». Если и не принимать *объяснения* Крулля, то все же излюбленность красно-белой окраски *городских* гербов (прибавим – в *германских*, главным образом, землях) не подлежит сомнению. Нельзя также отказаться от впечатления, что пред нами раскрывается какое-то *закономерное* чередование красок: преобладание *черно-белого*, напр., *явно характерно для стран славянских*.

Возможно и еще одно общее наблюдение: стремление к *естественной* окраске, по-видимому, существовало, и этот принцип не удалось совершенно заглушить позднейшим извращением тинктур. «Розы» – всегда натурального, красного цвета (по моим наблюдениям лишь «розы» у поморск. Warburg имеют синюю окраску; варьирующая окраска *декоративных* «роз» – не в счет, тем более, что и сами «розы» заменяются *другими* фигурами, см. в. прим. 63), «листья», «деревья» – зеленого, «лиса» – красного, «рак» – всегда *красный*; относительно «волнообразной перекладины», символа *реки* (см. выше прим. 40) Crull § 14 имел полное право указать – gewellter Querbalken, *also wohl blau*.

В некоторых случаях, наконец, тинктура может оказать существенные услуги при разгадке сложных эволюций-мутаций. Герб поморск. Parsenow долгое время блазонировали (v. Ledebur II, S. 182; v. Lehsten S. 192) как... *Engels*kopf, *Cherubs*kopf, не смущаясь тем, что крылья предполагаемого «ангела»... *черного* цвета! Такая странная окраска уже *сама по себе* (помимо *аналогий*: см. выше прим. 66 и 67 – образование «ангела» из простого «крыла», которое почти всегда имеет *черную* тинктуру) свидетельствует, что пред нами герб *извращенный*. – Неестественная окраска «бурга» (– синий!) у поморск. Lühe сразу обращает наше внимание, и дальнейшие изыскания, действительно, показывают (см. выше прим. 76), что «бург» получился из простого зубчатого «стропила».

пылающего, «красного», фигурирующего еще и теперь в фольклоре всех народов известной широты. Это же «колесо» (= солнечный диск) является и постоянным мотивом даже самой примитивной орнаментации: мекленбургские и поморские *археологические* находки[113] позволяют сказать, что колесо-солнце, иногда в виде розетки, иногда в виде типичного колеса, иногда в виде круга, окруженного (простым вдавливанием пальцев) точками – «излучениями», круга, внутри которого грубо намечены нос, рот и два глаза (будущая «львиная голова!»), – являются едва ли не самым излюбленным орнаментом «вендских» горшков[114].

Не менее частым орнаментом на тех же «вендских» горшках является ☾○, т.е. комбинация из вдавления ногтем и концом пальца, комбинация, которая невольно вспоминается при широко распространенном, и опять-таки лишь в *славянских* странах, гербовом типе «полумесяца со звездой»[115], herb Liliwa польской геральдики.

---

[113] См. R. Beltz, passim.

[114] Именно на *дне* горшков (самых разнообразных форм и техники, т.е. *разных* эпох; точная классификация затрудняется отсутствием давно обещанного труда Friedel'я – Wendisches Formenbuch)... meist ein Rad mit 4 einfachen oder modifizirten Speichen (Dr. Schmidt; Protokolle d. Generalversamml. d... Gesch. Und Altert. Vereine zu Schwerin. 1890. S. 127).

Указанные мотивы являются, конечно, достоянием, не одной лишь примитивной *славянской* орнаментации: в *кельтийском* искусстве (см. Verworn в Anthrop. Ver. Zu Götting. VII, 1908: Korrespondzblatt f. Anthropol. XL, 3) «колесо» и «розетка» занимают не менее видное место и также символизируют солнце, как видно по известному кельтийскому «юпитеру» с *колесом* и перунами в руках. – Невольно припоминаются и «лицевые урны» II-ой Трои, и орнаметальная «розетка» (удивительно похожая на государственный герб современной Японии) крито-микенского искусства. Характерно лишь, что в *славянских* странах, главным образом в Поморье, позднейшая *геральдика* повторяет первобытный орнамент.

[115] В геральдике *Поморья*, напр., при общей сумме 871 герба указанный тип встречается в 53 случаях, т.е. 2/29 *всей* геральдической традиции (а имея в виду клейнод – в 62 случаях, т.е.

1/14 всей гербовой массы), в то время как в *германских* странах он появляется лишь спорадически: Züricher Wappenrolle при 559 гербах знает лишь *один* случай (№ 544 – Amman von Bregenz).

Гербы поморские (варианты обозначаю по Mülverstedt Pomm. †; гербы ранние, XIII и XIV вв. отмечены *курсивом*; важно, что *чистый* тип представлен в *ранних* гербах *ярче* [ровно половина: 11 из 22], нежели тип комбинированный). Комплекс «полумесяц со звездой (звездами)» в *чистом* виде: Bartsch IV, Born, Brychta II, Chmielinski II, Cieminski, Czapski, Dullack, Fargow II, Kokoschke, Kowalk, Lissow, Lostin, Malschitzki, Pasch, Petrorch, Plochantz, Poklatte, Pritz, Schmude III, Skork, Thadden, Zürson. Тот же комплекс в *комбинации с другими* эмблемами: Bach, Borski II, Brzezinski, Chinow I, Dargolewski, Eichmann, Ferber, Krenzki, Lipinski II, Paraski, Poblotzki I, Röpke, Rüdgisch II, Selasinski I, Strzelecki, Tempski, Tuchsen, Warszewski, Witzon (Witzach), Wussow, Wyschetzki, Zeromski; в комбинации со «стрелами»: Bartsch II, III, V, Borzyskowski, Czarnowski, Felstow, Fiske (Fischer), Jantha II, Lietzen, Moiszewski, Zanc. Комплекс «месяца и звезд» *только в клейноде*: Ahlebeck, Bartsch I b, Broncke, Darsen, Gantzke, Grumbikow, Kantzinski, Selasinski II.

Не менее широкое распространение указанного комплекса в Силезии, Чехии, З. и В. Пруссии; несколько реже в саксонских землях и еще реже в Бранденбурге. В *Мекленбургских* землях комплекс как будто более чем слабо представлен (в чистом виде – Arnsberg, Halberstadt, Tartnow, город Grabow см. ниже прим. 117; в комбинации с «½ лилией» – Ledege, Michelsdorf), – явление неожиданное, – если не считать центром данного гербового типа *Польшу*. Впрочем, нужно иметь в виду более или менее сильные *извращения* типа: так, например, эмблема особого вырезного листа (технический, *условный* термин нем. геральдики – «Seeblatt») по своим очертания чрезвычайно напоминает обычный тип геральдического «полумесяца», так что на некот. мекленб. печатях (Buk, Jerichow, Strohkirch, See; менее ясно у – Hovesch, Nortmann, Schinkel, Seestedt, Zapekendorf; но показательно, что в *голшт.* геральдике тип «Seeblatt» встречается *только в славянской* части земли, за limes'ом Карла В., у сродных с мекленбургскими одноименниками Zestede = Seestedt и Skinkel = Schinkel) возможно смешение; с другой стороны, герб силезск. Stain (Blażek блазонирует «Wolfsangeln») произошел из «опрокинутых» «полумесяцев со звездами», а в некоторых

Зайлер, хотя и оговоркой, считает такой тип символом Богоматери[116], и средневековые скульптурные и живописные изображения, как известно, часто изображают Деву, стоящую на лунном серпе, руководясь, быть может, известной апокалиптической картиной (Apoc. 12,1): Et signum magnum apparuit in coelo: Mulier amicta sole, et luna sub pedibus eius... Тем не менее *односторонняя* распространенность, только в *славянских* странах, указанного герба-символа заставляет искать столь же *местное* объяснение, и в качестве гипотезы возможно выставить предположение, что пред нами старый, еще *языческий* символ, аналогия языческому же «солнцу-колесу». Приснодева не только стоит на лунном серпе, но и *попирает* его ногами, признак *одоления язычества*[117], сходный с

вариантах «звезда», *сливаясь* с «полумесяцем», образовала фигуры «опрокинутого» же «якоря» (ср. очень подозрительный «якорь» у мекл. Gantzow и Pribbignewe; странны, но, за неимением автентичных ранних печатей, плохо объяснимы – два «серпа» у Bützow V и две искривленные рыбы)(у мекл. Buken).

Допустима, быть может, и еще догадка: не получился ли широко распространенный в *славянских* землях гербовый тип «рог» (потом извращается в «рог для питья», «охотничий рог» и т.д. – у поморск. Raleke, у мекл. Vieregg – с дальнейшим извращением, у бранд. Strauss и т.д.) также из фигуры «полумесяца»?

116 S. 159: Wenn wir auch nicht unter allen, vielleicht nicht einmal unter vielen Umständen, Lilie, Stern und Halbmond als Marienzeichen ansprechen dürfen, so warden sich doch eine Reihe von Wappen auf diesem Wege erklärten lassen. Далее (S. 160) указывает как на безусловный пример – die Lilie des französischen Königtums; но уже в 1878 г. проф. Karabacek на геральдической выставке в Вене доказал, что ряд гербовых эмблем («Bindeschild» австрийск. Бабенбергов, «змея» у миланских Висконти и т.д.) *арабского* происхождения, между прочим, и *«лилии» франц. королей* (другое восточное влияние, византийское, на геральдику Запада указывается уже у Ersch und Gruber «Encyclop.» I Ser. 85 S. 61).

117 *Геральдическое* изображение торжества христианства над язычеством – большая редкость. Интересное указание дает *печать* города Grabow (графства Danneberg), изображающая

позднейшей комбинацией Креста, возвышающегося над побеждаемым турецким полумесяцем.

Те же соображения возникают и относительно еще одного тоже *славянского* исключительно[118] гербового типа – «грифа» («дракона»)[119]. Локализация этого типа могла получиться на очень разнообразных основаниях. Несомненную роль могли сыграть квазиученые, идущие еще от античности, убеждения, что родиной грифов, стражей золота, являются именно *северные* страны, куда средневековые географы и помещали их неизменно[120]. Еще более вероятно другое воздействие: дракон-гриф – символ паганизма, тот змий, поражение которого запечателно и в апокалиптическом видении, и в широко распространенных по всему христианскому миру легендах, змий, побеждаемый не только богатырской силой, но и правой молитвой[121]. Есть, наконец, ценное указание, свя-

---

(на грамате 1325 г. в Любекск. Арх.; Milde u. Masch. «Meckl. Siegel». 2, 18, 46 – указание, что самая *печатка* принадлежала еще XIII в.) Св. Георгия (надпись с ошибкой и характерным изменением имени: SCANTVS GEORRIVS), *попирающего* какую-то человеческую (?) с короной фигуру. *Другая печать* (ставшая приблизительно с половины XIV в. и *гербом* города)

[118] Так уже Lisch Jahrb. X (1845) S. 15, Anm.: ...der Greif als allgemein *wendisches* Sinbild... Соображение Teske p. 3 – «гриф» с востока привезен «греческими купцами в город Юмну» – мало убедительно.

[119] На оригинальных печатях трудно различить «дракона» и «грифа» (см. серия печатей поморск. Puttkammer у Bagmihl III); «драконы» графов Шверинских, поэтому, могут быт *славянского* происхождения, т.е. тождественны с поморскими, главным образом, «грифами».

[120] Seyler S. 158 приводит глоссу XI в. (Elwanger Glosse) – Grifes: grifen, hoc genus animalium in hiperboreis montibus nascitur (см. Ad. Brem. Schol. 133, под влиянием Солина: In Yperborcis montibus praeter alia monstra leguntur et gryphes nasci.) – Ср. рисунки и легенды *Эбсдорфской* Mappa Mundi. – Ср. германские и скандинавские воззрения у Grimm Mythol. S. 573 sq., 819 (ormbedr = «ложе змия» = «золото»; grîfen golt и т.д.).

[121] Apoc. 12, 9; Et proiectus est Draco ille magnus, scrpens antiquus, qui vocatur diabolius et satanas... 17: et iratus est draco...,

зывающее «грифа» именно с *славянским* паганизмом, идущее, к тому же, от одного из крупнейших *гербоведов* XV в.[122]: рыцарь Грюнемберг в 1486 г. рассказывает, что у «вендов» на далматинском побережье, именно в Заре, было *божество-гриф*, изображение которого рассеялось, как только прикоснулся победный символ Креста[123].

---

et abiit facere proelium cum... (eis)..., qui custodiunt mandata dei et habent testimonium Jesu Christi.

Поражение змея: Св. Георгий Победоносец (см. прим. 117; J. Aufhauser «Das Drachenwunder des heil. Georges in der griech. Und latein. Ueberlieferung» ныне доказал, что легенда о борьбе с *драконом* появляется лишь в XII–XIII вв.; см. Х. Лопарев Визант. Временн. XX 1913 С. 25 sq), киевская легенда о Кожемяке и Змие, краковская легенда о змие на горе Вавеле (апокриф о «вавилонском» змие!), умерщвление змия молитвами перед образом богоматери у крымских греков и волохов (см. Буслаев: Русск. Народн. Поэзия С. 285 sq., С. 373 sq.), пост и молитва монахов убивают Аксумского (в Абиссинии!) *змия* (см. Б.Тураев «Из Абесс. историч. легенд». Сборн. Д.Корсакова, 1913., С. 298 sq). Германские аналогии см. J.Grimm Mythol, S. 574 sq., 833 sq.

122 См. выше прим. 36.

123 Ritter Grünembergs Pilgerfahrt ins Heilige Land, впервые издано (по рукописи в Gotha; к сожалению, в приспособлении к современной литературной речи) в Voigtländers Quellenbücher, № 18 (1912).

«Wenden», в смысле *славян*, в Рагузе и Далматии вообще, см. S. 38; *славянские* обряды вызвали особый интерес автора: свадьба – S. 34 («венцы», «осыпанье» молодых), похороны S. 44 sq. (кстати, нем. Издатель неправильно истолковал «плачбу», «die Plazebeп» в тексте, указывая: die Vigilie, ein Teil der Messe).

S. 34: Item zu Sara auf einem Platz steht gar eine hohe, starke Säule von Stein gehauen aus einem Stück; darauf zu oberst auf der Säule liegt ein *Greif*. Der Greif ist sehr viele Jahre ihr *Abgott* geweseb, und hat grosse Zeichen gewirkt, und zu ihnen gesprochen. Danach wurde das Land und die Stadt christlich, und machten eine schöne Steintafel an die genannte Säule; darauf waren etliche Kreuze. Sobald das Kreuz daran kam, spaltet sich die Säule der Länge nach, dass sie dennoch nicht umfiel, und nwich der böse Geist daraus. – Ср. Ad. Brem. IV 17: ...Aestland... ipsi Deum christianum prorsus ignorant, *dracones adorant* cum volucribus...

Вполне допуская ошибочность только что приведенных объяснений, приходится особенно настойчиво указать, сто от принятия или непринятия их совершенно не меняется наблюдение основное, наиболее важное – характерная *локализация* определенных гербовых типов, т.е. существование определенных *славянских гербовых типов*. Уверенно-безапелляционный тезис гербоведа Teske (Mekl. Städtewapp. P. 3), опиравшегося как бы на научную communis opinion doctorum, именно – das ganze Meklenburgische Wappenwesen ist *durchaus germanischen* (курсив Teske) Ursprungs – подлежит несомненному пересмотру.

В заключение лишь два слова pro domo. Непропорционально большое, в сравнении с общей архитектоникой работы, место, отведенное наблюдениям над геральдическим материалом, – вина не автора. Оно обусловливается невозможностью опереться на какое-либо иное исследование, преследующее аналогичные цели. Исходя из заданий, какими способами можно идентифицировать большое количество собственных имен ZR, каким путем можно компенсировать досадную скудость и крайнюю отрывочность дипломатического материала, пришлось встретиться с богатыми данными геральдики, но одновременно и столкнуться с полным отсутствием систематической методологии в этой области. Удовлетвориться обычным у современных гербоведов *внешним* сопоставление гербов – оказалось невозможным, хотя бы в виду *ранней* эпохи, служащей предметом данной работы: ранняя геральдика, как выяснилось с первых же шагов, обладала массой особенностей, непредвиденных и даже недопустимых в настоящее время. Таким образом, уже самое хронологическое углубление приводило к необходимости углубить и наблюдения, а естественное желание обосновать эти наблюдения более стойко и надежно привело к необходимости расширить геральдическую базу, не ограничиться только гербами Мекленбурга и Поморья.

А.П. Черных

Геральдика в научном наследии А.В. Соловьева

Отечественное гербоведение благодаря усилиям немногих историков (Ю.В. Арсеньева, Д.Н. Егорова) в начале XX в. только начинало учиться свободно говорить на геральдическом языке Европы. Трудно судить о том, как могла бы развиваться эта ветвь исторической науки и какие плоды она бы принесла, тем паче, что печальная научная судьба гербоведа В.К. Лукомского, окончившего в 1909 г. Петербургский археологический институт и писавшего диплом по геральдике, известна[1]. Однако некоторое представление о путях развития научной мысли в области геральдики получить все же возможно, поскольку среди немногих трудов заметное место занимает статья, посвященная византийской и славянской геральдике, созданная А.В. Соловьевым для семинара Н.П. Кондакова в Праге в начале 1930-х гг.

Русский историк и филолог Александр Васильевич Соловьев (1890–15.1.1971) получил образование в Варшавском университете на юридическом и филологическом факультетах. По окончании университета он в должности ассистента юридического факультета специализировался по истории русского и славянского права, и этот интерес к правовым сюжетам пронес через всю свою научную жизнь. В связи с началом Первой мировой войны в 1915 г. вместе с университетом он был эвакуирован в Ростов-на-Дону, где в 1918–1919 гг. читал курс сравнительно-

[1] См.: *Каменцева Е.И., Наумов О.Н.* В.К. Лукомский. Жизнь и деятельность. М., 1994. *Наумов О.Н.* Лукомский – источниковед // Отечественные архивы. 2001. № 2. С. 16–26.

го славянского права, а также курс русской истории в Археологическом институте.

В 1920 г. А.В. Соловьев вынужден был окончательно покинуть пределы России и выехал в Белград. В 1921–1935 гг. он преподавал русский язык и русскую литературу в 1-й русско-сербской гимназии. Одновременно, уже в должности профессора Белградского университета, он продолжал читать свой курс по сравнительному славянскому праву. В 1928 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Законник короля Стефана Душана», которая стала одним из лучших исследований этого источника. В 1930 г. А.В. Соловьев был избран экстраординарным профессором Белградского университета по кафедре истории права южных славян; с 1936 г. он стал ординарным профессором той же кафедры. В 1933 г. он выступал на VII международном конгрессе историков в Варшаве с докладом «Corona Regni». Член различных научных обществ, член редколлегии «Трудов» Славянского института в Праге, А.В. Соловьев получил заслуженное признание научной общественности. Белград и Прага наряду с Берлином в то время были центрами научной деятельности русских эмигрантов-историков, и имя А.В. Соловьева справедливо называется вместе с именами наиболее известных русских историков, работавших в Праге (А.А. Кизеветтера, Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадского, М.В. Шахматова); он представлял их более молодое поколение[2].

В 1947 г. А.В. Соловьев был назначен деканом юридического факультета университета в Сараево, но уже спустя три года, в 1951 г. переехал в Швейцарию, в Женеву, где до 1960 г. преподавал в Женевском университете. Соловьев – ученый широкого кругозора и энциклопедических знаний. Ряд его работ посвящен доказательству древности и подлинности «Слова о полку Игореве», однако и к филологическим изысканиям Соловьев подходил как историк[3].

---

[2] *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 199–200.

[3] См.: New Traces of the Igor Tale in Old Russian Literature // Harvard Slavic Studies. Cambridge, Mass.; New York, 1953. Vol. 1. P. 73–81; Le Dit de la ruine de la terre Russe // Byzantion. Bruxelles, 1953. T. 22.

Он автор многочисленных работ по истории Византии, русского Средневековья, средневековой литературы, истории русского и славянского права[4], а также один из основоположников научного изучения балканской геральдики. Еще в 1929 г. он опубликовал статью о возникновении герба Сербии[5], за которой последовали и другие. Перу А.В.Соловьева принадлежит фундаментальная статья о двуглавом орле, на которую постоянно ссылаются исследователи, и материал которой постоянно используется западноевропейскими учеными, но с которой отечественный читатель мало знаком, поскольку она была создана на французском языке и на русский не переводилась. Геральдика – не магистральный путь научных интересов А.В. Соловьева, но внимание к геральдическим сюжетам историк сохранял постоянно. Всего за три года до смерти, в 1968 г. А.В. Соловьев принимал участие в IX международном конгрессе генеалогических и геральдических наук, проходившем в Берне (30 июня – 6 июля) с докладом об иллирийских гербовниках и роде Охмучевичей[6].

Занимаясь историей средневекового права, А.В. Соловьев обратил внимание на ряд славянских памятников, связанных с двуглавым орлом. Это и побудило его более внимательно рассмотреть проблему истории этого знака, казалось бы, давно известную, характерную традиционной точкой зрения на ее решение: двуглавый орел был гербом Византии, а Софья Палеолог привезла его на Русь «в приданое». Результатом исследования А.В. Соловьева стала статья, с которой в гербоведческой

Р. 105–128; Автор «Задонщины» и его политические идеи // ТОДРЛ. 1957. Т. 14. С. 183–197; Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 78–115; Die Dichtung vom Untergang Russlands // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1964. Bd 9. H. 3. S. 225–245; Екатерининский список и первое издание «Слова» // Якобсон Р., Соловьев А. «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954. С. 1–30, и многие другие работы.

[4] *Мохначева М.* Соловьев Александр Васильевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. Москва, 1997. С. 586–587.

[5] *Solovjev A1.* О постанку српског грба // Šišićev zbornik. Zagreb, 1929. С. 537–548.

[6] *Soloviev A.V.* Les armoiries illyriens et la famille Ohmuchivich // Recueil du IX Congrès des sciences généalogiques et héraldiques. Berne, 1968. P. 211–219.

исторической литературе того времени трудно что-либо поставить рядом, поскольку делал ее не «геральдист», а историк[7].

Подход А.В. Соловьева в целом характеризуется тем, что к феномену геральдики он относился как к явлению историческому, т. е. подверженному изменениям во времени. Эти изменения интересовали его более, чем что-либо другое. Поэтому А.В. Соловьеву удалось затронуть главные проблемы исторической геральдики. Он в самом начале практически отказался от вопроса был орел гербом Византии или не был, а сформулировал его как проблему генезиса герба из других, близких ему форм. «Когда именно двуглавый орел Палеологов превратился из эмблемы их императорского достоинства в *герб* в западном смысле этого слова – этот вопрос остается все еще неопределенным»[8] – вот что стало отправной точкой его исследования.

А.В. Соловьев отмечал, что в XVI – нач. XVII в. берут свое начало многие мифологизированные представления о геральдике. При этом он оптимистично полагал, что «выдумки» авторов эпохи Возрождения, считавших двуглавого орла гербом Византии, уже давно оставлены[9], но, увы, бытование некоторых устойчивых представлений не только в обывательских, но и в значительно более культурных кругах оказалось прочнее уверенности историка-ученого.

В своих научных принципах А.В. Соловьев исходит из признания исторического развития геральдики, т. е. перемен не только отдельного герба, а изменений в области геральдики в целом. Причем речь идет не об изобразительной стороне, что на материале германского региона интересовало медиевиста Д.Н. Егорова, а о статусе герба, об отношении общества к нему. Соловьев как историк права не мог не почувствовать этой разницы между графикой конкретного варианта знака и его социальной

---

[7] *Soloviev A.* Les emblèmes héraldiques de Byzance et les slaves // Seminarium Kondakovianum. N 7. Prague, 1935. P. 122 [С. 114 наст. публикации]. (Далее – *Soloviev A.* Les emblèmes héraldiques...).

[8] Ibid. P. 121 [С. 113].

[9] Ibid. P. 119 [С. 109].

судьбой. Поэтому когда Соловьев пытается найти ту грань, которая отделяет ситуацию, в которой существующее изображение еще не стало гербом, от той, когда оно уже расценивается как герб (и обладает для этого соответствующими признаками) – это всегда представляет особый интерес, поскольку критерии его связаны с социальными реалиями. Когда Соловьев говорит, что орел стал гербом намного позже, а до этого был не более чем «символом, имперской эмблемой», он ясно показывает, что существует разница между уровнями и типами развития визуального признака, существует его генезис, что по отношению к геральдике, как правило, не отмечалось, как будто гербы упали с небес, подобно римским ancilia и с тех пор так и существуют в неизменной идеальной форме[10]. Учитывая, что сегодня литература, посвященная образу двуглавого орла, стала весьма обширной[11], очевидно, что у проблемы появился и историографический аспект, рассмотрение которого выходит за пределы скромных целей данной статьи. Однако представляется обязательным подчеркнуть, что практически никто в Европе в начале 1930-х гг. не пытался разрешить эту проблему подобным образом; более того, она едва начинала ставиться европейскими учеными.

Отдельного внимания заслуживают выводы Соловьева в связи с бытованием двуглавого орла в Византии и на Балканах. То, что славянские правители византийского мира могли и стремились подчеркнуть родственную и

---

[10] Ibid. P. 121 [С. 113].

[11] Подробнее см. в *Kornemann E.* Adler und Doppeladler im Wappen des alten Reiches // Das Reich. Idee und Gestalt / Festschrift für Johannes Haller. Stuttgart, 1940; *Korn J.E.* Adler und Doppeladler : ein Zeichen im Wandel der Geschichte. Göttingen, 1969; переизд: Marburg, 1976; *Mattern G.* Der Doppeladler als staatsrechtliches Symbol in der Schweizer Geschichte // Staaten, Wappen, Dynastien : XVIII. Internationaler Kongreß für Genealogie und Heraldik in Innsbruck vom 5. bis 9. September 1988. Innsbruck, 1988; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997; *Bleisteiner C.D.* Der Doppeladler von Kaiser und Reich im Mittelalter // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 2000. T. 109. Fasc. 1–2; *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики. М., 2006 и мн. др. См. также *Наумов О.Н.* Геральдика. Библиографический указатель отечественной литературы XVIII–XX вв. М., 2003. С. 86–100.

должностную близость к Палеологам, когда те были императорским родом – вполне убедительно. После падения Византии двуглавого орла избрали гербом многочисленные потомки высшей византийской знати: Кантакузины, Комнины, Дуки, Ласкари, Палеологи. Они помещали в своих гербах половину двуглавого орла, повторяли его в четвертях, и т.д. Именно они способствовали тому, что знак двуглавого орла, несмотря на всю его предшествующую распространенность в Западной Европе, стал восприниматься как герб Византии.

Вопрос об источниках российского двуглавого орла интересовал многих, но Соловьева интересовало не столько это, сколько азиатская, византийская и европейская предыстория и история эмблемы, когда этот знак существовал и в качестве декора, и в качестве герба. В разговоре о преемственности имеет смысл обратить внимание на отмеченный Соловьевым источник, упоминавшийся и другими исследователями – «Хронику Костанцского собора» Ульриха фон Рихенталя 1416 г., где под рисунком с изображением двуглавого орла стоит подпись Ruthenia. Известную остроту полемике придает анахроничность: различие позиций во многом обусловлено представлениями о *государственном* гербе, а его в середине XV в. не было не только у Византии, но и ни у какого другого государства во всей Западной Европе. Королевские гербы, которые позднее начали превращаться в государственные, в то время были еще не более чем родовыми. Гербов с двуглавыми орлами в средневековой и начала Нового времени Европе – десятки, среди которых гербы Бусико, Дю Гекленов и многих других[12]. В то же время, если двуглавый орел эмблематизировал для европейцев знатный византийский род, то, разумеется, родственные связи с ним обеспечивали правомерность притязаний на ношение герба рода. Однако даже и в тех случаях, когда орла не носили, это еще не служит доказательством отсутствия прав на него, поскольку в роду могло быть несколько гербов, а предпочитаемыми чаще всего оказы-

[12] См. например, *Litta P., Passerini L.* Famiglie celebri italiane. Milano; Torino, 1819–1883.

вались свои родовые. Это не исключало возможности воспользоваться и другими гербами в нужных обстоятельствах и по усмотрению владельца. Это точно такое же свободное право, как и право не пользоваться ими. Нельзя не согласиться с М. Агоштон, которая отмечает, что источником представлений о двуглавом орле как символе константинопольского императора была не Византия, а западная традиция восприятия[13].

По данным, приводимым в труде Соловьева видно, насколько активно шла геральдизация стран балканского региона по мере сокращения влияния Византии; этот процесс продолжался в течение всего XIV в. При этом стоит обратить внимание на датировку целого ряда упоминаемых Соловьевым сербских и других славянских памятников. А ведь политические, языковые, династические связи Московской Руси со славянскими королевствами представляются гораздо более реальными, чем духовные связи со слабеющей и умирающей Византией[14].

Разумеется, современный уровень развития знаний о феномене геральдики позволяет подчас не соглашаться в А.В. Соловьевым, что, кстати, весьма отрадно. Так, например, писатели конца Средневековья и раннего Нового времени описывали гербы Адама, Ноя и Соломона не в силу исторического простодушия[15], как пишет Соловьев, а следуя традициям воображаемой геральдики, широко и глубоко укорененной в сознании всего общества и имевшей гораздо большее значение, чем личные симпатии или невежество отдельных его представителей [16]. Та легкость, с которой средневековые кодификаторы геральдики наделяли гербами не только исторических персонажей догеральдических времен, но и вымышленных (вроде Пресвитера Иоанна), переносилась и на государства и страны, известные средневековому миру, но лежавшие далеко за

---

[13] *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 427, 446.

[14] *Soloviev A.* Les emblèmes héraldiques... P. 142–143 [С. 145–147].

[15] Ibid. P. 125 [С. 120].

[16] См. *Черных А.П.* Реальные проблемы воображаемой геральдики // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 235–240.

пределами круга геральдических обычаев. Свидетельства этому содержатся во многих примерах геральдической кодификации (гербовниках, геральдизированных описаниях земель, ранних картах), многие из которых, кстати, были известны Соловьеву и учтены им в его исследовании.

Небесспорным представляется и предположение Соловьева, что латинские императоры как уроженцы Фландрии обозначали двуглавым орлом свою империю на Востоке и на Западе[17]. Вообще эта идея, что две обращенные в разные стороны орлиные головы символизируют Запад и Восток, по отношению к средневековому визуализирующему мышлению вероятнее всего анахронична. Корни подобного толкования лежат в эмблемном сознании Ренессанса с его уникальными метонимичными конструкциями, перегруженными смыслами, подчас весьма и весьма удаленными от изображения и требующими дополнительного объяснения, нередко не менее удивляющего.

В связи с усвоением двуглавого орла в Германии Соловьев высказал предположение, правда с долей сомнения, что двуглавый орел мог быть добавлен к унаследованному от Римской империи одноглавому германскому при захвате немцами или фламандцами туркоманского флага с двуглавым орлом. Этому предположению не хватает доказательств; оно неубедительно прежде всего своей подозрительной казусностью. Но главное в исследовании Соловьева не эти спорные детали, а то, что он пытался найти европейский синтез в отношении этого общего визуального признака, двуглавого орла, принимая локальные факты как вероятные компоненты, и избегая абсолютизированных трактовок[18].

Несколько категорично утверждение А.В.Соловьева при объяснении метаморфоз в понимании латинских B как кресал тем, что Средневековье не знало букв в гербах[19]. Действительно, Средневековье старалось не употреблять букв как фигур герба и, разумеется, буквы – не самый распространенный тип гербового изображения, но, тем не менее, примеры букв и текстов в гербах существу-

---

[17] *Soloviev A.* Les emblèmes héraldiques... P. 121 [С. 113].
[18] Ibid. P. 124–125 [С. 117–119].
[19] Ibid. P. 159 [С. 174].

ют. Это касается и испанской геральдики, и геральдики неблагородных, многие памятники которой ко времени написания А.В. Соловьевым его статьи, еще не были опубликованы. В то же время, эта часть исследования Соловьева, посвященная действительному гербу Палеологов или тому, что могло им быть, и сам анализ генезиса литерной традиции в фигуративную, чрезвычайно интересна[20]. Соловьеву был недоступен Гербовник Ле Бретон, находившийся тогда в частной коллекции. Между тем в нем присутствуют аргументы в пользу основной концепции нашего соотечественника. В той части этого гербовника XIII в., которая была добавлена в 1470–1480 гг., двуглавым орлом обозначен «король Германии», а «король Константинополя» – золотым крестом в красном поле с золотыми кресалами в четвертях (AL, f. 6)[21]. А в португальском гербовнике Армейру-Мор 1509 г., также вряд ли доступном Соловьеву, «король Константинополя» обозначен золотым крестом в красном поле, сопровождаемым пятью золотыми крестиками в каждой из образуемых четвертей (LAM, f. 12), а золотой крест в красном поле, сопровождаемый четырьмя золотыми кресалами в каждой из четвертей (LAM, f. 12v) приписан Палеологу (Rei de Palialogres)[22].

Прекрасный знаток источников, А.В. Соловьев использовал очень широкий их спектр. Среди относительно известных есть и такие, которые в первой трети XX в. еще очень мало привлекали внимание исследователей. Например, Книга всех королевств и земель[23] – источник, рисующий геральдический образ европейского универсума, в системе аргументации А.В. Соловьева занимающий значительное место[24]. Она состоит из главок, посвящен-

---

[20] Ibid. P. 156 ss. [С. 168 ss].

[21] Armorial Le Breton. f. 6 (N 5/52) http://www.culture.gouv.fr/Wave/image/archim/Pages/03082.htm.

[22] Livro do Armeiro-Mor. http://ttonline.iantt.pt/.

[23] *Lacarra M.J., Lacarra Ducay M. del C., Montaner A.* Libro del conosçimiento de todos los rregnos et tierras et señorios que son por el mundo, et de las señales el armas que han. Edición facsimilar del manuscrito Z (Munich, Bayerische Staatsbibliothek, Cod. Hisp. 150), Zaragoza, 1999.

[24] Soloviev A. Les emblèmes héraldiques... P. 136 [С. 137].

ных определенной территории, которую предположительно посетил автор, с обязательным описанием гербов в знаменной форме, в том числе с большим количеством примеров воображаемой геральдики. Сейчас она изучается весьма активно, в ее датировке в большей степени склоняются к середине или даже последней трети XIV в[25].

Средневековая история Сербии, страны, давшей возможность А.В. Соловьеву продолжать научную и преподавательскую деятельность, постоянно интересовала ученого. В связи с этим было бы неверным обойти молчанием упомянутые А.В. Соловьевым «иллирийские гербовники», с докладом о которых он выступал перед европейским геральдическим сообществом в 1968 г. Сам факт их существования представляет собой памятник развития общественной мысли, и о них хотелось бы сказать несколько подробнее.

В число «иллирийских гербовников» входят Фойницкий гербовник (известный в копии XVII в., но возможно созданный в XV в.); Гербовник Петра Охмучевича (1584–1594 гг.), известный также как Гербовник Кореничч-Неорич, Гербовник Палинич (втор. пол. XVII в.), Белградский гербовник из Музея прикладного искусства (1574–1603 гг), Алтханов гербовник (1614 г.), Оловский гербовник (1689 г.). Возможно, что под Белградским гербовником А.В. Соловьев имел в виду другой из ряда «иллирийских гербовников», который хранился в Народной библиотеке в Белграде и погиб во время Второй мировой войны. Составленный ок. 1640 г., он содержал 10 областных и 138 родовых гербов. Он сгорел во время немецкой бомбардировки Белграда 06.04.1941 г., от него остались только упоминания в довоенных статьях и несколько отдельных фотографий в разных изданиях. В Австрийской национальной библиотеке хранится гербовник, представляющий собой разновидность Алтханова гербовника; он известен как Гербовник Марко Скороевича и посвящен эрцгерцогу Фердинанду Францу (1633–1654 гг.). А.В. Соловьев

[25] *Riquer M. de.* La heráldica en el Libro del Conoscimiento y el problema de su datación // DICENDA. Cuadernos de Filología Hispánica, no 6. Univ. Complutense. Madrid, 1987. P. 313–319.

датировал его 1636–1638 гг. и предполагал, что и на его создание оказал влияние гербовник Петра Охмучевича.

Появление гербовника Охмучевича связано с тем, что хорват Петр Охмучевич, адмирал на испанской службе, участник похода Непобедимой армады, был вынужден, возможно в связи с испанскими требованиями доказательств «чистоты крови» или подтверждения благородного статуса, создать свидетельство древности своего рода. Так или иначе, но начало «иллирийским гербовникам» было положено Гербовником Петра Охмучевича и уже затем все они оказались весьма востребованы в процессе развития балканского общества, вызвали подражания и снискали популярность. Славянские земли Балканского полуострова не относятся к регионам с самым высоким уровнем геральдизации и не отличаются изобилием средневековых памятников геральдической кодификации. Однако в конце XVI в. в связи с активным пробуждением национального сознания, в ходе «иллирийского» гуманистического движения гербовники появились как геральдическая ипостась «иллирийской идеи», получившей развитие в среде балканских гуманистов в кон. XVI в. Все «иллирийские» гербовники начинаются с изображения св. Иеронима, избранного покровителем иллирийских земель. Вполне вероятно, что часть их являет собой плод не вполне бескорыстных компиляций, представляя собой фальсификации, созданные с конкретными частными целями, но независимо от этого они оказались не только основными источниками для изучения истории балканской геральдики, но и побудительным фактором развития ее самой. И, разумеется, они вполне правомерно были использованы Соловьевым в его исследовании геральдической традиции этого региона.

А.В. Соловьев не относится к числу забытых историков. В 1958 г. его «История сербского герба» вышла в Мельбурне[26]. Его труды постоянно переиздаются[27]. В 2000 г. в Сербии увидело свет собрание всего системати-

[26] *Solovjev A.V.* Istorija srpskog grba. Melburn, 1958.

[27] *Soloviev A.* Variorum reprints // Byzance et la formation d'etat Russe. Recueil d'etudes. London, 1979; *Solovjev A.* O postanku srpskog grba // Arhiv za pravne i društvene nauke. 2004. Vol. 90. Br. 1–2. S. 197–209.

зированного научного наследия А.В. Соловьева по геральдике[28]. Что же касается истории двуглавого орла, то намеченная им схема исследования бытования знака двуглавого орла в принципе правильна и воспроизводится современными исследователями без особых изменений и с использованием в основном того же круга источников[29]. Не хотелось бы ни спорить с концепцией Соловьева, ни оценивать ее сегодня, когда со времени написания им статьи прошло 70 лет исследований, 70 лет интенсивного развития исторической науки, а предоставить читателю возможность убедиться самому в верности предположений нашего замечательного соотечественника, его правоте или заблуждениях.

* * *

В переводе мы постарались сохранить стилистические особенности текста А.В. Соловьева, позволив лишь привести авторские сноски в соответствие с сегодняшними правилами. Названия источников автора проверены и уточнены, при этом ссылки в точности воспроизводят первую публикацию текста на французском языке.

Поскольку текст сравнительно небольшой статьи имеет значительное количество сносок, мы приняли решение не утяжелять публикацию дополнительными постраничными сносками и дали комментарии в конце.

Что касается геральдических терминов и, в частности, терминов обозначения цветов, то мы старались сохранить многообразие оригинала, переводя gueules – червленый, rouge – красный, vermeil – алый и т.п. Кроме того, мы старались использовать те русские термины, которые были в ходу в русском гербоведении, без нужды не модернизируя их, но при этом следует учесть, А.В. Соловьеву некоторые геральдические моменты непосредственно на французском было описывать значительно легче, чем на русском. Максимально старались мы

---

[28] *Соловјов А.* Историја српског грба и други хералдички радови. Факултет права Универсрситета. Белград, 2000.

[29] См. например, *Агоштон М.* Указ. соч. Гл. 7. Изображение двуглавого орла.

сохранить и грамматический порядок блазонирования, которому в своей статье следовал А.В. Соловьев.

Мы лишены возможности прокомментировать степень сохранности упоминаемых А.В. Соловьевым памятников, учитывая события Второй мировой войны и недавних военных действий в Сербии.

Я хочу выразить признательность моим коллегам, сотрудникам Института всеобщей истории РАН Н.П. Чесноковой и А.А. Ткаченко, чья помощь в подготовке публикации перевода была поистине неоценимой.

Перевод осуществлен по изданию: Soloviev A. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les slaves // Seminarium Kondakovianum. № 7. Prague, 1935.

А.В. Соловьев

Геральдические эмблемы Византии и славяне

Введение

ИМЕЛА ЛИ ВИЗАНТИЯ ГЕРБ?
(Дискуссионный вопрос)

Вопрос о двуглавом орле горячо обсуждался накануне Первой мировой войны и после нее. По этому поводу обнаружилось достаточно расходящихся точек зрения.

Мы можем свести дискуссию к нескольким положениям. Мнение писателей Возрождения, которые считали, что после Константина Великого двуглавый орел был гербом Византии, давно уже оставлено.

Например, один албанский сеньор, Иоанн Музаки, который покинул Балканы в 1476 г. и писал в Италии около 1510 г., подробно описывал римские гербы. Он говорит, что орел находился в гербах Рима со времени Нумы Помпилия; он также знал, что римский орел был носим на алом щите и что Помпей Великий носил серебряного орла в лазоревом поле, в то время как Цезарь имел золотого орла в червленом поле. Тот же писатель нам сообщает, что после Октавиана Августа римские императоры пользовались орлом естественного (черного) цвета в золотом поле, как это делали императоры Средневековья. Однако после Константина Великого императоры Византии вернулись к инсигнии Цезаря, то есть к червленому щиту с золотым орлом, но наделили

его двумя головами[1]. Все эти сведения – не более чем «общепринятые выдумки» Возрождения.

---

[1] «Come Roma hebbe la prima insegna e di quella delli primi Imperadori. – Al tempo di Numa Pompilio per divino miracolo cadde in Roma dal cielo un scudo vermiglio per la qual cosa et augurio li Romani presero quella insegna et arme, e poi v'aggiunsero SPQR in littere d'oro, cioè a dire: *Senate del Popolo de Roma;* e cossi dell'origine della loro insegna dicedero a tutte le città edificate loro, cioè vermiglio, cossi a Perugia, a Firenze, a Pisa... Ben'e vero ch'i Romani, Senatori, Consoli et Dittatori, dopoi che l'aquila per augurio apparve sopra Tarpea, come Tito Livio fa mentione, se presero per loro insegna l'aquila et troviamo, ch'il consolo Mario nella battaglia de'Cimbri hebbe le sue insegne con l'aquila d'argento, et simile insegna portava Catelina, quando fu sconfitto da Antonio nelle parti de Pistoja, come raconte Salustio, e il gran Pompeo porto il campo azuro e l'aquila d'argento, e Giulio Cesare portò il campo vermiglio e l'aquila d'oro, come fa mentione Lucano (Pharsal 1,6) in versi dicendo: *Signa [pares]* aquilas, *et pila minantia pilas.* Ma poi Ottaviano Agosto suo nipote e successore Imperadore la mutò e portò il campo d'oro e l'aquila naturale di color vero a somilitudine della Signoria de imperio, che come l'aquila è sopra ogni ucello e vede chiaro più ch'ogn'animale e vola insino al cielo del emisphero del fuoco, cossi l'Imperio dè esser sopra ogni Signoria temporale, et appresso Ottaviano tutti quelli Romani l'hanno per simile modo portata; mà Constantino e poi l'altri Imperadori Greci ritennero l'insegna di Giulio Cesare , cioè il campo vermiglio e l'aquila d'oro mà con due capi». [Как Рим имел первую инсигнию и какой она была у первых императоров. Во времена Нумы Помпилия в Риме чудесным образом упал с неба алый щит, по каковой причине и гаданию римляне сохранили его как инсигнию и герб, и затем добавили SPQR золотыми буквами, что означает Сенат и народ римский. По причине такового происхождения этой их инсигнии предназначили каждому городу, построенному ими, алый цвет, а именно Перудже, Флоренции, Пизе... Таким образом, верно, что после того как этот орел по гаданию появился на Тарпейской скале, как об этом упоминает Тит Ливий, римляне, сенаторы, консулы и диктаторы приняли своей инсигнией орла. И мы видим, что консул Марий в битве с кимврами имел своей инсигнией серебряного орла, и подобную инсигнию носил Катилина, когда он потерпел поражение от Антония в окрестностях Пистойи, как рассказывает Саллюстий. И великий Помпей носил синее поле и серебряного орла, и Юлий Цезарь носил алое поле и золотого орла, как об этом упоминает Лукан (Фарсалия I, 6–7), говоря в стихах: *Знаки [равных]* орлов *и копья, грозящие копьям.* Но затем Октавиан Август, непот и преемник императора, его изменил и носил золотое поле и обычного орла настоящего цвета, в подобие Синьории империи. Подобно тому, как орел выше любой другой птицы и видит дальше, чем любое животное и летает до самой небесной сферы, так и Империя выше любой временной Сеньории, и после Октавиана все римляне носили его таким же образом. Однако Константин и затем другие императоры греков переняли инсигнию Юлия Цезаря, то есть алое поле и золотого орла, но с двумя головами.] Historia

В том, что этот орел появляется лишь в последние века византийской истории, спора нет. Его иногда приписывают Комнинам: так, Хризовергос уверял, что Комнины приняли этого орла гербом в 1048 г.[2] Эта искусственная, ни на чем не основанная дата, имела, однако, успех. Она была повторена г-ном Баласчевым и даже в посмертном труде Н. Кондакова[3].

Между тем Сп. Ламброс в тщательном исследовании, родившемся из его выступления на Археологическом Конгрессе в Каире (в 1909 г.), пришел к удивительным результатам[4]. Проверив серьезнейшим образом все данные византийской литературы и археологии, Ламброс показал, что двуглавый орел не может быть обнаружен в Византии ранее середины XIII в. и что его появление мы должны отнести ко времени Феодора Ласкаря. Ламброс полагает, что последние императоры Никеи могли принять эту эмблему, вдохновляясь хеттскими памятниками Каппадокии[5].

Двумя годами позже г-н Нико Беес опубликовал серию данных, которые должны были показать, что двуглавый орел был в Византии гораздо более древним, что он мог восходить даже к IX веку[6]. Но эти доказательства были достаточно слабы и не выдержали анализа Сп. Ламброса и Хайзенберга[7].

---

della casa Musachi, в издании Hopf Ch. Chroniques gréco-romaines inedites ou peu connues. Berlin, 1873. P. 303.

[2] Χρυσοβέργου Γ. Ὁ ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ δεσποτικὸς θρόνος μετὰ τοῦ ἄμβωνος. Ath., 1861. Σ. 43-50.

[3] Баласчев Г. [Българският държавен герб] // Минало. Год 1. Кн. 2. София, 1909; С. 176; Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 118.

[4] Λαμβρου Σπ. Ὁ δικίφαλος ἀετὸς τοῦ Βυζαντίου //Νεὸς Ἑλληνομνήμων. Т. VI. Ath., 1909. P. 433–473. Ср. Comptes rendus du Congrès international d'Archéologie classique, 2me session. (séance du 30 mars 1909). Le Caire, 1909. P. 264.

[5] Lambros Sp. Op. cit. P. 464.

[6] Bées N.A. Zum Thema des zweiköpfigen Adlers bei den Byzantinern // Repertorium für Kunstwissenschaft. T. 35. Berlin, 1912. S. 321–330; ср. критическую работу Marc P. Byz. Z. M., 1913. T. 22. P. 289.

[7] На булле στρατηγὸς Ἑλλάδος [стратига Греции] IX века, опубликованной Константопулосом, которая была одним из основных аргументов Бееса, изображен орел лишь с одной головой. См. Svoronos, P. 38.

Тогда же (в 1914 г.) И. Зворонос опубликовал достаточно длинную статью, в которой он хотел возвести происхождение двуглавого орла не к Востоку, но к орлам классической Эллады, предполагая, что в последующей традиции двойные орлы могли стать двуглавыми. Но эта гипотеза кажется весьма искусственной и малообоснованной[8].

Наконец в 1920 г. фон Хайзенберг пошел еще дальше Ламброса в своем критицизме. Присоединяясь к Ламбросу против Бееса и Звороноса, Хайзенберг серьезно проанализировал один аргумент Ламброса в пользу Феодора Ласкаря – портрет этого императора в мюнхенской рукописи № 442. Результат этого анализа оказался очень интересен: Хайзенберг показал, что в оригинале орлы Ласкаря имели только одну голову, и что вторые головы были добавлены впоследствии в оригинал и в копии, которые только и были известны Ламбросу[9].

Заключения Хайзенберга были полностью отрицательными: двуглавого орла не знали ни Комнины, ни императоры Никеи. Его можно отметить только при Палеологах. Даже Михаил VIII Палеолог им еще не пользовался. Первый достоверный документ, где мы находим двуглавого орла как имперскую эмблему,— это портрет Андроника II на хрисовуле из Монемвасии, датируемом 1293 г.

Хайзенберг предложил еще одну, достаточно рискованную гипотезу: он хотел связать происхождение византийского двуглавого орла с латинскими императорами Константинополя. Он говорит: «Никейское происхождение этого символа не выдерживает критики, но Ламброс прав, когда говорит, что предпочли двуглавого орла лишь наследники Михаила VIII. Несомненно, ничуть не случайно то, что пасынок Андроника II, болгарский царь Михаил принял эту эмблему; таким образом он хотел подчеркнуть свои тесные отношения с импера-

---

[8] Svoronos J.N. Πῶς ἐγεννήθη καὶ τί σημαίνει ὁ δικίφαλος ἀετὸς τοῦ Βυζαντίου. Athènes, 1914. P. 67.

[9] Heisenberg A. Der Zweiköpfige Adler der byzantinischen Kaiser // Heisenberg A. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit. München, 1920. S. 13–29.

торским домом, если не более того»[10]. Отсутствие источников не позволяет нам узнать, что побуждало императора Андроника II пользоваться орлом с двумя головами вместо одноглавого.

Мне представляется знаменательным то, что латинские императоры Константинополя действительно носили инсигнией двуглавого орла[11]. Андроник II вовсе не опирался на никейскую или более древнюю византийскую традицию, но возможно на традицию латинскую, которая была еще жива в Византии после 1204–1261 гг. Императоры, уроженцы Фландрии, символизировали двуглавым орлом свою империю на Востоке и на Западе; подобные идеи могли повлиять и на Андроника II. Поскольку именно в его время Византия начала терять Малую Азию, Восток своей Империи. В 1288 г. Осман одержал победу, положив начало триумфальному походу турок против Византии (Pachym. II, 388). Для распада этой угасающей Империи характерно, что василевсу нечего было этому противопоставить, кроме одних притязаний и магии символа.

Но когда именно двуглавый орел Палеологов превратился из эмблемы их императорского достоинства в *герб* в западном смысле этого слова – этот вопрос остается все еще неопределенным[12].

И еще одна совершенно психологическая гипотеза оплакиваемого нами византиниста: Андроник II принял в 1288 г. двуглавого орла, чтобы противопоставить его туркам как притязание на власть над Востоком и как магию символа. Орел в это время был не более чем символом, имперской эмблемой, *гербом* он стал намного позже.

---

[10] Н. Мушмов показал, что медные монеты с двуглавым орлом, которые Ламброс и У. Рот (W. Wroth) приписывали Мануилу III Трапезундскому, принадлежали Михаилу Болгарскому (1323–1330) (Известия на Българското археологическо дружество. Т. III. София, 1913. С. 81–87).

[11] Хайзенберг цитирует здесь Кёне (Köhne B. Vom Doppeladler // Berliner Blätter für Münz-, Siegel und Wappenkunde. T. VI. Berlin, 1871. S. 20; Wroth W. Imperial bysantine coins in the British museum. Vol. I–II. London. 1908. V. I. P. I; V. II. P. 544; Svoronos. Op. cit. P. 40 seq.

[12] Heisenberg A. Op. cit. P. 28–29.

Вопрос «Имела ли Византия герб?» в последнее время стал более сложным, т.к. внимание, помимо столь популярного в Европе орла, обратили на другой византийский символ последних веков – крест, сопровождаемый четырьмя [латинскими] В. Этот крест, который был отмечен Дю Канжем как герб Палеологов, был предметом серьезного исследования И .Звороноса (в 1899 г.). Он доказал, что тот находился на монетах первых Палеологов и имел значение религиозного символа, инвокации к божественному кресту[13]. Наконец в 1926 г. г-н Типальдос обращался к тому же самому вопросу и полагал, что этот крест может быть рассматриваем как эмблема Палеологов, но не как их герб[14].

Такие противоположные мнения побудили нас пересмотреть весь этот вопрос, так как, занимаясь славянским геральдическим искусством как вспомогательной дисциплиной для истории славянского права, мы убедились, что славянские данные могут восполнить многие лакуны в византийских данных и заставить отодвинуть появление двуглавого орла к началу XIII и даже к XII в. В последние годы в югославской литературе по этому поводу появилось несколько интересных исследований[15]. В особенности мы хотим отметить проницательную статью г-на Ст. Станоевича. Блистательный историк думает, что царь Душан начал пользоваться византийским знаменем (несущим крест с 4 буквами) с 1346 г., даты его коронации как василевса. Двуглавые орлы, говорит он, обнаруживаются уже на портрете

---

[13] Σβορονοῦ Ι.Ν. Βυζαντιακὰ νομισματικὰ ζητήματα //Journal international d'archéologie numismatique. Athènes, 1899. T. II. P. 341–401, в особенности гл. 5:
Τὰ πυρεκβόλα καὶ ἡ σημαία τῶν Παλαιολόγων (П.˚362 сеθ.).

[14] Τιπάλδου Ε. Ἔιχον οἱ Βυζαντινοὶ οἰκόσημα? // Ἐπετηρὶς ἑταιρείας Βυζαντινῶν σπουδῶν. T. III. 1926. P. 206–222.

[15] Šišić F. O srpskom grbu // Savremenik, IV. Br. 2. Zagreb, 1909. S. 65–70; Поповић П. О Грбу краљевине Србије // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Кн. IV. Београд, 1924. С. 248–250; Dimitrijević St. Грб српске патријаршије // Богословље IV. Београд, 1929. С. 94–124; Solovjev A1. О постанку српског грба // Spomenica dr. Fcrda Šišića. Загреб, 1929. С. 537–548; Stanojević St. О српском грбу [...] // Гласник Историског Друштва у Новом Саду. Књ. III. Нови Сад, 1930. С. 98–101; Радојчић Н. О штиту на српском грбу // Там же. С. 101–104.

Стефана I (1198–1227), зятя Алексея Комнина. И возможно даже, что Комнины уже пользовались этой эмблемой, которая стала также династической эмблемой семьи Неманичей[16].

Наша статья была уже написана и зачитана на IV Конгрессе Византийских Исследований, когда г-н Джузеппе Джерола подарил нам свое только что появившееся исследование о византийском орле и орле с двумя головами[17]. Это тщательное, полное ярких идей исследование ясно доказывает, что употребление двуглавого орла на Сицилии, во Фландрии и в Савойе относится к первым годам XIII в. и должно восходить к общим византийским корням. И нам приятно видеть, что мы, работая в основном со славянскими данными, пришли к подобным же выводам.

1. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ НА ВОСТОКЕ

В посмертном труде Ник. Кондакова помещено маленькое исследование о символе двуглавого орла[18]. Ученый археолог говорит: «Ранее орла объясняли как образную композицию политического происхождения и значения, но позже заметили, что двуглавый орел обладает своей иконографией религиозного происхождения, источник которой в глубокой древности государств Малой Азии. На известном барельефе из Богазкёй в Каппадокии находят изображение двуглавого орла, который служит основанием двум коронованным женским божествам, которые встречают царя хеттов...»

Логично, что эта эмблема была поставлена в связь с верованиями в неизвестных или фантастических птиц невероятных размеров, общими для различных религий Азии. Из божественных существ, которыми они были, эти птицы в результате обычного религиозного процесса превратились в посланцев божеств или демонов, благосклонных к людям и связывающих землю с небесами.

---

[16] Stanojević St. Op. cit. C. 100 (=Stanojević St. Из наше прошлости I. Београд, 1934. С. 89– 90.

[17] Gerola G. L'aquila byzantina e l'aquila imperiale a due teste // Felix Ravenna. Fasc. I (LXIII). 1934. P. 7.

[18] Кондаков Н.П. Очерки... С. 115 seq.

«Среди большого числа изображений колоссальной птицы, несущей в своих когтях больших животных, ученые обратили внимание на серию цилиндрических печатей из Месопотамии[19], а также на сирийско-хеттские печати, на которых представлены подобные птицы, уносящие свою добычу в присутствии божеств. Возможно, что самый древний цилиндр с этим сюжетом – это орел Лагаша. Действительно, этот могущественный орел с цилиндрических печатей, который несет в когтях двух оленей, двух сов, или двух змей имеет не более одной головы (иногда, правда, головы льва)[20]. Но поскольку орел держит двумя своими лапами двух животных, в то время как его голова смотрит только в одну сторону, было бы естественным ожидать, что, по причине симметрии, и чтобы дополнить образ, пришли к изображению этого орла с двумя головами»[21].

1. Цилиндрическая печать из Халдеи

Эти слова великого археолога в совершенстве объясняют рождение символа орла с двумя головами, который мы впервые обнаруживает в Халдее и на хеттских памятниках Каппадокии.

Представляется, что хеттские орлы (XV в. до Р.Х.?) не более, чем реминисценции гораздо более древних халдейских образцов. Халдейская цилиндрическая печать, датируемая серединой третьего тысячелетия до

---

[19] Ward W.H. The Seal cylynders of West Asia. Washington, 1910. The eagle of Lagash, fig.56–75. О. Дэлтон утверждает что орел Лагаша был двуглавым (Dalton O.M. Byzantine art and archeology. Oxford, 1911. P. 707). Ср. Филов Б. Старобългарското изкуство. София, 1924. С. 11, по Дэлтону.

[20] Heuzey L. // Monuments et Mémoires de la Fondation Piot. T. II, 1895.

[21] Кондаков Н.П. Очерки... С. 116–117; далее он говорит: «Этот орел стал позже эмблемой богини Иштар и умножился с распространением культа богини более или менее повсюду в местах ее культа. Орел сам по себе есть воплощение солнечного божества, он поднимается в небо, чтобы украсть небесный огонь. По правдоподобной гипотезе С. Рейнака орел первоначально представлял титана, который похитил небесный огонь и подарил его людям» (Reinach S. Aëtos Prometheus // Cultes, mythes et religions. T. III. P. 68–91).

Р.Х., представляет бога Нингирсу на троне, украшенном двумя львами, и позади него одного двуглавого орла, поддерживающего картуш с легендой печати. Это – самое древнее изображение нашего орла, и вполне возможно, что вторая голова была ему придана для симметрии, чтобы лучше служить опорой[22], также как и на барельефах Каппадокии. Орлы с двумя головами из Каппадокии, впервые отмеченные Гамильтоном в 1842 г. и Г. Берсом в 1860 г.[23], были мастерски описаны Перро и Шипье.

Они появляются дважды. Один служит опорой двум божествам на большом барельефе из Язылыкая (в Богазкёй, на месте древней Птерии). Второй высечен на внутренней стороне одного из больших сфинксов дворца в Эйюке, примерно в 5 часах к северо-востоку от Богазкёй[24].

2. Хеттский орел из Богазкёй

Описывая дворец в Эйюке, г-н Перро нам говорит: «На внешней стороне правого сфинкса изображена эмблема, которую мы уже встречали в Богазкёй. Это орел с двумя головами, каждая из двух его лап когтит животное, в котором мы считаем возможным признать зайца (восточное искусство любило представлять орла бросающимся на зайца, см. т. II, л. 409). Некий персонаж, от которого различима только нижняя часть – обувь с загнутыми носками и одеждой до земли – возвышается над этим орлом с но-

---

[22] Heuzey L. Découvertes en Chaldée par E. de Sarzec. Vol. I–II. Paris, 1884–1912. Vol. I. P. 301, fig. L; Heuzey L. Les origines orientales de l'art. Recueil de mémoires archéologiques et de monuments figurés. Paris, 1891–1915. P. 41; цитир. Svoronos J.N. Πῶς ἐγεννήθη, P. 43; см. изображение у Svoronos. Op. cit. f. 27.

[23] Hamilton W.J. Research in Asia Minor, Pontus and Armenia. London, 1842 (его путешествие датируется 1835 годом). T. I. P. 282–284. Barth H. Reise von Trapezunt [durch die nördliche Hälfte Klein-Asiens] nach Scutari im Herbst 1858. Perthes, 1860. S. 42.

[24] Perrot G., Chipiez Ch. Histoire de l'art dans l'Antiquité: Egypte, Assyrie, Phénicie, Judée, Asie mineure, Perse, Grèce, Etrurie, Rome T. I–X. Paris, 1882–1914. T. IV. Judée, Sardaigne, Syrie, Cappadoce ... (livre VI. Les Hétéens), Paris, 1887. P. 681–682.

гой, поставленной на его двойную голову. Гамильтон, отметив этот символ, не заметил того, что орел, как и в Богазкёй, поддерживал персонажа, и попытался видеть в этом орле позднее добавление.

Тот несомненный факт, что орел с двумя головами встречается на двух памятниках северной Каппадокии, приводит нас к совершенно противоположному заключению. В мусульманских традициях, основание которых должно быть очень древним, имеется одно сказочное животное, Хамка, который вполне соответствует двуглавому орлу Птерии.

С другой стороны, на монетах туркоманских государей, которые в XIII в. нашей эры правили на среднем Евфрате и в Сирии, имеется как символ всемогущества этот Хамка, этот двуглавый орел. По свидетельству одного путешественника, эти эмиры на стенах своих крепостей высекали, как свой герб, ту же самую эмблему[25]. Однако только более чем век спустя, лишь к 1345 г., эта эмблема была принята императорами Запада, которые ее передали Австрии и России. Это было, как полагают, во время последнего крестового похода, когда немцам или может быть фламандцам, после захвата какого-нибудь туркоманского флага, пришла идея добавить вторую голову тому орлу, которого Германия унаследовала от старой римской империи. Так был перенесен в нашу современную Европу символ, первоначально принадлежавший с самой глубокой древности одному азиатскому культу. По чистой случайности произошло так,

---

[25] Эти сопоставления нам предоставлены статьей, которую в 1845 г. в старом Revue archéologique Г. Лонперье посвятил открытиям Ш. Тесье и У. Гамильтона в Птерии (Longpérier A. de. Oeuvres [Oeuvres de Adrien de Longpérier, réunies et mises en ordre par G. Schlumberger, II, Antiquités grecques, romaines et gauloises], Paris 1883. T. I. P. 91–102). В этом очерке имеется копия одной монеты Малика аль-Салах Мухаммеда, чеканенная в 1217 г. Адальбер де Бомон в таблице CLIX своего Recueil de dessins pour l'art et l'undustrie приводит две печати, представляющие орла с двумя головами, с пометкой: *Сасанид*. К несчастью, этот автор не указывает своих источников и нам невозможно проверить, принадлежат ли они действительно сасанидскому времени. Мы об этом сожалеем, так как для истории этого символа было бы интересно найти промежуточную точку между отдаленной эпохой, когда были высечены барельефы Эйюка и XIII веком нашей эры (Perrot G., Chipiez Ch. Op. cit. P. 682–683).

что в Белграде и в Лепанте вход на Запад тюркской расе преграждался тем же орлом, который триумфально вел ее на берегах Евфрата и Босфора.

Немного далее (с.700), описывая «общий характер памятников Птерии», автор говорит: «Из этих характерных деталей самой любопытной является орел с двойной головой, который служит опорой одному персонажу, возможно божеству, в главном барельефе Язылыкая (Pl. VIII, E), как и на внутренней стороне одного из сфинксов в Эйюке (Fig. 343). Этот искусственный тип не известен ни в Ассирии, ни в Египте, ни в Финикии; с полным правом его изобретение можно приписать каппадокийцам. Он изображен на виду и здесь, в большом святилище по соседству со столицей, и помещен на главных воротах дворца таким образом, что можно попытаться увидеть в нем род герба, герба птерийского народа. Даже более того, спрашивается, не заключало ли имя, которое греки дали этому району, намека на эту эмблему, не было ли оно простым переводом названия, которое он носил на языке местных жителей. *Pteria*, *pteron*, крыло, это была «страна крыльев, распростертых крыльев орла с двумя головами» (Barth H. Reise… S. 45)».

3. Барельеф из Амиды 1208 г.

Кроме этих хеттских орлов мы можем отметить орла с двумя головами на жезле одного воина с Кипра[26], а также на золотых пластинках, происходящих из раскопок в Микенах[27]. Но это лишь спорадические появления, относящиеся к древнему периоду греко-восточного искусства. Классическое искусство эллинов не знало вовсе этого восточного символа, хотя оно усвоило некоторых других восточных чудовищ, напр, сфинкса и грифона. Эллины знали лишь орла Зевса, у которого всегда была одна голова.

[26] Cesnola L.P. di. Cyprus. London, 1877. P. 154.

[27] Schliemann H. Mykenä. Leipzig, 1878. S. 364; цит. по: Keller O. Thiere des classischen Alterthums. Innsbruck, 1887. S. 276.

Римляне этой эмблеме отвели большое место в своем искусстве и своей военной организации[28]. *Aquilae* [орлы] римских легионов прошли с триумфом весь известный мир; но это всегда нормальные орлы. Писатели Возрождения утверждали, что знают орла как герб Помпея и Цезаря, но это не более чем геральдическая фикция этих веков, которые простодушно описывали гербы Адама, Ноя и Соломона[29]. Напротив, теперь мы можем утверждать, что Рим не знал никакого герба, что римский орел был лишь военной инсигнией, и что Константин Великий не имел никакой мысли о двуглавом орле, также как и все его преемники вплоть до Комнинов.

4. Барельеф из Конии

Появление двуглавых орлов в Византии определенно обязано своим происхождением восточным влияниям, а отнюдь не римским или эллинским традициям.

Трудно сказать точно, когда двуглавый орел, застывший на камнях хеттских руин, снова возродился в Малой Азии после почти двухтысячелетнего сна. Мы не имеем определенных указаний, чтобы утверждать, что он был известен Сасанидам[30]. Но мы его находим в мусульманском искусстве

---

[28] Sittl K. Adler und Weltkugel // Jahrbuch für classische Philologie. Suppl. Band. XIV; Grosse R. Römische Militärgeschichte. Berlin, 1920. S. 229–234. Вполне возможно, что употребление орла с одной головой было заимствовано римлянами у персов, как это предполагал уже Дю Канж (Du Cange Ch. De imperatorum Constantinopolitanorum... numismatibus dissertatio (=Glossarium mediae latinitatis. T. X. P. 25).

[29] Р. Гроссе упоминает двуглавых орлов на триумфальной колонне Марка Аврелия в Риме (Adler //Pauly-Wissowa. Realencyclopedie. T. I. S. 371–375). Но это не более чем недоразумение. Фотографическое издание этой колонны Е. Петерсеном, фон Домашевским и Дж. Кальдерини (Petersen E., v. Domaszewsky, Calderini G. Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom. München, 1896) показывает на листе 120 лишь несколько щитов с фигурами, которые можно было бы принять за стилизованных двуглавых орлов, но которые являются лишь лилиеобразными орнаментами, что видно также на других щитах маркоманов.

[30] Смотри выше ограничительные оговорки г-на Перро по поводу сасанидских печатей, опубликованных Beamont Ad. de. Recueil de

начиная с X или XI вв., главным образом на восточных тканях, проанализированных О. Фальке[31].

Мы можем отметить, что эта фантастическая эмблема особенно связана с фамилией Артукидов, султанов Амиды (совр. Диярбакыр). Укрепленный город Амида на верхнем Тигре был в XII в. очень важным пунктом; он был взят в 1183 г. Нур-ад-дином Мухаммадом, Артукидом из Хисн-Кайфы, с помощью прославленного Саладина[32]. Мы не знаем, пользовался ли уже Нур-ад-дин этим гербом; но его сын Насир-ад-дин Мухаммад (1200–1221) систематически употреблял его на монетах, чеканенных в Амиде в 1212, 1216 и в 1219 гг. и в Кайфе в 1217 г.[33] В 1208 г. этот султан велел сделать на стенах Амиды надпись, увенчанную таким орлом[34]. В то же время султаны Зенгиды в Синджаре (в Ираке) чеканили свои монеты с двуглавым орлом в 1187, 1189 и 1209 гг.[35]

5. Монета Амиды 1280 г.

Сам Саладин, завоевав Каир, как преемник Зенгида Нур-ад-дина велел около 1193 г. соорудить новую цитадель и поместил там двуглавого орла[36]. Подобный орел видится на крепости города Конии, выстроенной султаном Кейкобадом I, также как и в Эрзуруме.

На монетах Айюбидов, преемников Артукидов в Амиде, после 1232 г. также помещен этот орел. Иногда такой орел обнаружива-

---

dessins pour l'art et l'industrie. Pl. CLIX; Perrot G., Chipiez Ch. Op. cit. P. 683, note 1.

[31] Falke O. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Bd. 1–2. Berlin, 1913. Bd. 2.

[32] См. Karabaček J. Zur orientalischen Altertumskunde I. Sarazeniche Wappen. Sitzungsberichte der philos.-hist. Klasse der K. Akad. der Wiss. Wien, 1908. T. 157. S. 12–18.

[33] Karabaček J. Op. cit. S. 14; Lane Poole St. Catalogue of the Oriental Coins in the British Museum. Vol. III. NN 346–354; Svoronos J. Op. cit. f. 14 Γ, Δ, Ε.

[34] Berchem M. van., Strzygovsky J. Amida. Heidelberg, 1910.

[35] Lane Poole St. Op. cit. №№ 615–619, 633–634; Svoronos J. Op. cit. f. 14 Λ, Β.

[36] Lane Poole St. Saladin. London, 1898. P. 110.

ется поверх других геральдических эмблем. Надо отметить, что среди мусульманских султанов XIII в. каждый имел свой герб, также как и монгольские властители. Так, султаны Мосула пользовались полумесяцем, потомство Артукидов имело в качестве эмблемы сову[37]. Белое знамя знаменитого Чингисхана несло (около 1206 г.) серого сокола, держащего в когтях ворона[38]. Один из его преемников, Хубилай, усвоил зайца как символ быстроты[39].

6. Византийская парча ок. 1000 г.

Когда мусульманские султанаты Месопотамии подпали под власть монголов, они должны были помещать эти монгольские изображения на своих монетах. Так, полумесяц Мосула был побежден в 1263 г. зайцем Хубилая; существует одна медная монета Амиды 1280 г., на которой двуглавый орел этого султаната надчеканен зайцем того же монгольского хана (ум. в 1295 г.)[40].

Вот так из-за простой игры истории заяц спустя два тысячелетия взял реванш над двуглавым орлом, смиренной добычей которого он был на хеттских монументах Птерии!

В связи с рождением сарацинского геральдического искусства, орел с двумя головами стал излюбленным орнаментом восточных тканей того времени. После анализа Отто Фальке одна шелковая материя из берлинского музея с этой эмблемой кажется вышитой для султана Амиды, другая для султана Кейкобада из Конии (1219–1237 гг.), настолько рисунки орлов походят на

[37] Karabaček J. Op. cit. S. 16–17.
[38] Erenžen Hara-Davan. Чингис-ханъ какъ полководецъ. Белградъ, 1929. С. 13.
[39] Karabaček J. Op. cit. S. 16.
[40] Karabaček J. Op. cit. S. 17.

упомянутые скульптуры этих султанов[41].

Прекрасная парча из Зигбурга возможно происходит из областей Ирака (из Синджара?) и может быть датирована XIII в.[42]

7. Парча XIII в. из Зигбурга.

Но в своей магистерской диссертации г-н Фальке показал, что орел с двумя головами может также происходить из других стран, и эпох более отдаленных. Так, самой древней из материй, несуших императорских орлов он считает ту, в которую запеленаты мощи св. Бернарда Кальво (ум. 1233 г.), и остатки которой находятся в Вике, в Берлине и в Париже. Эта пурпурная парча представляет нам больших двуглавых орлов, несущих пару львов в своих когтях, монументального рисунка, размером 0,5 м каждый.

На основе стилистических деталей Фальке полагает, что эта парча была соткана в Византии около 1000 г.; но сам рисунок был заимствован с Востока[43]. Это видно по животным в когтях, и по одной характерной детали: две головы орла растут на единственной шее.

Парча из музея в Лионе возможно андалузского происхождения и могла бы быть датирована XII в. На

---

[41] Это доказано идентичностью форм этих орлов с барельефами Амида и Конин (Falke O. Op. cit. I. S. 105, fig. 153, 158).

[42] Falke O. Op. cit. S. 106, fig. 163; сходство с орлом на монетах Синджара 1209 г. уже было отмечено Hohenlohe-Waldenburg F.K. Zur Geschichte des heraldischen Doppeladlers. Stuttgard, 1871. S. 17; ср. Karabacek J. Op. cit. S. 12.

[43] «Die ganze Kraft und Grosse, die Byzanz durch ernste Farbenstimmung und strenge, ja starre Stielisierung seinen Seidenmustern verleichen konnte, entfaltet sich am schönsten in den kaiserlichen *Adlerstoffen*» [Вся сила и величие, которыми обладала Византия, строго регламентированные в цветовой гамме и стилизации ее расписных шелков, лучше всего проявились в императорских *материях с орлами*]. Для парчи сомнительно «kann überhaupt nur die Zeit um 1000 in Frage kommen» [если вообще может идти речь о времени ок. 1000 года] (Falke O. Op. cit. T. II. 1913. S. 17–18).

ней представлены два черных орла на красном фоне, несущие в когтях зверей-добычу[44].

Другая золотая парча из Зигбурга может происходить из Кордовы; орлы, несущие газелей в своих когтях, имеют также две головы, посаженных на одну шею. Можно утверждать, что мусульманское искусство XI–XII вв. вдохновлялось старыми символами Птерии[45]. Эта парча из Кордовы определенно должна относиться к концу XII в., поскольку, как Фальке это показал, ее рисунок верно скопирован с фресок собора в Клермоне, которые датируются приблизительно 1200 г.[46]

8.Парча XIII в. из Палермо

Другим центром изготовления восточных тканей того времени был Палермо, восточные рисунки которого были повторены в XIII в. в Лукке в Италии. Двуглавые орлы были хорошо известны в Палермо этого времени. Инвентарь дворцовой капеллы Палермо 1309 г. перечисляет несколько тканей «ad aquilas cum duobus capitibus» [в орлах с двумя головами], «in qua sunt magnae aquilae ad duo capita» [на которой есть большие орлы о двух головах], также как ткани «ad pavones, ad griphones et leones» [с павлинами, грифонами и львами], «cum rotis magnis griphones et elephantos» [с большими кругами с грифонами и слонами][47]. Видимо, Палермо производил или собирал восточные ткани со всеми видами животных, среди которых орлы с двумя головами занимали определенное место. Описание этих тканей совпадает с описаниями Порфирогенета и Кодина: все они восходили к восточным образцам.

Ткань, хранящаяся в Палермо и упомянутая в инвентаре 1309 г. как «de seta viridi et violacea» [жесткая зеленая и фиолетовая] изображает орлов с двумя хорошо

[44] Falke O. Op. cit. T. II. S. 116, fig. 184.
[45] Falke O. Op. cit. T. I, fig. 200.
[46] Falke O. Op. cit. T. I, №№ 200, 201.
[47] Falke O. Ibid. S. 123.

разделенными головами, даже с арабскими надписями на крыльях и несущих в когтях маленьких львов[48].

Наконец одна арабская материя, хранящаяся в Музее в Каире, была описана Жаном Масперо в письме Сп. Ламбросу. На желтоватого цвета ткани помещен двуглавый орел, цвета κύανος (темносинего), с арабской надписью: «Слава нашему господину султану, будь благословенна его победа». Эта ткань вероятно относится к XIII в.[49]

2. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ В ВИЗАНТИИ

Что нам известно о двуглавом орле в Византии? По правде говоря, довольно мало. Мы располагаем многочисленными барельефами и другими скульптурами, которые достаточно трудно точно датировать. Почти совсем нет портретов суверенов и сеньоров Византии; полностью отсутствуют фрески, в то время как в Сербии они являются столь ценным материалом. Очень мало орлов предоставляют византийские нумизматика и сигиллография. Наконец, литературные источники иногда упоминают орлов в описании убранства императорского двора, но без уточнения, имеют эти орлы одну голову или две. Эти данные очень неточны и неполны.

а) Одноглавый орел

Надо подчеркнуть, что Византия унаследовала от Рима употребление орлов с одной головой как одной из эмблем императорской власти. Видимо, употребление орла как военной инсигнии утратилось в первые века Поздней Империи. Константин использовал labarum, Юлиан Отступник signum draconis[50].

---

[48] Falke O. Ibid. № 202; ср. Constantin. De cerimoniis. II. P. 577: οἱ τοὺς πρασινοροδίνους ἀετοὺς φοροῦντες ἔνθεν κἀκεῖθεν, οἱ τοὺς βόφους καὶ τοὺς πολυγύρους ἀετούς.

[49] Эта ткань находится в Арабском Музее (XIV в. № 7) «Я полагаю, что эта ткань относится к XIII веку, но я не решаюсь утверждать это», говорит г-н Ж. Масперо в своем письме от 20 декабря 1909 г. Сп. Ламбросу (Lambros Sp. Op. cit. P. 437, note 1).

[50] Дракон становится очень модным. «Seine allgemeine Einführung im IV. Jhdt ist cm von den vielen Symptomen fortschreitender

Известные в Византии многочисленные [типы] знамен – vexilla, banda, campiductoria, laboura, signum, flammula – имели различные изображения, часто образы святых[51]. Но следует отметить тот факт, что орел никогда не был обозначен на византийском флаге[52].

Можно сказать, что употребление римского орла в целом ослабло в Византии. Нумизматика иногда еще представляет нам римского орла на монетах Зинона, Тиверия и Маврикия, но на византийских монетах после Ираклия (610–641) мы его никогда более не находим[53].

Сигиллография предоставляет нам орла на булле одного βασιλικὸς πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Ἑλλάδος (IX или X века) которого Константопулос отмечает как орла двуглавого[54]. Но после более добросовестной чистки надо признать, что это орел имеет только одну голову[55].

Барельефы долее сохраняют традицию одноглавого орла. Напр., его можно найти на могиле протоспафария Григория 1071 г. в Кютахья[56]. В 1608 г. немецкий путешественник в монастыре Паммакариста неподалеку от Константинополя отметил орлов с одной головой на ныне исчезнувших могильных плитах Алексея Комнина Филантропина и василевса Алексея I

Barbariesierung der römischen Armee» [Его всеобщее введение в IV в. было одним из многих признаков усиливающейся варваризации римской армии] Grosse R. Op. cit. S.231; «purpureum signum draconis, summitate hastae longioris aptatum» [пурпурный знак дракона, прикрепленный к верхушке длинного копья] Ammiani Marc. XVI 12, 39, цит по: Grosse R. Op. cit. S. 232.

[51] Codin. De Officiis Ecclesiae et aulae byzantinae. P. 83.

[52] «Das daneben (dem βάνδον im VI.Jhdt) noch die Adler und Drachen existiert haben sollten, halte ich für ganz ausgeschlossen» [То, что наряду с этим должны были существовать еще и орлы, и драконы, я считаю, совершенно исключено]. Grosse R. Op. cit. (Die Fahnen im VI.Jhdt). S. 312.

[53] Sabatier J. Description générale des monnaies byzantines. Paris, 1862. T. I. Pl. VIII, f. 3–5, pl. XXIII, f. 1; XXIV, f. 9, XXVIII, f. 3; ср. Lambros Sp. Op. cit. P. 441.

[54] Constantopoulos C.M. Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλλα // Journal international d'archéologie numismatique V. 1902. P. 163; Bées N.A. Zur Thema des Darstellung. S. 321.

[55] Svoronos J.N. Πῶς ἐγεννήθη, P. 38; Heisenberg A. Op. cit. P. 14–15.

[56] Texier Ch. Tombeaux du moyen âge à Kutayah // Revue archéologique. Paris, 1844. T. I. P. 320; Lambros Sp. Op. cit. P. 445.

Комнина (†1118 г.)[57]. Некоторые барельефы в византийских церквях, изображающие орлов с одной головой[58], часто имеют восточный отпечаток. Например, когда они несут зайца в своих когтях[59], как на цилиндрических печатях Лагаша.

Наконец, портретные миниатюры последних василевсов, исследованные Сп. Ламбросом и Хайзенбергом, наиболее долго сохраняют традицию одноглавых орлов на suppedia – подушках под ногами императоров. Не только портрет Феодора Ласкаря, но также и портреты Михаила VIII и Андроника II Палеолога имеют на подушках орлов с одной головой[60].

Это последние следы нормального орла, римского орла в константинопольской империи.

б) Двуглавый орел

Довольно трудно точно определить время первого появления двуглавого орла в Византии. Определенно, что это появление не могло иметь точной даты, что оно не является следствием какого-либо акта суверена, который вводил новую эмблему – напротив, это появление совершилось незаметно. Под влиянием восточной моды, столь сильной в Византии, двуглавый орел вначале поя-

---

[57] Schweigger S. Ein newe Reyssbechreibung aus Deutschland nach Constantinopel und Jerusalem. Nürnberg, 1608. S. 121; Lambros Sp. Op. cit. P. 453.

[58] В Лавре на Афоне (Schlumberger G. Basile II, le tueur des Bulgares // Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. Vol. I–III. Paris, 1905–1925. Vol. II. P. 189), в Хиландарском монастыре (Schlumberger G. Les porphyrogénètes, Zoë et Théodora // Ibid. Vol. III. P. 460), в Сан Паоло Фуори ле Мури (Schlumberger G. Ibid. P. 489, 689). Цит по: Lambros Sp. Op. cit. P. 445.

[59] Прекрасный барельеф в музее г. Халкис, см. фотографию в Lambros Sp. Op. cit. P. 460.

[60] Heisenberg A. Op. cit. S. 20. Даже портрет Мануила Палеолога (1391–1423) в Cod. Paris suppl. gr. 309 нам представляет орлов с одной головой. «Noch im Anfange des 15. Jhd. war es noch nicht unmöglich, die kaiserliche Würde durch das Abzeichen des einköpfigen Adlers zu charaktersieren, erst um die Mitte des Jhd, und nach dem Fall von Konstantinopel ist das niocht mehr der Fall» [В начале XV в. было еще невозможно обозначать императорское достоинство знаком одноглавого орла, и только в середине века, после падения Константинополя, эта невозможность исчезла]. Heisenberg A. Op. cit. S. 27.

вился как орнамент – на парче и барельефах. Как одни, так и другие сохранились лишь фрагментарно и никогда не имеют даты – самые ранние данные очень приблизительны.

Некоторые из барельефов монастырей Афона, отмеченные еще бароном Кёне, могли восходить к X веку. Это двуглавые орлы из Ватопедского, Иверского и Эсфигменского монастырей[61]. Но, все три эти орла, будучи увенчаны коронами, возможно, относятся к последующим векам, как и орел из Хиландарского монастыря, который уверенно датируется концом XIV в., временем князя Лазаря[62].

Для историков искусства является проблемой высказать суждение о возрасте барельефов. Историки искусства часто не согласны, к сожалению, в своих мнениях. Но интересный орел восточного характера (две головы на единственной шее), происходящий из церкви в Стара-Загора, кажется определенно самым старым среди этих барельефов. Г-н Богдан Филов относит его к VII или VIII в.[63]

Но Кондаков после детального анализа уверяет, что это была провинциальная работа XI в.[64] В любом случае, этот барельеф древнее, чем другие.

Что надо подчеркнуть для этого орла из Загора, так это то, что он нисколько не индивидуальная эмблема, которую можно было бы рассматривать как личный герб. Он не более чем орнаментальный мотив среди прочих. Церковь в Загора нам представляет на всех четырех барельефах – льва, грифона, двух павлинов и это-

---

[61] Köhne B. // Berliner Blätter für Münz-, Sicgel und Wappenkunde. T. II. Berlin, [1871?]. Pl. LXVII, f. 2 (орел из Эсфигменского монастыря, которого Кёне хотел связать с Пульхерией, сестрой Феодосия Младшего), f. 3 (орел из Ватопедского монастыря – X век?), f. 5 (из Иверского – XI век). Сп. Ламброс (Op.cit. P.445) доказывает, что только Пульхерия, сестра Романа Аргира (1028–1034), могла бы делать вклады в Эсфигменский монастырь, но он отказывается от высказываний по поводу этого орла.

[62] Б. Кёне датирует его XIII веком (Köhne B. Op. cit. Pl. LXVII, f. 4). Но сербский историк Н. Дучич приводит точные данные о том, что весь притвор, где он находится, был построен князем Лазарем около 1380 г.

[63] Филов Б. Старобългарското изкуство. София, 1924. С. 11.

[64] Кондаков Н.П. Очерки... С. 115.

го двуглавого орла[65]. Это весь восточный тератологический набор, пришедший из Каппадокии и Армении, который мы обнаруживаем также в алтаре св. Софии Охридской (только вполне восточный орел имеет лишь одну голову – XI в.)[66] и на портале св. Николая Охридского (XIII в. – грифоны, львы, павлины, одноглавый орел)[67]. В этом сочетании орлы могут быть представлены с одной или с двумя головами, согласно фантазии скульптора.

Фрагмент барельефа из церкви в Дафни представляет более своеобразного двуглавого орла. Церковь в Дафни датируется XI веком. Но г-н Ж. Милле, который опубликовал среди прочих этот фрагмент, вслед за тем полностью молчит, и Сп. Ламброс склоняется к тому, чтобы отнести его к XV в.[68]

Отмеченные г-ном Адамантиу барельефы с двуглавыми орлами в церквях островов Андрос, Парос и Тинос, г-ном Нико Беес были отнесены ко временам Комнинов[69]. Но г-н П. Марк и сам г-н Адамантиу полагают, что эти орлы являются копиями русского имперского орла, притом конца XVIII в.[70]

Наконец, патриарх Константий отмечал в 1824 г. двуглавого орла на могиле Анны Комниной в монастыре Паммакариста[71]. Но Сп. Ламброс справедливо показал, что этого надгробия не существовало, и что, напротив, один путешественник в 1608 г., который действительно

---

[65] Филов Б. Указ. соч. С. 11 и табл. II; Водачъ за Народния Музей въ София. София, 1923. С. 108, 194, рис. 42–45.

[66] Кондаков Н. Македонія. СПб, 1908. С. 231; Филов Б. Указ. соч. Рис. 16, 19.

[67] Кондаков Н. Там же. С. 238.

[68] Millet G. Le monastère de Daphni. Paris, 1890. P. 69; Ламброс полагает, что этот орел не может датироваться временем ранее XIII в., когда Дафни был латинским монастырем, он должен датироваться началом турецкого владычества, когда монастырь снова стал православным (Lambros Sp. Op. cit. P. 473).

[69] Bées N.A. Op. cit. S. 321.

[70] П. Марк, критик упомянутой статьи Н. Беес в Byzantinische Zeitschrift. Bd. XXII. 1913. S. 289; ἀλλὰ φαίνονται μᾶλλον ρωσικῆς ἐπιδράσεως, говорит Адамантиу, см. Lambros Sp. Op. cit. P. 469.

[71] Κωνστάντινου Πατρ. Κωνσταντινίας παλαία τὲ καὶ νεωτέρα. Venise, 1824. P. 77; ср. Lambros Sp. // Νεὸς Ἑλληνομνήμων. I. P. 285.

видел могилы Комнинов в этом монастыре, нашел там орлов только с одной головой[72].

Таковы данные барельефов, которые своим отсутствием точности вполне могут нас обескуражить. Во всяком случае барельеф из Загора позволяет нам утверждать, что восточный орел с двумя головами в XI в. становится известен в Византии. Что мы знаем о тканях? Лишь одна ткань византийского происхождения с изображением орлов сохранилась для нас. Когда Константин Порфирогенет говорит нам об орлах на одеяниях императорского двора, он лишь обостряет наше любопытство. Он нам говорит, что император носил шоссы (tibialia) с орлами двух цветов – ἀπὸ διβλαττίων ἀετῶν καὶ βασιλικίων[73]. Далее он описывает, что по случаю прибытия сарацинских послов все придворные явились в одеяниях σκαραμάγγια [скарамангиях] с изображениями зеленых и розовых орлов, быков, орлов в кругах, белых львов и т.д.[74] Также он описывает сами цвета одеяний, но забывает по поводу всех этих одеяний τοὺς πρασινοροδίνους ἀετοὺς φοροῦντες, τοὺς πολυγύρος ἀετοὺς φοροῦντες, сказать, с двумя ли головами были орлы. Однако мы можем присоединиться к мнению Сп. Ламвроса, что эти орлы имели пока только одну голову, и что противное этому должно было быть точно отмечено Порфирогенетом. Но это мнение не вполне убедительно, ибо мы видим, что в последующие века авторы отмечали просто ἀετοὶ χρυσοὶ [золотых орлов], которые между тем двуглавы.

Если оставить в стороне этот пассаж, то какие еще данные есть у нас, чтобы утверждать, что двуглавые

---

[72] Это Швайгер, цит по: Lambros Sp. Νεὸς Ἑλληνομνήμων. VI, P. 453). Когда один итальянский путешественник XVIII века говорил, что он видел в Амиде и Кармиле «in molti luoghi l'arma imperiale scolpita con un'aquila di due teste e due corone» [высеченный во многих местах императорский герб с орлом с двумя головами и двумя коронами], он определенно ошибался, принимая мусульманских орлов за византийские инсигнии. Цит. по Longpérier A. Notice des monuments exposés dans la galerie d'antiquités [...] // Revue archéologique. 1845. P. 18; ср. Lambros Sp. Op. cit. P. 461.

[73] Constantin. De Cerim. I, 470; этот пассаж и комментарии И. Райске проанализированы Lambros Sp. Op. cit. P. 435–437.

[74] Constantin. De Cerim. II, 577; этот пассаж ускользнул от Ламброса; ср. Кондаков Н.П. Очерки... С. 252.

орлы стали императорской эмблемой Комнинов (или еще раньше?).

Покойный Кондаков думал, что «герб Византии был принесен в 1048 г. из Пафлагонии Комнинами»[75]. Великий историк искусства здесь соединяет точки зрения Хризовергоса и Баласчева, но без большого успеха. 1048 год – это дата, когда Комнины еще не были императорами, и когда Византия еще не имела герба, также, как и большинство западных государств до крестовых походов.

Мы должны утверждать, что, напротив, при Комнинах двуглавый орел еще не мог быть гербом Византии.

Именно в это время, в XII в., мы начинаем его видеть на городских стенах и на монетах Артукидов, Зенгидов и Саладина. Мы можем сказать, что орел этих султанов может быть рассматриваем как их эмблема, даже как их наследственный герб. Мы должны предположить, что, находясь на городских стенах и на монетах султанов, эта эмблема могла находиться также на их знамени[76]. Византия XII в. не могла иметь тот же герб, что ее мусульманские противники. Она имела на монетах и на знаменах христианские эмблемы (крест, образы святых и т.д.), описанные Кодином, которые еще никоим образом не были гербами[77].

Мы можем только допустить, что двуглавый орел был известен Комнинам как *один из орнаментов* церквей и богатых придворных одеяний. В этом последнем качестве можно рассматривать его как одну из инсигний императорского достоинства.

История двуглавого орла при императорах Никеи нам полностью неизвестна. Данные, которые связывают

---

[75] Кондаков Н.П. Очерки... С. 118–119.

[76] Карабачек цитирует Жуанвиля, который говорит о Тар-эд-дине, произведенном в рыцари Фридрихом II: «Sa banière estoit bandé; en l'une des bandes estoient les armes de l'empereur, en l'autre estoient les armes du soudan de Halap; en l'autre bande estoient les armes de soudan de Babilone» [Его знамя состояло из горизонтальных полотнищ; на одном были гербы императора, на другом были гербы султана Алеппо, на третьем полотнище были гербы султана Вавилона] (Karabaček J. Op. cit. P. 19).

[77] Codin. De Officiis Ecclesiae et aulae byzantinae. éd. Bonn. P. 83.

эту эмблему с Феодором Ласкарем, не более, чем интересные фальшивки.

Первая – это золотая монета этого императора с его изображением, опубликованная Окт. де Страда в 1615 г.[78] Сп.Ламброс показал, что эта, ранее неизвестная, монета никогда не существовала, и что она была изготовлена по портрету Феодора II, изданному в 1562 г. Джеромом Вольфом[79]. Этот портрет представлял Феодора стоящим на подушке с двумя двуглавыми орлами. Ламброс основал на этом свою гипотезу, утверждавшую, что этот император Никеи был первым, кто усвоил двуглавого орла как эмблему своей двойной империи и своей двойной борьбы против сельджуков в Азии и против латинян на Босфоре[80].

Но любопытно, что этот портрет также был фальшивым. Хайзенберг обнаружил, что миниатюры Cod. Monac. 442 (с которого Дж. Вольф скопировал свой портрет) представляют только подушки с одноглавыми орлами, и что вторая голова была добавлена в манускрипте позднейшим исправлением[81]. Такова гипотеза Ламброса, низверженная в пользу новейшей гипотезы, которая относит появление двуглавого орла к 1293 г., к Андронику II Палеологу. Можно утверждать, что портрет Андроника II на хрисовуле из Монемвасии есть действительно первый предмет, на котором двуглавый орел находится в прямой связи с личностью императора[82].

Данные Кодина, которые хорошо могут отразить обычаи середины XIV в., показывают, что орлы были

---

[78] Strada, Octavius de. De vitis imperatorum et caesarum Romanorum, tam occidentalium quam orientalium. Francfort, 1615. P. 350, 352.

[79] В editio princeps Никифора Григоры (Nicéphore Grégoras. Bâlc, 1562; Lambros Sp. Op. cit. P. 447–450).

[80] Lambros Sp. Op. cit. P. 464.

[81] Heisenberg A. Op. cit. S. 20–23 «das Ergebnis einer späteren Korrektur» [результат более поздних исправлений].

[82] В Codex Marcianus 404 видно, что орел на подушке Андроника II был двуглавым, см. Heisenberg A. Op. cit. Pl. IV. Греческий манускрипт XIV в. из Парижа (ms grec № 1242) представляет Иоанна Кантакузина возглавляющим совет на suppedion [подножии] с двуглавыми орлами. Diehl Ch. L'art byzantin. [Неясно, какой труд Ш. Диля А.В. Соловьев имеет в виду – Diehl Ch. Manuel d'art byzantin. Vol. I–II. Paris, 1925–1926 или Diehl Ch. Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance. Vol. I–II. Paris, 1930] Fig. 432.

очень распространены на материях императорского двора. Орлы помещались на обуви деспотов, на седлах и шатрах (также как и на таких же вещах императора?); на обуви и седлах севастократоров[83]. Кодин нигде не упоминает, что эти орлы имели две головы. Но, имея в виду то, что восточные ткани с XII в. нам представляют только двуглавых орлов и никогда орлов с одной головой[84], мы вполне можем это предположить.

После того, как проанализировано столько данных по восточным тканям с двуглавыми орлами, мы вполне можем перевести выражение: βλαττία ἔχοντα ἀετοὺς διπλοὺς инвентаря Русского [Пантелеимонова] монастыря на Афоне 1142 г.[85] как парчу, имеющую орлов с двумя головами.

Возможно, что χρυσοϋφεῖς ἀετοὶ, которые Михаил VIII пожаловал для обуви своего брата севастократора в 1259 г., были уже с двумя головами, как на обуви последнего императора Палеолога[86]. Но мы должны отметить, что традиция обычных орлов еще была жива в XIV в. Так, на портретах Михаила VIII и Андроника II из Мюнхенского кодекса (Cod. Monac. 442) мы видим орлов с одной головой, и парижский кодекс (Suppl. gr. 309) также представляет Мануила Палеолога (1393–1423) на подножии с нормальными орлами[87].

Трудно точно датировать всех двуглавых орлов Мистры[88]. Тем не менее, если мы находим их на арочных пятах св. Софии, воздвигнутой в 1350 г., мы вполне можем думать, что они были современны этой дате и что они были уже эмблемой деспота Кантакузина.

---

[83] Codin. De Officiis Ecclesiae et aulae byzantinae. P. 13, 12, 16; p. 14, 8; p. 15, 10; Lambros Sp. Op. cit. P.430–440.

[84] См. выше стр. 127 [с. 122 наст. издания]: то же самое на сербских фресках.

[85] Акты Пантелеймонова монастыря, Кіев, 1872. С. 52; Bées N.A. Op. cit. S. 328; contra Heisenberg A. Op. cit. S. 15.

[86] Acropolites I, 173 (= Cyzicos в Mesaion. Bibl. Sathae VII, 546; Gregoras I, 79); Пахимер, рассказывая о том же самом, говорит о βασιλικοὺς ἀετοὺς (Pach. I, 108); ср. Lambros Sp. Op. cit. P. 438.

[87] Heisenberg A. Op. cit. S. 27.

[88] Существуют пять различных рисунков, большинство должно относиться к XV веку. Millet G. Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910. Pl. 20, 4; pl. 47, 6; pl. 54, 1; pl. 56, 8; pl. 60, 24.

Совсем недавно была опубликована одна вотивная икона, происходящая из Мистры. Она представляет Святую Деву и деспота Иоанна Кантакузина, одеяние которого украшено тремя большими орлами, имеющими каждый по две головы на одной шее (на восточный лад). Г-н Джерола, который опубликовал этот памятник, думает, что этот деспот должен быть сыном свергнутого императора Мануила Кантакузина и он же мог быть деспотом Мореи между 1380 и 1388 гг.[89]

9. Барельеф из Музея в Константинополе

В конце XIV в. мы видим деспота Феодора Палеолога, пользующимся большой, совершенно геральдической печатью: щит, над которым шлем, окруженный ламбрекенами и знаменами. Большой двуглавый орел, гораздо больший, чем сам щит, помещен вверху как нашлемник[90]; две головы орла находятся на одной шее. Вот, наконец, документ 1391 г., в связи с которым можно говорить о византийском гербе, и в котором орел является частью этого герба. Прекрасная миниатюра из Лувра, представляющая императора Мануила Палеолога (1391–1425) с женой и тремя его сыновьями, датируется 1402 г. Примечательно, что сам император и его старший сын Иоанн VIII, который уже был провозглашен императором, в одеждах фиолетового пурпура без орлов. Но два младших сына – деспот Феодор и Андроник – в алых одеяниях, усеянных двуглавыми, шитыми золотом орлами в кругах[91]. Это еще одно доказательство того, что орлы были скорее инсигниями первых сановников двора, чем императорскими гербами.

В этом последнем веке Византия должна была освоиться с искусством герба. И потому деспоты Филипп и Михаил Палеологи, прибыв на Констанцский собор в

---

[89] Gerola G. L'effige del despota Giovanni Cantacuzeno // Byzantion. T. VI, 1931. P. 379–387.

[90] Изображение на щите стерто. Lambros Sp. Op. cit. P. 438 (рис.).

[91] Lambros Sp. Λεύκωμα Βυζαντινῶν ἀυτοκρατόρων. Ath. 1930. Pl. 84.

1412 г., имели двуглавого орла на своих гербах, зарисованных Ульрихом из Рейхенталя[92].

Наконец, описывая путешествие Иоанна VIII на флорентийский собор в 1438 г., Сфрандзи дает нам ценные сведения. Он говорит, что Венеция послала на встречу суверена самого дожа на его прославленном богато украшенном «Бучинторо»[93]. Это судно несло на своей носовой части двух позолоченных львов и меж ними двуглавого орла. Это свидетельство Сфрандзи удостоверено барельефом с портала собора св. Петра в Риме. Иоанн VIII там изображен на галере, украшенной двуглавым орлом[94].

И когда тот же Сфрандзи нам говорит, что при въезде Иоанна VIII в Феррару в 1438 г., его конь был в попоне с золочеными орлами, мы должны перевести эти χρυσοὺς ἀετοὺς ἐπὶ τοῦ χασδίου как двуглавых орлов; также, когда он рассказывает, что труп Константина XI был опознан в 1453 г. по χρυσοὶ ἀετοὶ на его обуви[95].

В общем, двуглавый орел стал очень распространенным в Византии в последний век ее существования. Гаттилузи с Лесбоса, трижды породненные с Палеологами, охотно пользовались этой эмблемой; можно отметить монеты Франческо Гаттилузи и его сына Дориса[96]. Паламед Гаттилузи приказал высечь в 1432 г. двуглавого орла на донжоне в Самофракии; два герба Дориса Палеолога Гаттилузи (один из которых – орел с двумя головами) видны на барельефе из Фокеи, датируемом 1424 г.[97]

Наконец, Мистра сохранила нам несколько прекрасных орлов, которые должны относиться ко времени последних деспотов Фомы и Димитрия. Эти коронованные орлы имеют уже совершенно геральдический облик

---

[92] См. Köhne B. Op. cit. S. 8.

[93] Phrantzae G. Chronikon. Bonn, 1838. P. 184; цит по: Lambros Sp. Op.. cit. P. 443.

[94] Опубликовано в Νεὸς Ἑλληνομνήμων. T. IV. 1907. Pl. VI. P. 1.

[95] Phrantzae G. Op. cit. P. 188, 291; Lambros Sp., Νεὸς Ἑλληνομνήμων. VI, 440–441.

[96] Schlumberger G. Numismatique de l'Orient latin. Paris, 1878. P. 441 seq; pl. XVI, 1–5; XVI, 30–36; XVII, 1–5. Франческо был женат на сестре Иоанна V; его дочь была замужем за Иоанном VIII; его сын Дорис в 1440 г.взял в супруги Екатерину, дочь Константина XI.

[97] Lambros Sp. Op. cit. P. 446.

и должны быть рассматриваемы как гербы последних деспотов[98].

Этот факт нам засвидетельствован печатями этих деспотов, хранящимися в архивах Италии. Малая печать деспота Димитрия представляет прекрасного орла с короной, возложенной над двумя головами[99]. Подобными печатями пользовались деспот Фома и его сын Андрей[100].

Вне нашей задачи говорить о том, какую популярность обрел двуглавый орел после падения Константинополя как символ греческой национальной идеи, ее бессмертия и надежды на возрождение. Его часто находят на буллах патриархов, на паникадилах и барельефах церквей, на частных домах и в гербах ионийской знати. Я могу только адресовать к столь много цитируемому труду Ламброса[101].

в) Трапезунд

Вопрос об императорском орле в Трапезунде дискутируется давно.

Маленькие медные монеты с этим изображением были атрибутированы разным императорам Трапезунда. Например, Ж. Сабатье в 1862 г.[102] описал 4 типа монет Василия Комнина (1333–1340) с одноглавым орлом и в то же время одну медную монету с орлом, имеющим голову, повернутую вправо, которая принадлежит Мануилу III (1390–1417).

Между тем, барон Кёне отметил одну медную монету с двуглавым орлом[103], которую он приписал тому же Мануилу III. Это мнение было разделено Сп. Ламбросом[104] так же, как и Ротом, который, однако, отнес их

---

[98] Особенно орел с тремя коронами на плитке, вделанной в мощение пола посередине большого нефа главного собора Мистры (Millet G. Op. cit. Pl. 47, 6).

[99] Lambros Sp. Νεὸς Ἑλληνομνήμων. T. VI. P. 457 (рис.).

[100] Lambros Sp. Νεὸς Ἑλληνομνήμων. T. I. P. 426.

[101] Νεὸς Ἑλληνομνήμων. T. VI. P. 465–473.

[102] Sabatier J. Description générale des monnaies byzantines. Paris, 1862. T. II. P. 324, 331; pl. LXVIII, № 23; pl. LXIX, №№ 1–3, 23.

[103] Köhne B. Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. T. II. S. 5.

[104] Lambros Sp. Νεὸς Ἑλληνομνήμων. T. VI. 1910. P. 445.

ко времени совместного правления Михаила III и его отца Алексея III, то есть до 1390 г.[105] Можно было даже подумать, что императоры Трапезунда в одно и то же время пользовались орлом как с одной головой, так и с двумя головами.

Но г-н Н. Мушмов показал, что эти монеты с двуглавым орлом принадлежат царю Михаилу Болгарскому (1323–1330), который следовал традиции царя Георгия Тертера. Мы же должны признать, что на монетах Трапезунда орел только с одной головой.

Между тем, итальянские и испанские портоланы нам демонстрируют знамя Трапезунда, на котором в красном поле орел с распростертыми крыльями и с двумя головами. Мы видим это знамя на портоланах П. Висконти 1327 г., Анжелино даль'Орто 1330 г. и других[106].

Францисканец из Севильи, который путешествовал около 1330 г. и описал гербы всех королевств, сообщает: «et emperador de Trapesonda ha por sen(til)ales un pendon bermejo con un aguila de oro con doz cabezas» [«и император Трапезунда имеет знаками алое знамя с золотым орлом с двумя головами»][107]. То есть золотой двуглавый орел в алом поле, который был гербом Трапезунда. Допустимо объяснить этого орла как эмблему императорской фамилии Комнинов, принесенную в Константинополь в 1204 г. и ставшую в XIV в. гербом.

Крупные греческие фамилии, эмигрировав, охотно пользовались этой эмблемой. Например, мы находим у Дю Канжа, что фамилия Комнинов, прибыв в Савойю в 1573 г., носит «pro insignibus aquilam auream bicipitem

---

[105] Wroth W. Catalogue of the coins... of Thessalia, Nicea and Trebizond. London, 1911. Pl. XLI, №№ 3–5.

[106] Gerola G. L'elemento araldico nel portolano di Angelino dall'Orto // Atti del Regio Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. T. XCIII. 1934. P. 427.

[107] Libro del conosciemento de todos los reinos... etc. ed. Telemaco, Madrid s.a. [1877]. P. 119. Карта брата Сезаниса 1421 г. приписывает Трапезунду флаг с красным орлом с одной головой в желтом (золотом) поле. Можно думать, что Сезанис ошибся в цветах; но возможно, что употребление одноглавого орла осталось в Трапезунде наряду с двуглавым орлом, что свидетельствуется упомянутыми монетами Трапезунда; ср. Sathas C. Documents relatifs à l'histoire de Grèce. Paris, 1888. T. II. P. XV.

coronatam in scuto rubeo» [инсигниями золотого коронованного двуглавого орла в красном щите][108].

Описывая императорскую фамилию Ласкарей, Дю Канж изображает их гербом «золотого с распростертыми крыльями орла в червленом поле»[109].

3. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ В СЕРБИИ И БОЛГАРИИ

XIII век не дает нам никакого точного указания на двуглавого орла в Византии (ни в Никее, ни при Михаиле Палеологе) вплоть до 1293 г. Тем не менее мы можем утверждать, что он там должен был быть известен как элемент имперского убранства.

Именно XIII в. с первых же своих лет демонстрирует усиленное распространение двуглавого орла в славянских землях. Мы не можем объяснить этот факт иначе, чем посредством Византии Комнинов и Ласкарей, поскольку было бы весьма трудно предполагать непосредственное влияние на славян мусульман Малой Азии.

В Сербии двуглавый орел встречается на нескольких фресках XIII в. как орнамент одеяния государя, обычно белый на пурпурном фоне, заключенный в белый круг[110]. Это именно те ἀετοὶ πολυγύροι, те самые ткани ad aquilas cum rotis magnis [в орлах с большими кругами], которые были отмечены в Византии и в Палермо.

10. Деталь портрета Стефана I в Милешево.

Так, поврежденная фреска в монастыре в Милешево представляет коллективный портрет трех королей: Стефана Первовенчанного (1198–1227) и его сыновей Радослава (1227–1234) и Владислава (1234–1243). Стефан там в короне, со скипетром в руке, и в богатом одеянии, на котором видны остатки

[108] Du Cange Ch. Familiae Byzantinae. P. 199–200.
[109] Du Cange Ch. Ibid. P. 218.
[110] См. Novaković St. Хералдички обичаји код Срба // Годишњица Чупића. Књ. VI. Београд, 1884. P. 41–73.

белых, заключенных в круги орлов. Фреска ныне весьма плохо различима, но один рисунок Вальтровича, который посетил монастырь до 1880 г. показывает на ней двуглавых орлов весьма архаического типа: обе головы на одной шее[111]. Подобные орлы ясно видны на пурпурном одеянии короля Радослава (рисунок Вальтровича)[112].

Фреска должна быть датирована правлением Владислава, основателя храма[113]. Этот орнамент вполне мог бы объясняться родством этих Неманичей с Комнинами.

Стефан, женившийся в 1191 г. на Евдокии, дочери Алексея III Ангела Комнина, получил тогда титул севастократора, которым он был очень горд. Его сын Радослав (родившийся около 1192 г.), был сыном этой Евдокии и женился на Анне Комниной Дуке, дочери деспота Феодора (императора Эпира в 1221 г.).

Испорченная фреска, открытая недавно в церкви св. Петки в Призрене[114], являет нам прекрасный портрет Стефана Первовенчанного. Различимы желтые двуглавые орлы на его пурпурном одеянии. Эта фреска может датироваться второй половиной XIII в. Подобные же белые орлы находятся на портрете Стефана I в Жиче.

Интересно сопоставить с этой фреской портрет князя Мирослава из Хума в церкви св. Петра и Павла в Биело-Поле. Он там изображен ктитором, приносящим церковь апостолу Петру; он одет в короткий плащ (σάγιον), весь покрытый двуглавыми белыми орлами. Этот брат Немани и дядя Стефана I упомянут в 1185 и 1195 гг., дата его смерти неопределенна. Фреска должна быть создана при жизни или вскоре после его смерти;

---

[111] См. Petković Vl. La peinture serbe au Moyen Age. Belgrade, 1930. T. I. Pl. 5, fig. a; Novaković St. Op. cit. P. 48–49.

[112] Petković Vl. Op. cit. Pl. 5, fig. c; Strzygowski J. [Text und Miniaturen eines griechischen Papyrus der Sammlung W. Goleniscev] // Denskschriften der Wiener Akademie. T. 52. 1906. Pl. 40.

[113] Монастырь был основан Владиславом, который в 1236 г. перенес из Софии тело своего брата, архиепископа св. Саввы. Вальтрович относит эту фреску к XV веку, поскольку он там находил «дыхание Возрождения» (см. Novaković St. Loco citado). Но ныне, когда мы знаем больше о сербской живописи, мы видим, что Вл. Петкович относит эту фреску к XIII веку (op. cit.).

[114] Эта церковь была превращена в мечеть и фрески покрыты известкой; мы обязаны фотографией этой фрески любезности г-на С. Смирнова.

мы должны отнести ее самое позднее к первым годам XIII в. Потомство этого князя угасло в XIII в. на внуках, затерявшихся в безвестности. Также маловероятно, чтобы портрет был произведением XIV в., когда Мирослав был полностью забыт[115].

11. Князь Мирослав в Биело-Поле

Мы можем предположить, что этот брат Немани действительно носил двуглавых орлов на своем плаще. Это предположение может быть подтверждено тем, что его сын Андрей (упоминаемый с 1214 г.) пользовался орлом как эмблемой. Портрет князя нигде не сохранился, но существует фрагмент печати этого князя Андрея (на договоре 1230–1241 гг.), где видны остатки прекрасного геральдического орла, возможно двуглавого[116].

Княжество Хум было соседом Далмации, оно рано должно было познакомиться с геральдическими обычаями, шедшими из Италии. Мы можем предполагать, что этого двуглавого орла, обнаруживаемого на одежде его отца, Андрей взял как настоящий *герб* своей династической ветви, к сожалению угасшей с его сыновьями, которые не оставили никакого следа.

Надо отметить, что во второй половине XIII в. и даже позднее орлов в Сербии мы больше не находим. Фрески Студеницы, Ариле, Грачаницы и Дечан сохрани-

---

[115] Г-н Ж. Милле думает, что этот притвор является сооружением более поздним, построенным в XIV веке. Эта проблема архитектуры еще дискутируется. Мы хотим подчеркнуть, что одежда Мирослава имеет архаический вид: она очень похожа на мантию сербского короля XI в. в г. Стон в Далмации и не имеет никаких византийских черт сербских одеяний XIV в. В случае, если сам притвор не современен основанию, то портрет ктитора предположительно должен быть скопирован с портрета XII в., он не мог быть выдуман в XIV в.

[116] Ivić A. Стари српски печати и грбови, Нови Сад, 1910. Рис. 7.

ли нам многочисленные портреты королей Драгутина, Милутина, его жены Симониды и его сына Стефана III; но их одеяния имеют только растительные орнаменты.

Тем не менее двуглавые орлы находились на suppedion [подножии] на портрете короля Милутина в Старо-Нагоричане, выполненном в 1318 г.[117]

Наконец, золотое кольцо сербской королевы Феодоры, замечательно сохранившееся, имеет изображение двуглавого орла в качестве печати (sigillum annuli). Феодора был дочерью болгарского царя Симеона и женой сербского короля Стефана III (Дечанского); выйдя замуж к 1300 г., она умерла в октябре 1322 г. Вот, наконец, представитель королевской семьи, мать Душана, которая носит двуглавого орла на своем кольце в первые годы XIV в. Трудно сказать, носит ли она его как знак своего императорского болгарского происхождения или как эмблему сербского королевства. Можно отметить, что ее муж Стефан III (родившийся после 1284 г.), был сыном Анны Болгарской, дочери царя Георгия Тертера, который уже пользовался двуглавым орлом на своих монетах[118].

Во времена Стефана Душана мы видим, как некоторые геральдические обычаи проникают в Сербию. Например, монеты этого суверена часто несут шлем с нашлемником, (но без щита). Орел на них никогда не появляется. Но двуглавый орел обнаруживается на монетах деспота Иоанна Оливера, с легендой: MONITA DESPOTI OLI[119]. Этот же самый деспот изображен на стене его монастыря в Лесново: его одеяние полно золотых двуглавых орлов на пурпурном фоне. Точно так же его жена, πανευτυχεστάτη βασιλίσσα Μαρία ἡ Λυβερίνα, одета в платье, усеянное орлами в кругах. Эти

[117] Этой подушки более не видно на фреске, которая с каждым годом разрушается все больше. Однако г-н С. Смирнов еще видел ее в 1926 г.; на следующий год подушки уже не было видно.

[118] Это кольцо, найденное во гробе королевы в развалинах монастыря Баньска, находится ныне в Национальном Музее в Белграде, оно еще не опубликовано.

[119] Ljubić S. Opis jugoslavenskih novacah. Zagreb, 1875. Pl. XIV, f. 13, 14; p. 186–187; Šafarik J. Гласник VI. 1854. P. 102; ср. сомнения Иречека (Jireček C. Staat und Gesellschaft im mittelalt. Serbien II. Wien, 1912. S. 65) и аргументы в пользу аутентичности этих монет И. Радонича (Иречек К. Историја Срба. Прев. Ј. Радонић. Св. I–IV. Београд, 1922–1925. Св. III. 1923. P. 242).

портреты датируются 1346–1347 гг.; поскольку их надписи сделаны по-гречески, возможно, что они выполнены греческими художниками[120].

Примечательно, что император Душан и его жена, изображенные на тех же фресках в Лесново, вовсе не имеют орлов на своих одеяниях; но их стопы покоятся на подушках, украшенных полуорлами совершенно в византийском духе.

В каталонском портолане Анжелино Дульсерта 1339 г. орел с двумя головами находится на знамени Сербии, помещенном в Скопье; также и в позднейших портоланах[121].

Между тем, можно найти портрет Душана, на котором он имеет орлов на своем одеянии. На испорченной фреске в церкви св. Софии в Охриде[122], открытой в 1917 г., изображен Стефан Душан со своей женой Еленой, его молодой сын Урош и архиепископ Николай. Этот портрет должен датироваться 1345 г., когда Душан, еще король, посещал Охрид. Одеяния короля и королевы украшены золотыми двуглавыми орлами очень изящного рисунка.

Мы можем отметить еще одного двуглавого орла, связанного с личностями Душана и архиепископа Николая Охридского. Н. Кондаков описал в своем путешествии некоторые прекрасные иконы, обнаруженные в церкви Богородицы Перивлептос. Одна икона Пресвятой Девы (табл. 10) ему представляется сербского происхождения. Она имеет на своем серебряном окладе маленький портрет архиепископа Николая с его монограммой; на ней были еще три стертых портрета, где должен был быть Душан и его семья[123], а также символы четырех евангелистов. Эта икона – несомненно дар Душана в 1345 г., когда он, прибыв в Охрид, выдал хрисовул мона-

---

[120] Novaković St. Op. cit. P. 41–44. Двуглавый орел находится также на цепи с монограммой того же деспота Оливера (Millet G. L'ancien art serbe. Paris, 1919. P. 26).

[121] Nordenskiöld A.E. Periplus; utkast till sjökortens och sjöböckernas äldsta historia. T. IX. Stockholm 1897; Gerola G. Op. cit. P. 19.

[122] Църковния Вьстникъ. 1918, № 16; Снегаров И. История на Охридската архиепископия. Т. 1. София, 1924. С. 340.

[123] Кондаков Н. Македонія. СПб, 1909. С. 261 и том X; портреты были стерты фанатиками в XIX веке.

стырю Перивлептос и отдал его под покровительство королевы[124].

Примечательно, что евангелист Марк там символизирован прекрасным геральдическим двуглавым орлом, держащим два свитка в когтях[125].

Другой деспот царя Душана, его племянник Константин, представлен на миниатюре Евангелия 1356 г. со своим тестем, болгарским императором Иваном Александром. Одеяние деспота покрыто двуглавыми золотыми орлами на пурпурном фоне, в то время как император их не носил[126]. Г-н Баласчев полагает, что это герб Неманичей, но мы еще не решаемся утверждать это.

Монастырь св. Димитрия около Скопье, известный как Марков, был построен около 1366 г. королем Вукашином и его сыном, прославленным Марко Кралевичем[127]. Император Урош еще имел номинальную власть, но Вукашин, происходящий из другой фамилии, уже считался независимым монархом Сербии[128].

---

[124] М. Васич разделяет мнение Кондакова и думает, что три стертых портрета должны представлять Душана, королеву Елену и юного Уроша (Vasić M. Žiča i Lazarica. Studije iz srpske umetnosti srednjeg veka. Beograd, 1928. С. 131). Хрисовул издан Solovjev A. Odabrani spomenici. P. 127–129 и частично Novaković St. Zakonski spomenici. P. 672.

[125] В той же самой церкви Перивлептос находится фреска, изображающая сербского сеньора Остойя Райяковича, предка короля Марко, умершего в 1379 г.; его пурпурное одеяние украшено двуглавыми орлами в круге. Кондаков Н. Македонія. С. 246; Petković Vl. La peinture serbe [du Moyen âge]. Beograd 1930. I. Pl. 25, fig. a.

[126] Рис. в Archiv für slav. Philologie. T. VII. Pl. 1; Novaković St. Op. cit. P. 45; Баласчев Г. Словѣнски надписи отъ югозападна България // Минало. Год II. Кн. 7. София, 1912 С. 202 «златни двуглави орли на червено поле – гербътъ на Неманичитѣ въ Сръбия, чийто потомецъ се броилъ Константинъ, защото майка му царица Евдокия била Душанова сестра» [золотые двуглавые орлы в красном поле – герб Неманичей в Сербии, который взял их потомок Константин, потому что мать его царица Евдокия была сестрой Душана].

[127] См. Кондаков Н. Македонія. С. 180–186; Marković L., Tatić Ž. Markov manastir. N.Sad, 1925.

[128] Уже в январе 1366 г. он говорит в хрисовуле, что Бог его поставил сеньором Сербии, всех Греков, Поморья и Дисиса (западных земель); хрисовул подписан: «Преблагочестивый Вукашин, король Сербов и Греков» (Novaković St. Zakonski spomenici. Beograd, 1912. P. 309; Solovjev A. Odabrani spomenici. Beograd, 1926. P. 167–168). В апреле 1370 г. он пишет в хрисовуле к рагузцам, что он король и

Церковь св. Димитрия сохраняла до последнего времени примечательные инсигнии этого сербского королевства. В алтаре находится плита с барельефом, изображающим двуглавого геральдического орла между двумя львами[129].

12. Деталь рельефа из монастыря Банья

И наконец, грандиозное металлическое паникадило с монограммой короля Вукашина и прекрасными двуглавыми орлами на звеньях цепей[130]. Орлы с двумя головами, другого рисунка, имеются там и как свободный орнамент паникадила[131]. Гербовник 1595 г. имел определенное право поместить двуглавого орла в герб короля Вукашина.

Во времена князя Лазаря (1371–1389) эта эмблема встречается многократно.

Один очень красивый двуглавый орел, выполненный барельефом по камню, находится на северной стене построенного князем Лазарем притвора храма в Хиландарском монастыре[132].

сеньор Сербии, Греков и земель Запада (Monumenta Serbica Spectantia Historiam Serbiae. /Hg. F. Miklosich. Bosniae, Ragusii, 1858. P. 180.

[129] «Плита, вложенная у самого входа (въ алтарь) между царскою дверью и престоломъ съ вырезаннымъ на ней сербскимъ орломъ въ геральдической форме среди двух орнаментальныхъ же львов». Кондаков Н. Македонія. С. 181. Этот барельеф, описанный Л. Мирковичем (Mirković L. Мрњавчевићи // Старинар. Новая серия. Белград, 1925. Т. III. С. 23), был разрушен во время войны: головы орла исчезли, но по линиям шеи можно было видеть, как говорит проф. Л. Миркович, что он имел две головы. Этот барельеф мог иметь геральдическое значение в утверждении короля Вукашина, говорит тот же автор (Mirković L. Op. cit. C. 25).

[130] Паникадило было снято митрополитом Синезиусом в 1870 г.; два кольца, хранящихся с 1871 г. в Белграде, воспроизведены Mirkovic L., Tatic Z. P. 7; ср. Mirković L. Мрњавчевићи. P. 25.

[131] Mirkovic L. Op. cit. P. 24, 27. Подобное паникадило с орлами, находится в мон. св. Прохора в Пчине; кажется это дар короля Милутина (Годишњица Николе Чупића. Књ. XX. Београд, 1900. P. 83).

[132] Dučić N. Srpske sfragitičke i heraldičke starine // Starinar I. 1884. C. 16 и табл. VI, f. 5.

Другой двуглавый орел высечен над южным порталом возведенной Лазарем церкви в Крушеваце[133].

Наконец, князь Лазарь изображен в своем монастыре Раванице на фреске, датируемой ок. 1381 г. На ней его красное одеяние усеяно двуглавыми золотыми орлами в золотом круге[134].

В монастыре Любостиня, основанном вдовой Лазаря княгиней Милицей, сохранился ее портрет в красном одеянии с двуглавыми орлами в золотых кругах, такими же как на портрете ее мужа в Раванице[135].

Наконец, на паникадиле Милицы, сделанном ею после 1395 г. вкладе в Дечанский монастырь, имеются заключенные в круг маленькие двуглавые орлы из просечного металла[136].

13. Деталь светильника из Маркова монастыря

Сын Лазаря, Стефан, которого в 1402 г. император Мануил сделал деспотом, также часто пользовался двуглавым орлом. В таком одеянии, с золотыми орлами на красном фоне, он предстает на портрете в монастыре Манасия; этот монастырь был основан деспотом между 1407 и 1418 гг. Внешние украшения монастыря Каленич, основанного этим государем, изображают изваянного двуглавого орла, вполне схожего с орлом из Крушеваца[137].

Двуглавые орлы представлены иногда на монетах деспота Стефана (он носил этот титул в 1402–1427 гг.);

---

[133] Kanitz F. Byzantinische Denkmäler. T. VIII; А. Буэ видел «двух орлов над порталом» перед тем как церковь в Крушеваце подверглась реставрации; Novaković St. Хералдички обичаји. С. 47; отмечено Vasić M. Žiča i Lazarica: Studije iz Srpske Umetnosti Srednjeg Veka. Belgrade, 1928. P. 134.

[134] Novaković St. Op. cit. P. 47; Петковић Вл. Манастир Раваница. Belgrade, 1922. С. 44.

[135] Novaković St. Op. cit. P. 50.

[136] Описано А. Гильфердингом в Гильфердинг А. Собрание соч. Т. 1–4. Спб., 1868–1874. Т. III. С. 132; фот. Solovjev A. Postanak ilirske heraldike i porodica Ohmućević. Glasnik Skopskog Naučnog Drustva. XII. 1933. S. 125. Pl. XV.

[137] Novaković. Op. cit. P. 50.

деспот пользовался также крестом с тетраграммой ДЕСПОТ или ГН ДЕСПОТ[138].

В то же время на его большой печати изображен щит с правой первязью в сопровождении двух геральдических лилий; щит увенчан огромным шлемом, украшенным двумя рогами, меж которых помещен двуглавый орел. Орел в данном случае – не более чем украшение нашлемника деспота[139].

14. Деталь портрета деспота Стефана в Манасии

Наконец знаменитый герольд из Констанцы, который в 1415 г. видел въезд деспота в город, в качестве его блазона сохранил для нас щит, увенчанный княжеской шапкой (без шлема и нашлемника); щит, в алом поле изображен золотой двуглавый орел, держащий в каждом из клювов длинный рог[140].

Наследники Стефана принадлежали к другому роду, к Бранковичам; с конца XIV в. они имели свой наследственный герб – обращенного в правую сторону льва. Однако они, как и Стефан Лазаревич на своей большой печати, увенчивали свой наследственный щит двуглавым орлом в качестве фигуры нашлемника[141]. Например, одна монета деспота Георгия (1427–1456 гг.) имеет на одной стороне льва, а на аверсе – шлем, увенчанный двуглавым орлом меж двух больших рогов[142].

---

[138] Glasnik III, табл. VIII, ф. 91; Novaković. Op. cit. P. 51; Starinar, III. 1925. P. 23; Saria B. //Starinar, IV. 1928. P. 91 и t. I, фиг. 9.

[139] Thalloczy L. Studien zur Geschichte Bosniens und Serbiens um Mittelalter. München, 1914. S. 312. Подобная печать, также с двуглавым орлом, находилась на его хрисовуле, данном в Милешево, который хранился в мон. св. Саввы около Каттаро. Srpsko-Dalm. Magazin 1844. P. 127; Novaković. Op. cit. P. 63.

[140] Ulrich von Reichental I. Ausg. fol. 108b как гербы «Herzug Disphot von Raczen»; цит. по: Thalloczy L. Op. cit. S. 313.

[141] Отмечено в 1388 г. в архивах Рагузы; Pucić M. Spomeni srpski. II. P. 30; Novaković. Op. cit. P. 66.

[142] Petrović J. Despot Gjuradj Brankovic u svetlu numizmatike. Numizmaticar. Beograde, 1934. № 1. P. 17.

Две перстневых печатки того же деспота имеют нашлемник точно также увенчивающий геральдический щит[143].

15. Герб деспота Стефана

Надо отметить, что его портретная миниатюра на хрисовуле из Эсфигменского монастыря представляет его в богатом одеянии без орлов, также как и его супругу и детей[144].

Внуки Георгия Бранковича, Георгий II и Иван на своих печатях 1479 г. не имеют орлов, может быть потому, что они не были деспотами в это время. Напротив, их мать, деспина Ангелина запечатала тот же самый документ очень интересной печатью: ангел держит знамя (bannière) с двуглавым орлом[145]. Она был дочерью Георгия Арианита Комнина Топиа. Она чеканила свою монету с двуглавым орлом[146]. Но тот же Георгий I Бранкович, став деспотом, нам оставил печать 1492 г., на которой два маленьких родовых щита увенчаны большим двуглавым орлом[147].

Очень похожая печать 1505 г. принадлежит последнему деспоту Сербии, Ивану Бериславичу (из другой династии). Наконец, деспина Катерина Батиани, вдова деспота Стефана Бериславича, в 1542 г. запечатывала письмо печатью своего мужа с буквами S(tephanus) D(espotus): снова большой двуглавый орел увенчивает фамильные гербы[148].

Самый замечательный орел Сербии – тот, который изображен на большой печати королей Боснии. Эта печать приложена к акту 1395 г. вторым королем Стефаном

---

[143] Urkundenbuch der ungarischen Nebenländer. T. II, LIV; цит. по: Thalloczy L. Op. cit. S. 319.

[144] Smirnov S., Popović P. // Glasnik Skopskog Naucnog Drustva. XI. 1932. S. 97.

[145] Ivić A. Stari srpski pečati. fig. 76–78; Л. Таллоши (Thalloczy L. Op. cit. P. 319) неправ, когда говорит, что нашлемниками братьев Бранкович были орлы – это были львы.

[146] Petrović J. // Starinar, VII. 1932. P. 7.

[147] Ivić A. Stari srpski pecati. Fig. 79; Thalloczy L. Bruchstucke /AViss. Mitt. B.-H. III. 1895. S. 57; Novakovic St. Op. cit. P. 69.

[148] Ivić A. Op. cit. Fig. 81, 83.

Остоя, но Таллоши имеет основания предположить, что это, несомненно, печать, которой пользовался первый король Боснии Стефан Твртко. Этот бан Боснии, Котроманич по происхождению, короновался в 1377 г. как «король Боснии и Сербии». Он им стал после изгнания фамилии Неманичей, отчасти по праву, так как он сам был правнком одной из Неманичей. Печать изображает государя на его троне в окружении двух гербов как эмблемы его двойного королевства. Он имеет справа свой семейный герб (щит с правой перевязью Котроманичей), слева от себя – двуглавого орла который должен представлять герб Неманичей и eo ipso королевства Сербии. Это официальный документ, где сербский двуглавый орел уже имеет характер вполне геральдический. Можно предположить, что Твртко этот орел был известен как одна из эмблем сербского королевства. Поскольку Босния в это время уже имела геральдические традиции и гербы (под влиянием Венгрии), Твртко усвоил эту эмблему как наследственный герб[149].

Надо отметить, что этот орел Сербии при следующих королях, напр, в 1419 г. и позднее, исчезал с печатей Боснии, возможно потому, что эти короли уже были не из Неманичей и не стремились более к королевству Сербии[150]. Тем не менее традиция этого альянса частично сохранялась в Боснии. Так, генеалогические древа Котроманичей и Неманичей в сопровождении их гербов показывает один иллюминированный пергамент, датируемый 1482 г.[151] Герб Котроманичей там таков:

---

[149] Thalloczy L. Op. cit. S. 278. Эта печать не отмечена в издании Ivić A. Stari srpski pečati i grbovi: prilog srpskoj sfragistici i heraldici. Novi Sad, 1910.

[150] Большая печать короля Остоя 1419 г. совершенно подобная предыдущей, заменила эти два герба двумя подобными щитами, несущими оба новых герба Боснии: с лилиеобразной короной как фигурой в щите (Ivić A. Op. cit. Fig. №39).

[151] Этот пергамент, приклеенный на обороте иконы, происходящей из Сутьески (хранящийся в настоящее время в Музее Изящных искусств в Загребе) был разрисован неким Петром Охмучевичем из Боснии. Трудно сказать, был ли это действительно персонаж XV в. или, может быть, адмирал Петр Охмучевич, который создавал геральдические фикции в 1584–1595 гг. См. Solovjev A. Postanok ilirske heraldike i porodica Ohmučevič // Glasnik Sk. N. Dr. T. XII. 1933. P. 79–125.

чередование семи правых перевязей, золотых и червленых, Неманичей же таковой: червленый с серебряным орлом с распростертыми крыльями, сопровождаемый двумя геральдическими лилиями того же металла. Те же самые гербы находятся в рукописном гербовнике 1595 г., который определенно связан с пергаментом 1482 г.[152]

*

В Болгарии изображения двуглавого орла достаточно редки. Однако там мы обнаруживаем один очень древний и очень красивый пример – это резной камень, происходящий из церкви в Стара-Загора. Этот орел имеет восточные черты (напр., головы, объединенные на одной шее). Его трудно точно датировать: г-н Филов приписывает его VII или VIII в.[153], в то время как покойный Кондаков осторожно относит к XI в.[154] Нашей задачей не является разрешить это разноречие; мы можем только отметить, что этот орел еще ничуть не геральдический. Он всего лишь тератологический орнамент; он идет в паре с грифоном, львом, так же как и львы, грифоны и орлы (с одной головой) на портале церкви св. Николая в Охриде. Это фантастические восточные орнаменты, распространенные в Византии. Отметим еще и то, что этот орел многим напоминает восточных орлов из Амиды, Конии и с восточных тканей, которые все датируются XII в.

Кроме этого камня, который мы считаем скорее византийско-восточным, чем болгарским, в Болгарии имеется двуглавый орел на медных монетах царя Георгия Тертера (1279–1292). Болгарский нумизмат г-н Т. Мушмов приводит мнение проф. С. Младенова, в со-

---

[152] Solovjev A. Ibid. Pl. I, III.

[153] Водачъ за Народния Музей въ София. София, 1923. Рис. 45. С. 195; Филовъ Б. Указ. соч. С. 11 и табл. II, ф. 2 (=Filov B. L'ancien art bulgare. Fig. 3, 4).

[154] Кондаков Н.П. Очерки...; Кондаков относит камень со львом к XII в. (там же. С. 108), камень с двумя симметричными птицами к XI в. (С. 115); он долго с сомнением говорит о двуглавом орле и говорит, что он представляет общие черты для всех предметов народного искусства X–XII вв. (С. 132). Добавим, что нынешняя дирекция Национального Музея в Софии согласна с мнением Кондакова и установила на этом барельефе дату «XI–XII век».

ответствии с которым орел мог быть гласным гербом Тертера, ибо *ter* по-арабски означает *орел*[155]. Это объяснение нам кажется не слишком убедительным, так как мы не видим причин, чтобы один славянский суверен (даже если он был куманского происхождения) объяснял свое имя, пользуясь арабским. Гораздо легче думать, что двуглавый орел появляется на монетах потому, что Георгий Тертер был породнен с византийцами. Так, г-н П. Панайтеску подчеркивает, что Тертер был сыном дочери некоего севастократора Константина[156].

16. Резной камень из Стара-Загора.

Двуглавый орел обнаруживается еще на медных монетах царя Михаила Шишмана (1323–1330), также как и на монетах Ивана Страцимира из Видина (1365–1393), но это лишь спорадические появления. В болгарской нумизматике часто находят другие эмблемы: рыцаря (монеты Константина, Святослава, Михаила Шишмана и Ивана Александра), стену (Иван Александр) и льва (Иван Шишман)[157].

Наконец, знаменитое болгарское украшенное миниатюрами евангелие из Британского Музея представляет царя Ивана Александра (около 1360 г.)[158] с женой, их двумя сыновьями и зятем Константином. Примечательно, что только один Константин имеет на своем одеянии двуглавых орлов. Константин был по происхождению сербом (сыном севастократора Деяна) и носил титул деспота, который ему пожаловал Душан в 1346 г. Мы думаем, что

---

[155] Мушмовъ Н.А. Монетитѣ и печатитѣ на българскитѣ царе. София, 1924. С. 30, пр. 2.

[156] Panaïtescu P.P. L'aigle byzantine // Bulletin de la Section historique de l'Academie Roumaine. Vol. XVII. Bucarest, 1930. P. 66; он цитирует Йиречека (Jirecek C. Geschichte der Bulgaren. S. 283). Это ошибка г-на П[анайтеску]. В труде Йиречека мы видим, что дядя Тертера, Смилец был женат на дочери сев[астократора] Константина. Но Тертер был сыном Радослава, матъ Тертера нам неизвестна.

[157] Мушмов Н.А. Указ. соч., passim.

[158] Это то евангелие, которое лорд Керзон получил в подарок в 1836 г. от монахов монастыря св. Павла на Афоне (Art byzantin chez les Slaves. Paris. 1929. T. I. Pl. VII, VIII; Archiv für slav. Philologie. T. VII. S. 1.

двуглавые орлы были инсигниями первых сановников сербского двора (как в Византии) и двора в Болгарии, но что императоры Болгарии сами их не носили. Возможно, что эмблема льва в это время тяготела к тому, чтобы стать гербом царей Болгарии[159], так как ее находят на болгарских монетах Ивана Шишмана, в «иллирийских» гербовниках 1595 г. в качестве гербов Болгарии[160].

4. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ НА РУСИ

Русь первых Рюриковичей имела достаточно оживленные отношения с Византией. Тем не менее, влияние Византии на Россию было менее интенсивным, чем на ее гораздо более близких соседей – Болгарию и Сербию.

Вспомним, что Рюриковичи никогда не узурпировали титула императора Византии, как это сделали Симеон в 917 г. и Душан в 1346 г. Титул *царя* появляется на Руси лишь после падения Византии, как бы по законному политическому преемству, поддерживаемому семейными связями с последними императорами[161].

Известен тот факт, что Иван III Московский принял двуглавого орла как византийское наследство после своего брака в 1472 г. с племянницей Константина XI Софьей-Зоей Палеолог. Их сын Василий III начал титуловаться уже как царь. Законная коронация, одобренная патриархами, имела место лишь у сына Василия, Ивана IV, в 1547 г. С этого времени двуглавый орел становится гербом Российской империи вплоть до революции 1917 г.

---

[159] Это мнение Г. Баласчева: «Тъ-йче, двуглавия орелъ на дрехата на Константина е билъ общъ платъ за деспотитъ, били ть българи, сърби или византийцы. И Оливеръ е изобразенъ съ дреха отъ подобенъ платъ, с-що и мантията на историческия краль Марко и пр.» [Так как этот двуглавый орел на одеянии Константина был общим для деспотов, будь то болгары, сербы или византийцы. И Оливер изображен в одеянии таком же, как и мантия исторического лица, короля Марко и др.] (Баласчев Г. // Минало. Год II. 1912. С. 202).

[160] Solovjev A. Postanok ilirske heraldike. Pl. III, IV.

[161] Монах Филофей, политический писатель, обращался в 1514 г. к Василию III: «Знай, преблагочестивый монарх, что все империи православных: Грек, Болгар, Сербов, Босняков, Албанцев, все исчезли по воле Божьей и соединятся под твоей православной властью».

Между тем, мы можем отметить некоторые примеры, которые нам показывают, что орел с двумя головами (как и некоторые другие византийские эмблемы) был известен на Руси и до XV в.

Самым ценным документом для вышесказанного была бы вотивная фреска Ярослава Мудрого (1019–1054 гг.), представляющая его со всей семьей в соборе св. Софии в Киеве. К сожалению, эта фреска сегодня стерта. Однако остался достаточно верный рисунок, копия польского художника XVII в. На нем Ярослав одет в плащ χλαμύς, украшенный двуглавыми орлами в кругах; на одеяниях его сыновей в этих кругах ничего не видно. Этот рисунок имел бы огромную ценность для нашего положения, но, поскольку копия неточна во многих других деталях, мы должны присоединиться к благоразумной сдержанности покойного Кондакова[162].

Некоторые другие портреты русских князей (1073 г., 1074 г., XII в.), проанализированные Кондаковым (указ. соч.), не имеют никакого орла. Но вотивная фреска князя Ярослава Новгородского в Спас-Нередице (1198 г.) показывает нам основателя в пурпурном χλαμύς с золотыми кругами и орлами внутри них. Достойно сожаления то, что мы видим лишь части этих орлов, так как круги видны сбоку, на изгибе плеча. Но, поскольку эта часть нам дает полностью одну голову орла, мы можем допустить, что другая голова по симметрии должна находиться в другой части круга[163].

В общем, одеяния, вышитые сказочными животными, заключенными в круг, были иногда носимы русскими князьями. Одна икона святых князей Бориса и Глеба (XIII в.) представляет их в византийских одеяниях, украшенных грифонами и орлами[164].

Остались лишь фрагменты одеяния другого князя Глеба, обнаруженные в его погребении во Владимире.

---

[162] Кондаков Н. Изображенія русской княжеской семьи в миніатюрах XI вѣка. СПБ, 1906. С. 36–39.

[163] Кондаков Н. Там же. С. 43; Сычев Н.П., Мясоедов В.К. Фрески Спаса-Нередицы. Ленинград, 1925. Табл. LVI, лист 1. Цитированные авторы не затрагивают этого вопроса.

[164] Кондаков Н. Русская Икона. Т. 1–4. Прага, 1928–1933. Т. 1. 1928. С. 117.

Обнаружена парча, украшенная большими голубыми грифонами в пурпурном круге, маленькими львами и леопардами. Кондаков полагает, что грифон может считаться геральдической эмблемой владимирских великих князей, каковой она была для *цезарей* Византии[165]. Мы полагаем, что настаивать на этой гипотезе трудно: грифон был пока не более, чем искусственным украшением богатой одежды по византийской моде.

Отмечены двуглавые орлы и грифоны на одежде князей Юрия и Всеволода (ок. 1220 г.) в том же кафедральном соборе во Владимире, на фреске, сегодня, к сожалению, записанной[166]. Это также ткани γρυπάρια καὶ ἀετάρια с восточными рисунками, хорошо известные по византийским книгам церемоний. Это еще один аргумент в пользу тезиса г-на Звороноса, о том, что ἀετάρια XII и XIII вв., также как βλαττία ἔχοντα ἀετοὺς διπλοὺς, отмеченные в Русском монастыре на Афоне в 1142 г. – должны быть объяснены как ткани уже с двуглавыми орлами на восточный лад.

Вторжение татар в 1238 г. разрушило почти все памятники культуры Руси, и до этой роковой даты мы располагаем только этими разрозненными данными об украшениях князей области Владимира[167].

---

[165] Эти ткани возможно египетского происхождения XI или XII века, полагает Н. Кондаков. «Грифон из Пантикапея, как хранитель Севера и его народов, становится эмблемой их архонтов, и после этого геральдической эмблемой великих князей (России)» (Кондаков Н.П. Очерки... С. 367). «В Византии фигуры грифонов, орлов, павлинов были настолько знакомы, что ткани имели их имена γρυπάρια, ἀετάρια, ταγηνάρια и, как нам сообщает Порфирогенет, были по преимуществу орнаментами в одеяниях басилевсов и цезарей. Вот почему грифон стал геральдической эмблемой первых сановников византийского двора, то есть цезарей (которые были братьями и родственниками императора) и других» (Кондаков Н.П. Очерки... С. 359–360).

[166] «В Успенском соборе во Владимире найдены фрески с портретами князей Георгия и Всеволода, которые приносят Христу две модели храмов; на их одеяниях видны грифоны и двуглавые орлы в кругах». Эти фрески были дурно реставрированы Сафоновым в XIX веке. (Кондаков Н. Русская Икона. Т. 1. С. 119).

[167] «Откровенно говоря, нам известны лишь лоскутья подобных материй и мы ничего не знаем о церемониальных одеяниях великих князей, князей и придворных домонгольской Руси» (Кондаков Н.П. Очерки... С. 355).

Но мы можем их связать с некоторыми данными с другого края Руси того же времени, с рубежей Карпат.

Ипатьевская летопись рассказывает, что великий князь Галицкий Даниил Романович, заботясь о своем государстве имел большое попечение о городах на западных рубежах. Его любимым городом был *Холм*, который он украсил различными зданиями. Описывая это украшение, летопись (под 1235 г.) говорит: «в городе находится одна большая башня из кирпича, и на ней орел, высеченный из камня, и высота камня в десять локтей с головами, и с [щито]держателями – 12 локтей»[168]. Это выражение «орел с головами» не может быть понято иначе, кроме как «двуглавый орел»; нельзя думать ни о трех, ни о четырех головах, ибо подобные чудовища полностью неизвестны в европейском искусстве[169]. Летопись точно называет архитектора, прибывшего в Галицию из Византии, который построил собор в Холме – это «хитрец Авдий»[170]. Возможно, что этот грек пользовался императорской византийской эмблемой, чтобы представить могущество православного князя, который даже надеялся быть коронован как «царь Руси»[171].

---

[168] «Стоить же столпъ поприще от города каменъ, а на немъ орелъ каменъ изваянъ, висота же камени десяти лакотъ съ головами же, и с подножками ВІ лакоть». Полное Собрание Русских Летописей. Т. II. 1908. С. 845. Этот интересный пассаж был отмечен Иловайским в 1881 г. (см. Иловайский Д. Начало Холма и Даниил Галицкий. Историческое сочиненіе. Т. II. Москва, 1897. С. 34, 41); а также Батюшков П.Н. Холмская Русь. СПб, 1887. С. 13, 36; Грушевский М. История Украіни-Руси. Т. III. С. 17, 425. Столп должен означать *донжон*; та же хроника описывает еще один «столпъ каменъ высотою 17 сажень (=36,20 м), построенный в Каменец-Литовском в 1276 г. (этот круглый донжон сохранился неповрежденным), а также один *столп* в городе Люблине в 1244 г. Наконец деревня Столпье (упоминаемая в той же хронике под 1207 и 1211 гг.) в 10 км от Холма, определенно получила название от четырехугольного донжона высотою в 15 метров, который там еще виден. См. Батюшков. Указ.соч. С. 35--36.

[169] Только М. Макаренко хочет интерпретировать этот текст как орла, вытесанного «с головами и поддерживателями», то есть с головами как поддерживателями, в романском стиле, как он говорит (Київський збірник. Т. І. Киев, 1931. С. 90). Но это объяснение нам представляется очень малоправдоподобным.

[170] ПСРЛ. Т. II. С. 843.

[171] Известно, что Даниил был коронован как «rex Russiae» [царь Руси] нунцием папы Иннокентия IV в 1253 г. в Дрогичине.

Развалины этой квадратной башни находятся в Белавино, в 2 км от Холма; сохранилась только часть стены в три этажа, остальное обрушилось в реку. Тем не менее, эта разрушенная стена имеет высоту 22 м[172]. Размер в 10 локтей (6 метров), данный летописью, должен относиться только к высеченному орлу.

Этот гигантский шестиметровый орел на башне высотой около 24 метров был прекрасным образцом византийской скульптуры[173].

Это была еще не более, чем монархическая эмблема, но нисколько не герб. Преемник Даниила, его сын Лев, выбрал эмблему *льва,* соответствующую его имени. Эта новая эмблема, усвоенная его наследниками, может быть расцениваема как герб этих Рюриковичей вплоть до пресечения их ветви в 1331 г.

17. Герб области Перемышля

Тем не менее традиция двуглавого орла осталась живой в Галиции. Польский историк Б. Папроцкий описал в 1584 г. все гербы Польского государства, а также его русских провинций. Он говорит: «Провинция Перемышль, которая относится к герцогству Руси, пользуется одним двуглавым коронованным орлом. Главный город Перемышль, расположенный в плодородном крае на реке Сан, имеет укрепленный замок, построенный на горе древними русскими князьями, и имеет гербом черного медведя»[174].

---

[172] Батюшков Н. Указ. соч. С. 36.

[173] Локоть, еще используемый в Польше и Западной России, равен 0,62 м.

[174] «Ziemia Przemyska która należy do województwa raskiego, užiwa orla o dwóh glowach w koronie. Miasto naprzedniejsze Przemyśl nad rzeke Sanem, w krajui žyžnym, zamek na górze od dawnych ksiažat ruskich zbudowany; nosi za herb niedwiedzia czarnego» [Перемышльская земля, которая лежит в русском воеводстве, использовала орла с двумя головами в короне. Главный город Перемышль над рекою Сан, в плодородной стране, построенный старыми русскими князьями замок на горе, имеет гербом черного медведя] (Paprocki Bartosz. Herby rycerstwa polskiego zebrane i widane roku 1584 (переиздание 1858). P. 914).

Сама перемышльская земля, а это старинное русское порубежье на границе с Польшей[175], имела гербом двуглавого орла, неизвестного в польском геральдическом искусстве. Мы уверены, что это русско-византийская традиция XIII или даже XII в.[176]

Папроцкий не знает даже цветов данного герба Перемышля. Это доказательство того, что это не герб с устойчивыми цветами, как в Польше, а эмблема русского происхождения. То же видно и в других гербах русских провинций, описанных Папроцким, которые представляют фигуры, неизвестные в польском геральдическом искусстве (кресты, ангелы, медведи, вороны и т.п.)[177].

Можно наконец заключить, что двуглавый орел, который находился в Холме и Перемышле, был усвоен Даниилом (или его предшественниками) как монархическая эмблема под влиянием Византии. Любопытно, что именно здесь, на западных рубежах православного мира,

---

[175] Перемышль принадлежал русским с 981 по 1349 г.; Даниил дал его своему сыну Льву, вместе с городом Холм.

[176] Вспомним, что Даниил не был первым, кто завязал отношения с Византией. Князь Владимирко из Галича был в дружбе с Мануилом Комнином, сестра Владимирко была женой Исаака Комнина. Их сын Андроник Комнин, ища убежища и помощи, прибыл в 1165 г. в Галич к своему двоюродному брату Ярославу Осмомыслу. Возможно, что эти государи Галиции, породнившиеся с Комнинами, могли иметь чины византийского двора (как Стефан из Сербии) и носить орлов на своих одеяниях. Ни одного их портрета не сохранилось.

[177] Напр, герб Волыни, которая была частью королевства Даниила, имеет прямой белый крест в алом поле (Paprocki B. Op. cit. P. 916). Испанский монах дает ок 1330 г. для королевства Льва (то есть для русской Галиции) зеленый флаг с алым крестом. «Герцогство Руси (terra Russiae) носит золотого льва в лазурном поле; земля Галича – черную коронованную ворону в белом поле, земля Холма, которая относится также к герцогству Руси – белого медведя меж трех зеленых деревьев» (Paprocki B. Op. cit. P. 914–915). Все эти гербы должны относиться ко времени до завоевания Галиции поляками в 1349 г. Лев г. Львова известен на печати Льва «dux regni Russiae» в 1318 г. Русская традиция ясно просматривается в гласном гербе Галича (города галок) который объясняется только на русском языке (galka = галка; по польски это kawka). Белый медведь Холма, также как и черный медведь Перемышля, неизвестные в польских гербах, должны также относиться к русской традиции, также как и двуглавый орел. Малогеральдичные цвета всех этих гербов есть также свидетельство их происхождения, предшествующего польскому завоеванию (польские гербы всегда следуют правилу «металла на эмали» и знают только червленые и лазурные поля).

этот орел имел тенденцию становиться вполне геральдическим гербом, совсем как в земле югославского Холма в том же XIII в.

После XIII в. мы наблюдаем большую лакуну в истории двуглавого орла на Руси. Причина этому несомненно в ослаблении отношений с Византией после вторжения татар, которое столь ослабило Русь. И только Иван III Московский после своего брака в 1472 г. с Софией-Зоей Палеолог, дочерью деспота Мореи Фомы, начал пользоваться двуглавым орлом. В это время эмблемой московских Рюриковичей было конное изображение св. Георгия. С конца XV в. Иван III пользуется на своих печатях двумя эмблемами одновременно. Мы видим двуглавого орла и св. Георгия на лицевой и на оборотной сторонах вислой печати 1504 г. Ивана III и его наследника Василия[178].

Став великим князем Руси, и надеясь на титул императора, Василий III, сын Софьи Палеолог, регулярно помещает византийского орла на своей печати. Мы его видим на оборотной стороне золотой буллы, привешенной к договору с императором Максимилианом 1514 г. В этом договоре Василий уже назван IMPERATOR ET MAGNUS DUX [Император и Великий Князь][179]. Подобная золотая булла, но другого рисунка, привешена к договору того же «Императора Василия» с маркграфом Бранденбурга 1517 г.[180]

Надо отметить, что двуглавый орел находится на этих буллах на оборотной стороне, в то время как изображение св. Георгия – на лицевой. Можно думать, что орел играет здесь роль не более чем брачного герба, супруги и позднее матери суверена.

Но в 1547 г. сын Василия, Иван IV, законно коронуется как «царь всея Руси» и эта коронация одобрена православными патриархами, которые даруют монарху титул *василевса*. С этого времени орел уже рассматривается как символ *василейи*, самодержавной власти, унас-

---

[178] Снимки древнихъ русскихъ печатей. Т. I. Москва, 1880. Т. 2,3.

[179] Легенда на булле такова: Великии Господарь Василеі Божиею Милостию Царь и гдрь всеіа Русиі и т.д. (Там же. Т. 4,5).

[180] Легенда там такова: Василеі Бжіею Милостію Црь і Гдрь всеа Русіі великій кнзь Влад. Моск. и т.д. (Там же. Т. 6).

ледованной от Византии. Напр., хрисовул 1562 г. представляет на обеих сторонах двуглавых орлов: на одной изображен в центральном щитке конный образ св. Георгия, на другом – единорог (который был личной эмблемой Ивана IV)[181]. С того времени русский орел сохранил этот первый тип, конечно, с некоторыми изменениями[182].

5. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ НА ЗАПАДЕ (Германия, Нидерланды, Савойя)

Империя Карла Великого и его преемников долгое время носила орла с одной головой как эмблему и как герб.

По-видимому, Карл Великий пользовался ею уже в 800 г., тяготея к традиции древнего Рима. Имеются точные данные, что подобный орел находился на имперском знамени при Оттоне II (973–983), на печатях маркграфов и одного пфальцграфа в 977 г., на германских монетах начиная с 1195 г. Только в 1299 г. мы находим орла (с одной головой) на печати Империи в качестве ее герба[183].

Но со времени Фридриха II видно, что двуглавый орел начинает иногда помещаться рядом с римским орлом, до тех пор, пока не заменяет его полностью. Английский хронист Матвей Парижский в 1244 г. рисует орла с двумя головами на одной шее как «Scutum imperatoris Romae» [«Щит императора Рима»][184]. Он описывает его такими словами: «scutum aureum, aquila biceps aurea nigra vel moniceps» [щит золотой, орел двуглавый золо-

---

[181] Там же. Т. 12.

[182] Так, в 1583 г. орел был окружен 12 гербами различных земель; в XIX в. восемь гербов были помещены на крыльях орла, и один девятый (св. Георгий) в центральный щит. Этот тип оставался вплоть до 1917 г.

[183] Römer-Büchner B. J. Der Deutsche Adler nach Siegeln geschichtlich erläutert. Frankfurt/M., 1858; Köhne B. Ueber den Doppeladler. Berlin, 1871; Hohenlohe-Waldenburg F.K. Zur Geschichte des heraldischen Doppeladlers. Stuttgart, 1871; Gritzner E. Symbole und Wappen des alten deutschen Reiches. Leipzig, 1902.

[184] Отдельно стоящий факт – это двуглавый орел на печати графа Людвига Саарверденского 1185 г., возможно обязанный появлением восточному влиянию на крестоносцев. Kolář M. Českomoravská heraldica. T. I. Praha, 1902. S. 202; Hauptmann F. Wappenkunde. München, 1914. S. 21.

той черный либо одноглавый]. Можно также предположить, что Фридриху II нравилось носить поочередно орлов двух типов[185]. Несомненно, что симпатии Фридриха II к Византии, восточное великолепие, которое он выказывал в Палермо, заставляли его усвоить эмблему, помещавшуюся на восточных тканях. Можно упомянуть, что двор в Палермо знал употребление двуглавого орла как королевской эмблемы еще до совершеннолетия Фридриха II. Существует несколько золотых монет королевства Сицилия, чеканенных в 1202–1203 гг. Эти «taris» имеют арабские легенды; на их реверсе видна греческая монограмма Христа, а на аверсе один достаточно четко изображенный маленький двуглавый орел[186]. Поскольку Фридрих II (родился в 1194 г.) был еще ребенком в эти годы, должно отнести этих орлов к греко-восточному окружению молодого короля Палермо[187].

Двуглавый орел снова появляется как герб у потомков Фридриха II: у его сына Конрада IV (1250–1254 гг.) и его внебрачных сыновей Манфреда (†1266 г.) и Энцио (†1272 г.)[188].

В то же время употребление двуглавого орла хорошо известно в Нидерландах, где оно легко может быть объяснено отношениями этих земель с Латинской империей на Востоке.

Так, впервые орел с двумя головами встречается во времена герцогов Генриха II и Генриха III Брабантских (1235–1248 гг. и 1248–1261 гг.) на маленьких се-

---

[185] Это свидетельство Матвея Парижского было оспорено Гритцнером (Gritzner E. Op. cit. S. 58), но без оснований, поскольку мы располагаем еще и другими данными. Этот герб Империи был повторен в Roll of Arms [Гербовнике] времени Генриха III (†1272) (Hauptmann F. Die Wappen in der Historia minor des Matthäus Parisiensis //Jahrbuch der Gesellschaft Adler. Ser. II. Vol. XIX. Wien, 1909. S. 46; цит. по Gerola G. Op. cit. P. 25). Этот герб опубликован (Ströhl H.G. Heraldischer Atlas. Stuttgart, 1899. Pl. XVIII; Araldica // Enciclopedia Italiana. T. III. P. 943).

[186] Эти монеты, отмеченные Д. Спинелли (Spinelli D. Monete cufiche battute nel regno delle due Sicilie. Napoli., 1844. T. XX. №№ 4–8; T. XXIII, № 1) были опубликованы и прокомментированы (Gerola G. Op. cit. P. 26–27).

[187] Г-н Джерола имеет в виду королеву-мать Констанцию.

[188] Hauptmann F. Op. cit. S. 46. Цит по: Gerola G. Op. cit. P. 25. Одна монета Конрада IV для Франкфурта имеет двуглавого орла (Cappe H.Ph. Die Münzen. III. S. 143; VI, n. 81).

ребряных денариях, которые следует отнести к городку Элен[189].

В те же годы графиня Маргарита Фландрская, дочь Бодуэна I Константинопольского, велит отчеканить в Алосте двойные tiers de gros, отмеченные орлом с двумя головами на одной шее, вполне восточного рисунка. Маргарита «Константинопольская» правила Фландрией в 1244–1280 гг.[190]

Этот монетный тип имел успех в Нидерландах; ему подражали герцог Генрих VII Люксембургский (1288–1309 гг.) и епископ Ги де Дампьер в Льеже (1291–1292 гг.), а также Арнольд граф Лоос (1280–1328 гг.). Наконец, двуглавый орел находится также на монетах герцога Гийома I Намюрского (1337–1391 гг.)[191].

Надо отметить, что многие благородные фамилии Нидерландов имели того же орла в своих гербовых печатях; такие как Дэн (1259), Рике (1261), Роде (1271), Бёйзинген (1303), Дудинс (1313) и другие[192].

Вполне возможно, что этот орел впервые был употреблен Маргаритой Константинопольской в 1244 г. как эмблема ее происхождения от императора Востока, и что ей подражали ее соседи из Брабанта, Льежа и Люксембурга, а также их рыцари.

Можно предположить, что ее отец Бодуэн I начал пользоваться двуглавым орлом как император Константинополя, но, к сожалению, мы не имеем прямых указаний, чтобы поддержать эту гипотезу. Не осталось ни одной монеты, отчеканенной латинскими императорами, и мы не знаем вовсе, каковы были изображения на них[193]. Возможно, что Бодуэн I пользовался эмблемой

---

[189] Письмо г-на А. де Витт, секретаря Бельгийского Королевского Нумизматического Общества И. Зворонову, цит по: Σβορονός I. N., P. 41.

[190] Lelewel J. Numismatique du Moyen age. Paris, 1850. Pl. XX №№ 12, 23, 54; Engel A., Serrure R. Traité de numismatique. Paris, 1905. Vol. III. P. 1087, 1090; опубликовано Gerola G. Op. cit. P. 22.

[191] Svoronos N. Op. cit., P. 41.

[192] Raadt J.Th. de. Sceaux armoriés des Pays-Bas. Bruxelles, 1898–1903, цит по Gerola G. Op. cit. P. 23.

[193] Wroth W. Op. cit. V. I. préf. P. LXVII; T. II. P. 554. Однако Никита Хониат нам сообщает, что латиняне чеканили монеты в Константинополе (*de signis*, ed. Bonn. P. 856, 859). И. Зворонос (Op. cit. P. 40) склонен приписать латинским императорам медные монеты с двуглавым орлом, которые г-н Н.Мушмов объявляет болгарскими.

двуглавого орла, взятой у Комнинов, но следует вспомнить, что герб его брата Генриха I (в 1207 г.) и его потомков был: *червленый с золотыми крестиками*[194].

Другой дочерью Бодуэна I де Куртене была Жанна (Португальская), которая во втором браке стала супругой Томаса II Савойского (наз. графом Фландрским). Г-н Джерола по праву подчеркивает, что двуглавый орел появлялся в гербах Савойского дома точно после даты этого брака (в 1273 г.) и что можно вполне возвести его к традиции латино-византийской Империи. Двуглавый орел находится на печатях сына Томаса II Савойского, Амедея V, так же как и его внука Филиппа и его братьев: Амедея IV (уже в 1239 г.) и Филиппа (в 1278 г.)[195]. С этого времени византийский орел остается в гербах графов Савойи, соединенным с прямым серебряным крестом в червленом поле[196].

Вернемся теперь к Священной римской империи. Ее императоры во второй половине XIII в., как и в первой половине XIV в., пользовались орлом только с одной головой. Между тем, мы видим, как двуглавый орел возрождается при Людвиге Баварском. Так, в 1329 г. изображение императора Людвига в кодексе манускрипта из Майнца сопровождается щитом с этим византийским орлом. В 1338 г. тот же император Людвиг IV разрешает герцогу Жану III Брабантскому поместить изображение и императорские гербы на монеты, называемые «chaise d'or», которые чеканили в Антверпене[197]. Император на них изображен на своем троне, с помещенным рядом

---

[194] Gerola G. Op. cit. P. 23, n. 2.

[195] Cibrario L., Promis D.C. Sigilli de'principi di Savoia. Torino, 1834; цит по Gerola G. Op. cit. P. 24.

[196] В 1217 г. орел Савойи был еще одноглавым (Di Gerbaix di Sonnaz di S.Romain. L'aquila e la croce di Savoie e l'antica nobile loro origine. Torino, 1908; цит по: Manaresi Ces. L'aquila // Enciclopedia Italiana. T. III. P. 796–797.

[197] «Indulcit imperator Ludovicus authoritate cesarea Joanni III Brabantiae duci ut, sub nomine et titulo eiusdem imperatoris atque armorum et imperii insignis, in oppido Antverpensi posset facere cudi monetam auream» [«Властью цезаря император Людовик дозволяет герцогу Брабанта Жану III чеканить в городе Антверпене золотую монету с именем и титулом этого императора, с гербами и инсигниями империи»], как сообщает Эдмон Динтер, канцлер герцога Брабантского в XV в.; цит по Gerola G. Op. cit. P. 29, N 2.

щитом с двуглавым орлом. Легенда такова: «Ludovicus dei gratia Romanorum imperator» [Людовик милостью божией император Римлян]. Тот же тип повторяется в Антверпене при императоре Карле IV Люксембургском.

Г-н Жерола делает одно интересное замечание: Людвиг Баварский взял в жены в 1324 г. Маргариту Голландскую, правнучку Маргариты Фландрской, которая первой ввела употребление двуглавых орлов на монетах Нидерландов. «Как видим, мы все время находимся в том же самом круге родства и восточных традиций, которым обязано распространение двуглавого орла во Фландрии и его усвоение породненными фамилиями, как это говорилось по поводу Савойского дома»[198].

Император Карл IV Люксембургский (1346–1378) на своих печатях еще пользовался орлом с одной головой, напр, на Золотой булле 1356 г., но он также поместил двуглавого орла на малых печатях. Его сын Вацлав начал изображать двуглавого орла на своей большой печати (Majestätssiegel) с 1378 г., так же как и на своих малых печатях[199]. Но употребление нормального орла еще остается.

Наконец, Сигизмунд Люксембургский в качестве имперского викария уже в 1401 г. усвоил двуглавого орла. В 1417 г. готовясь к коронации, он повелел Арнольду де Бомель сделать новую печать «in quo simpliciter sit imperialis aquila habens duo capita» [где помещен только имперский орел, имеющий две головы]. Коронация состоялась только в 1433 г. и с этого года орел с двумя головами окончательно стал гербом Священной Империи[200].

Можно еще отметить, что во второй половине XIV в. щит с двуглавым орлом находится на монетах епископов-электоров Кельна, Трира, Майнца и Палатината. Этот щит обозначает императорскую власть, так же, как на «белых пфеннигах» того же времени города Любека (с легендой Civitas Imperialis [Имперский Город])[201].

---

[198] Gerola G. Op. cit. P. 30.

[199] Kolař M. Česká heraldica. Praha, 1908. S. 202

[200] Gerola G. Op. cit. P. 34.

[201] Saurma-Jeltsch H. von. Die Saurmasche Münzsammlung [Deutscher, Schweizerischer und Polnischer gepräge von etwa dem beginn der Groschenzeit bis zur kipperperiode]. Berlin, 1892. №№ 1177–1180, 1225, 1293, 1430 и т.д.; цит по Gerola G. Op. cit. P. 32.

Наконец во Франции графы Оранские, которые получили право монетной чеканки от императора Фридриха II, чеканили монеты с двуглавым орлом от имени Бертрана III де Бо (†1335 г.)[202].

6. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ НА БАЛКАНАХ В XV И XVI ВЕКАХ (Албания, Черногория, Румыния)

Албанский автор, цитированный выше, Иоанн Музаки сообщает о традиции в отношении герба его семьи, которая должна иметь некоторое правдоподобие. Его дед, Андрей II Музаки, носил титул севастократора: он победоносно сражался с сербским королем Вукашином, которого даже взял в плен. Тогда император Константинополя возвысил его до ранга *деспота* и «дал ему свои гербы, то есть двуглавого увенчанного (одной звездой) орла, некогда гербы Империи»; он также дал ему привилегию на золотую буллу и одеяние деспота, на котором был тот же знак орла, шитый жемчугом; кроме того он пожаловал его городом Кастория, отвоеванным Андреем у Марко, сына Вукашина[203].

---

[202] Poey d'Avant F. Monnaies féodales de France. Paris, 1860. Vol. II. P. 390; Gerola G. Op. cit. P. 33.

[203] «Per segno d'amore... il detto Imperador le mandò a donare sue arme, cioè l'aquila con due teste incoronata con la stella in mezzo, dico l'arme dell'Imperio, et anco le donò il titolo de Despoto d'Epiro con privilegio con lo sigillo d'oro, et anco l'inviò una sedia despotale, nella quale era de perle racamata detta insegna dell'aquila; et hebbe l'investitura de detta città de Costurei seu Castoria, la quale acquistò il detto signor Andrea dal signor Marco Craglia per forza d'arme. Et in detta impresa invocò in suo ajuto il Rè Balsa suo genero... e l'altro suo genero signor Groppa signor della città d'Ocride» [В знак любви... упомянутый Император повелел дать ему свой герб, то есть орла с двумя головами, увенчанного посередине звездою, называемого гербом Империи, и еще дал ему титул деспота Эпира с привилегией золотой печати, и еще прислал ему престол деспота, на котором был шитый жемчугом упомянутый знак орла; и пожаловал упомянутым городом Костурией или Касторией, который отнял упомянутый сеньор Андрей у сеньора Марко Краля силой оружия. И в упомянутом изображении он призвал себе на помощь Ре Балша, своего зятя... и другого своего зятя сеньора Гроппа, сеньора города Охрид] (Hopf Ch. Chroniques gréco-romaines. P. 281; см. Ibid. P. 278).

Трудно разобраться в этих преданиях дома Музаки. Андрей II – исторический персонаж, он действительно носил титул деспота в 1336 г., но этот титул, кажется, ему был дан Ангелами. С другой стороны все упомянутые в этом рассказе (см. сноску) лица существовали в 1370-х гг. (Вукашин умер в 1371 г., оставив сына Марко Кралевича; сеньор Гропа был хозяином Охрида в 1376 г., Балша известен с 1372 г.).

Если мы предположим, что титул деспота был дан Андрею Музаки в 1336 г. византийским императором, то это мог сделать Андроник III. Если мы допустим, что этот титул ему был дарован после взятия Кастории, что не могло иметь места до 1372 г., то это должен был сделать Иоанн V Палеолог[204]. В любом случае мы можем заключить, что инсигнией византийского деспота в XIV в. действительно был этот шитый жемчугом двуглавый орел (что считалось также эмблемой Империи) и что Андрей Музаки, который имел дело с французскими и итальянскими рыцарями, вполне мог его принять в 1336 или в 1372 г. как свой личный герб, привнеся в него одно изменение (звезду в середине).

В другом месте своей хроники Иоанн Музаки рассказывает своим детям, что их семья носила гербом двуглавого орла, увенчанного посередине одной звездой, и что гербами их матери, некой Дукаджин, на которой он женился до 1475 г., был белый орел. Вот, кстати, указания достаточно определенные, чтобы утверждать, что албанские сеньоры XV в. знали употребление герба[205].

---

[204] Ш. Опф старался примирить эти противоположные факты и писал в генеалогических таблицах, что «севастократор Андрей II, сделанный деспотом Албании Ангелами в 1336 г. занял Касторию (которую он отнял у Марко Кралевича) к 1372; умер до 1372 г.» (Hopf Ch. Op.cit. P.532).

[205] В эпитафии Иоанна Музаки, сделанной им самим, говорилось: «Joannes Mosachi filius En Ghini despotis Epirothae et Mosachiae domini ex urbe Byzantis oriundi bicipitem aquilam habentis insigne coronatam 1510» [Иоанн Музаки сын Эн Гьона, деспота Эпира и господина Музакии, происходящих из города Византия, имеющих инсигнией двуглавого коронованного орла в 1510 г.] (Hopf Ch. Op. cit. P. 314).

Этот факт засвидетельствован печатью известного Георга Скандербега Кастриоти 1450 г.[206] На этой печати представлен орел с двумя головами (без корон); одна звезда находится над головами. Мы можем утверждать, что к 1450 г. этот вариант византийского орла стал гербом Кастриоти и ео ipso Албании.

Портоланы XV в. (из Национальной Библиотеки во Флоренции) показывают красное знамя с двуглавым орлом на г. Дураццо как гербы Кастриоти[207].

В 1518 г. некая Анжела Кастриоти был похоронена под плитой с изображением двуглавого орла[208].

Перейдем к Черногории, этому славянскому соседу Албании. Золотая булла Иоанна Черноевича, сеньора Черногории, сохранилась нам на его хрисовуле, данной в 1485 г. монастырю в Цетинье. На ее аверсе изображен очень красивый орел византийского типа с двумя коронованными головами[209]. Этот орел остался гербом семьи Черноевичей после падения Черногории; равным образом он был носим сыном Иоанна, Скандербегом Черноевичем (перешедшим в ислам и ставшим турецким пашой) и его внуками, эмигрировавшими в Венецию[210]. Дю Канж говорит, что члены фамилии Черноевич, признанные знатью в Венеции, носили в червленом поле

---

[206] Ивић А. Стари српски печати и грбови. С. 36 и рис. № 57. Легенда в круге такова: †Georguis Castriot(us) Scenderbego. Между крыльями и шеей орла находятся буквы D.AL. (=Dominus Albaniae). Восковая печать находится на верительной грамоте на сербском языке, отправленной Скандербегом в Рагузу и изданную Ф. Миклошичем (Miklosich F. Monum. Serbica. P. 442). Иногда для запечатывания писем Скандербег пользовался также кольцом с античной геммой. Ивић А. Там же, № 65 (a. 1459).

[207] Gerola G. Op. cit. P. 19, № 8.

[208] Lambros Sp. в Νεὸς Ἑλληνομνήμων. XIII. 1916. P. 476.

[209] Milutinović S. Istoria Cmegore. Belgrad, 1835. P. 4; Novaković St. Heraldički običaji. P. 68. Мы видели эту буллу в монастыре в Цетинье.

[210] Посланец паши Скандербега, арестованный в 1523 г. австрийцами, будучи спрошен, почему его хозяин пользуется двуглавым имперским орлом, ответил: «Seine Herr wer auch des Geschlechtes der Despoten, die von Constantinopl herkumen, darumb wer es sein Wappen und Kleinoth» [Мой господин был также из рода деспотов, которые пришли из Константинополя, поэтому это было его гербом и нашлемником]. Miklosich F. Die serbischen Dynasten Crnojević. Wien, 1886. S. 36.

золотого орла, с распростертыми крыльями и коронованного[211].

Издатель славянских книг в Венеции, Виченцо Вукович, происходящий из знатной семьи из Черногории, в 1546–1561 гг. украшает свои книги двуглавым коронованным орлом, обремененным лебедем в центральном щитке и сопровождаемым по сторонам львом и медведем[212].

Архиепископы Черногории XVIII в. запечатывали свои акты гербом с двуглавым орлом над шествующим львом (акт архиепископа Саввы 1752 г.). Этот герб употреблялся также государями Черногории после 1851 г.

Наконец, использование двуглавого орла перешло и в Румынию. Деспот Мирча Валашский (1386–1418 гг.) представлен на фреске из монастыря Козия в византийском одеянии, украшенном этими орлами. Он носил титул деспота (земель Добруджи). Возможно, этот титул ему был дан василевсом Византии, как и его современнику Стефану Сербскому (в 1402 г.). Трудно сказать, было ли в этом случае прямое влияние Византии или непрямое влияние через посредство Сербии или Болгарии[213]. В любом случае интересно видеть, что здесь употребление орлов связано с титулом деспота, как мы неоднократно отметили это для Сербии, Болгарии и для Мистры.

После него Нягое Басараб (1512–1528 гг.), женатый на Деспине, дочери деспота Иоанна Бранковича († 1502 г.), носит также двуглавых орлов на своих одеждах на фресках из Снагова и из Куртя-де-Арджеш[214]. Но это не более, чем случайные украшения. Румынские княжества уже в XIV и XV вв. имели свои гербы, сфор-

---

[211] Du Cange Ch. Illyricum vetus et novum. Posonii, 1746. P. 135; цит по Novaković St. Heraldički običaji. P. 68.

[212] Новаковић Ст. Псалтир и епистола Вицю Вуковића // Годишњица Николе Чупића, Т. IX. 1887. С. 203.

[213] Panaïtescu P. L'aigle byzantine sur les vêtements des princes roumains du Moyen Age // Bulletin de la Section historique de l'Academie Roumaine. Vol. XVII. 1930. P. 64–67; см. замечания Jorga N. Ibid. P. 68.

[214] Panaïtescu P. Op. cit. P. 67. О Деспине смотри статью Filitti J.C. Despina, princesse de Valachie, fille présumée de Jean Branković // Revista Istorică Română. V. I. Bucureşti, 1931. P. 241–250.

мировавшиеся под венгерским влиянием, и двуглавый орел никак не мог стать их гербом.

Первые монеты государей Валахии и Молдавии XIV в. имеют рассеченный и с чередованием поясов щит [герба] королей Венгрии-Анжу. Но изображение нашлемника представляет уже местные эмблемы. Такова голова быка на нашлемнике воеводы Молдавии, которая позднее спустилась в щит Молдавии как основная фигура ее гербов. Нашлемник государя Валахии, начиная с 1364 г., был украшен одним орлом с одной головой, повернутой в геральдически правую сторону; позднее это изображение стало гербом Валахии[215]. Эта птица, видимая в профиль, не имеет ничего общего с византийскими орлами. Надо отметить интересное мнение г-на Андрэ Вересса, который говорит, что эта птица могла быть соколом (тюркско-татарский «turul») и возводит ее к общей колыбели куманов, угров и династии Басарабов перед вторжением тюркских племен в Центральную Европу[216].

7. ГЕРБ ПАЛЕОЛОГОВ

Мы видим, что двуглавый орел, эта императорская эмблема, эта инсигния деспотов, никогда не был устойчивым гербом Византии. Но в последнее время все большее и большее внимание привлечено к другой эмблеме – кресту, окруженному четырьмя [латинскими] B, который Дю Канж расценивает уже как герб Палеологов.

Истоки этого символа очень далеки. После того, как крест Иисуса Христа на labarum'е принес победу войскам Константина в 312 г., эмблема креста на византийских знаменах и монетах обнаруживается очень часто. Мы часто встречаем изображение labarum'a на монетах; подчас трудно их различить, но видно, что он имеет раз-

---

[215] Эта птица впервые встречается на монетах Владислава I (1364–1380 гг.). Bratianu G.I. Originile stemelor Moldavii ti Tării Românești // Revista Istorică Romană. V. I. Bucureşti, 1931. Fasc. I. P. 50–62.

[216] Veress A. Originea stemelor Tărilor române // Revista Istorică Romană. V. I. Bucureşti, 1931. P. 225–232; см. ответ Bratianu G.I. In jurul originei stemelor Principatelor române // Ibid. P. 233–240.

личные формы. Иногда это прямой крест, иногда – косой; его можно видеть в сопровождении четырех точек[217].

Надо сказать, что крест, окруженный четырьмя буквами или четырьмя фигурами хорошо известен на христианском Востоке. Начиная с VI в. на византийских монетах виден крест с четырьмя X. Знамя Годфруа Бульонского, появившееся в 1099 г. было белым «с уширенным золотым крестом, окруженным в четвертях 4 крестиками того же [металла]»[218]. На монетах государств крестоносцев XII в. наиболее часто представлены кресты, сопровождаемые буквами или различными фигурами. Мы находим те же «кантонированные» кресты на монетах Армении и даже Нормандии XII в.[219] В XII в. крест становится основной эмблемой крестоносцев, наиболее часто он входит в их гербы как почетная и основная фигура. Чтобы он мог войти в разные гербы, его надо было видоизменять[220]. Меняются его цвета (червленый крест в серебряном поле Родосского ордена, черный крест немецких крестоносцев, серебряный крест в червленом поле Савойи и т.д.). Часто изменяли формы креста (укороченный, якорный, загнутый, шахматный,

---

[217] Wroth W. Op. cit. V. II. Pl. XLIX, 2; XLIX, 17; L,10, 16; LI, 12; LII, 7; LVII, 7; LXIII, 1; LXIV, 1; LXIX, 2. Лабарум виден на монетах Феофила, Михаила III и почти всех их преемников вплоть до Мануила Комнина.

[218] Du Cange Ch. Des Armoiries fausses ou pour enquerre, et par occasion de celles de Hiérusalem; неизданное изыскание //Revue Nobiliaire. Nouv. Série. T. III. 1867. P. 492–501.

[219] Напр., герцог Антиохии Танкред имеет один крест с тетраграммой: IΣ XΣ NI KA; короли Иерусалима и Малой Армении имеют на своих монетах кресты с 4 шариками, 4 безантами, 4 полумесяцами, 4 крестиками, 4 цветками и т.д. (Morgan J. de. Histoire du peuple arménien, Paris, 1919). Даже герцоги Нормандии в XII в. чеканили на своих монетах крест с 4 звездами, 4 шариками, подражая монете крестоносцев. Dieudonné A. // Mélanges offerts à G. Schlumberger. V. II. Paris, 1925. P. 337; Saulcy L.F. de. Numismatique des croisades. Paris, 1847.

[220] «Le grand nombre de croix que l'on voit dans les armoiries, vient la plupart des croisades. Les chrétiens, en partant pour combattre les infidèles, en mirent sur leurs écus et sur leurs cottes d'armes; ils les varièrent pour être distingués les uns des autres» [большое число крестов, которые видны в гербах, большей частью пришли из крестовых походов. Христиане, отбывая для сражений с неверными, налагали их на свои щиты и на свои гербовые котты; они их варьировали, чтобы быть отличаемыми одни от других»] Grandmaison Ch. Dictionnaire héraldique. Paris, 1852. P. 210.

вилообразный, лапчатый, ступенчатый, уширенный, трилистный, просечной и т.д.)[221]. Очень часто пользовались прямым крестом в сопровождении 4 фигур в четвертях щита. Этим последним вариантом пользовались самые знатные семьи крестоносцев: короли Иерусалима, латинские короли Константинополя и герцоги Афинские[222].

Куртене из Константинополя носили «червленое поле с золотым крестом и четырьмя безантами в четвертях, каждый обременен иерусалимским крестом того же [металла]»[223].

Афинские Де ла Рош приняли крест с четырьмя розами в четвертях; в 1260 г. Ги I заменил верхние розы двумя геральдическими лилиями[224].

Портоланы XIV в. содержат ценные данные для политической истории, так как на них видны с тщательностью нарисованные знамена королевств и разных городов.

Два самых древних портолана, портолан Пьерино Висконти 1327 г. и Анжелино даль'Орто 1330 г. на КОНСТАНТИНОПОЛЕ, а также и на византийских городах Малой Азии – ФИЛАДЕЛЬФИИ и ДОКАСТЕЛЛИ нам показывают то же самое знамя.

Это красное знамя с золотым крестом, кантонированное четырьмя *B* того же металла, два из которых обращены в другую сторону[225].

---

[221] Существуют кресты пониженные, заостренные, укороченные, якорные, сопровождаемые по углам фигурами, загнутые, окаймленные, с двойными утолщениями на концах и т.д.; более 60 вариантов форм (Grandmaison Ch. L.c.). Виллардуэны носили в червленом поле золотой якорный крест.

[222] Еще Монморанси (в золотом поле червленый крест, в четвертях 4 лазоревых орлика), Конти (в кантонах 4 розы), Рошжаклен (в кантонах 4 раковины), Дю Буа-Шенель (в кантонах 4 полумесяца) и т.д.

[223] Позднее каждый безант был сопровождаем 4 крестиками. Смотри большую печать конного типа с легендой на греческом Филиппа де Куртенэ 1263 г., которой он пользовался еще как император Константинополя (Schlumberger G. Mélanges d'archéologie byzantine. Paris, 1895. T. I. P. 100).

[224] Guldencrone D. de. L'Achaïe féodale. Paris, 1886. P. 379.

[225] Nordenskiöld A.E. Periplus; utkast till sjökortens och sjöböckernas äldsta historia. Stockholm, 1897; Gerola G. L'elemento araldico nel portolano di Angelino dall'Orto //Atti del Reale Istituto Veneto. T. XCIII. 1934. P. 407–443.

В более поздних портоланах (таких как Джованни да Кариньяно и священника Джованни из Генуи) то же знамя изображено также на Салониках.

Наконец, францисканец из Севильи, который утверждает, что путешествовал по Средиземноморью около 1330 г., оставил весьма детальное описание инсигний всех королевств, которые он посетил. Он прибыл вначале в Салоники, «un reinado de Griegos que dicen Salonico» [королевство Греков, которое называют Салоникийским] и он говорит, что «король этой Салонико имеет знаком алый флаг с золотым крестом и четырьмя золотыми огнивами». Он описывает то же знамя, прибыв в город Лодомаго, и наконец, приехав в Константинополь, он называет его знаменем «Империи Греков»[226].

Вот свидетельства первого порядка. Во времена Андроника III один путешественник, прибыв в Византию, видел на стенах каждого византийского города знамя с устойчивыми цветами, которое несло то, что мы можем назвать «гербом Палеологов» и этот герб монархов становился (как повсюду в Средневековье) чем-то вроде национального флага. Это знамя было поднято на башнях укрепленных городов, на мачтах торговых кораблей; оно было также военным знаменем.

Этот последний факт нам хорошо засвидетельствован Кодином. В своем труде он нам описывает двенадцать императорских знамен (τὰ βασιλικὰ φλάμουλα) архистратиг (св. Михаил), св. Георгий на коне, св. Димитрий, Прокопий и Феодор, василевс на коне и драконы. Это без сомнения знамена разных частей ар-

---

[226] «Y el rey de esta Salonico ha por señales un pendon bermejo con una cruz de oro y cuatro eslabones de oro» [И король этой Салонико имеет знаками алый стяг с одним золотым крестом и четырьмя золотыми *eslabones*] (Libro del Conosciemento... P. 114–116, 120, 121). Eslabon не может означать звено цепи, как его переводят (Smodlaka J. Zemlie Južnih Slovena i njihove grbove... // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. Split, 1931. P. 30 и Gerola G. L'elemento araldico nel portolano... P. 9, n. 2 (anelli di catena). *Diccionario* de la lengua castellana por la Real Academia Española, Madrid, 1899. P. 421 дает несколько объяснений слова «eslabon», второе из которых – «hierro acerado con que se saca fuego de un pedernal» [сталь, ударяя которой, высекают огонь из кремня], то есть *огниво, кресало*. Вне всяких сомнений должно принять это второе значение слова «eslabon», поскольку изображение не имеет ничего общего со звеном цепи.

мии, которые, как русские полки вплоть до последнего времени, имели каждый свое индивидуальное знамя, чаще всего со святыми образами. Кодин описывает шесть пар этих знамен.

Но перед всеми этими парными знаменами (φλάμουλα) находится императорский щитоносец, держащий «дивеллий, который только один» (τὸ διβέλλιον, ὃ δὴ ἕνι μόνον ἕν), и щит императора; позади этого дивеллия расположены знамена деспотов, архонтов и высших должностных лиц[227].

Если император в походе или в другом месте, дивеллий всегда ему предшествует.

Кодин не описывает дивеллий, это по преимуществу императорское знамя; но мы можем думать, что оно несло именно крест с четырьмя *B*. Говоря об императорском флоте, Кодин говорит: капитаны военных кораблей поднимали «императорское употребительное знамя, то есть крест с огнивами, πυρέκβολα»[228]. Связывая этот текст со свидетельством брата-минорита из Севильи, мы видим, что на военном знамени около 1330 г., каким его видели на стенах крепостей и на всех военных кораблях Византии, был «крест, сопровождаемый четырьмя огнивами», как императорский герб. Помимо этого, деспоты, командующий войсками, великий адмирал и разные части армии имели собственные знамена с различными изображениями, чаще всего с образами святых[229].

В Городском музее в Венеции хранится географическая карта Средиземноморья, составленная в 1421 г.

---

[227] Codin. De Officiis Ecclesiae et aulae byzantinae. Ed. Bonn. P. 47–48.

[228] Ὁ μέγας δούξ, ὥσπερ ὁ μέγας δομέστικος εὑρίσκεται εἰς τὸ φωσσάτον ἅπαν κεφαλή, οὕτω κατὰ θάλασσαν οὗτος. Καὶ οἱ μὲν εἰς τὰ ἕτερα κάτεργα εὑρισκόμενοι ἄρχοντες ὡς κεφαλαὶ ἱστῶσι τὸ σύνηθες βασιλικὸν φλάμουλον ἤτοι σταυρὸν μετὰ πυρεκβόλωνρὲ (Codin. De Officiis Ecclesiae et aulae byzantinae. Cap. V (ed. Bonn. P. 28).

[229] Например, великий доместик как командующий армией имел свои знамена, которые отличались от знамени императора и которые он мог разворачивать даже перед последним: Ὁ δὲ μέγας δομέστικος ἄδειαν ἔχει ἐξαπλῶσαι τὰ ἑαυτοῦ, ὅτε βούλοιτο, καὶ πρὸ τῶν βασιλικῶν. (Codin. De Officiis Ecclesiae et aulae byzantinae. Cap. XVI (p. 83). Magnus dux имел знамя с конным изображением императора, οὗτος δὲ μέγας δούξ τὴν τοῦ βασιλέως στήλην ἱστησιν ἔφιππον. (Op. cit. P.28).

Франческо де Чезанис[230]. На ней видны знамена основных государств. Между городами Салоники и Константинополем находится знамя Византии – красное с прямым золотым крестом в сопровождении четырех золотых В. Эта карта – еще одно свидетельство того, что Византия уже знала знамя с гербами Палеологов, которое стало своего рода национальным знаменем. Мы можем подчеркнуть, что Франческо де Чезанис, возможно, скопировал свою карту с другой карты XIV в., так как он показывает знамя королевства Армении и знамена Лузиньянов в Киликии – что соотносится с реалиями до 1375 г.

Рисунки Чезаниса и брата-минорита из Севильи полностью совпадают с описанием, которое сделал герольд из Прованса времен Карла VII (1422–1461): «Король Роммении – червленое поле с золотым крестом и четырьмя греческими буквами, именуемыми бетекс, того же металла, взаимообращенными»[231]. Цвета – *красный* и *золотой* – одни и те же в трех случаях, что показывает, что это было уже гербом с устойчивыми изображениями и цветами.

Но что хотят сказать эти четыре *B*, которые в то же время стали «огнивами» (кресалами) – этот вопрос долгое время обсуждался в византиноведении. В хорошо документированном исследовании И.Н. Зворонос в совершенстве показал, что истоки этого герба Палеологов находились в крестах с инвокативной тетраграммой, использовавшихся на византийских монетах со времени Юстиниана[232]. На этих монетах можно видеть один крест с четырьмя *X* (Σταυρὲ Χριστοῦ χάριν χριστιανοῖς χάριζε), с четырьмя *E* (Σταυρὲ Ἑλένης Εὕρεσις Ἑβραίσος Ἔλεγχε), и с тетраграмма-

---

[230] Sathas V.C., ΜΝΗΜΕΙΑ. Documents relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Age. Vol. II. Paris, 1881. P. XV и таблица вне текста; Соловјев А. О постанку српског грба // Šišićev zbornik. Zagreb, 1929. P. 539.

[231] Цит по Du Cange Ch. Historiae byzantinae. Paris, 1680. P. 362; барон Кёне дал лучший текст в Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde. T. VI. 1846. S. 204; ср. Svoronos J.N., Journal international d'archéologie numismatique. Athènes, 1899. II.1899. P. 374.

[232] Σβορονοῦ I.N. Βυζαντιακὰ νομισματικὰ ζητήματα // Journal international d'archéologie numismatique. Athènes, 1899. II. P. 363 seq.

ми, образованными из различных букв (напр. ΣΒΡΔ = Σταυρὲ σου βοήθει Ρωμανὸν δεσπότην, монета Романа IV (1068–1071)). Со второй половины XIII в. на византийских монетах очень часто изображен один крест с двумя *B*, и еще чаще – с четырьмя *B*.

Уже Михаил VIII Палеолог приказал чеканить на своих монетах один крест с четырьмя *B*, что после 1261 г. стало наследственной эмблемой Палеологов.

Надо отметить, что в конце XIII в. четыре *B* еще не имели вполне точного положения, поскольку они были не более, чем инвокативными буквами. Тем не менее, они очень скоро приняли симметричное положение, которое поместило их по сторонам от основной перекладины креста («противообращенные» на геральдическом языке), и которое они имели уже на первых монетах Михаила VIII. Крест с четырьмя *B* находится на монетах одного Михаила VIII (1261–1275), Михаила VIII с Андроником II (1275–1278), брата Михаила, деспота Иоанна Палеолога, сеньора Родоса (1261–1275), Андроника II (1278–1321) и Андроника III (1321–1340). Он есть также на монетах сеньоров Родоса Виньоло деи Виньоли и Фулька де Вилларе, вассалов империи в 1307–1309 гг., так же как и на монетах Гаттилузи с Лесбоса с тех пор как Франческо де Гаттилузи получил в 1355 г. этот остров в приданое за Марией Палеолог, дочерью Андроника III.

Известно, что эта тетраграмма может прочитываться по-разному. С XVII в. ее читали как βασιλεὺς βασιλέων βασιλεύων βασιλεύουσιν (Царь царей царствующий над царями) или еще βασιλεὺς βασιλέων βασιλεύοντων βασιλεύει (царь царей царствует над царствующими), согласно традиции, сохраненной в доме маркизов де Монферрат, происходящих от Палеологов[233]. Г-н Зворонос убедительно показал, что этот гордый девиз не более чем позднее создание Возрождения и полностью не соответствует благочестивому характеру византийских императоров, которые никогда не звали себя «царями царей», относя этот эпитет только к Богу. Тетраграмма должна быть инвокацией, обращенной к божественному Кресту. Г-н Зворонос также предлагает некоторые новые прочтения этой тетраграммы,

[233] Marc Vulson de la Colombière. Science héroïque... Paris, 1644.

разделяя два *B*, которые имеют определенный смысл Σταυρὲ βασιλεῖ βοήθει (О, Крест, помоги царю)[234]. Он предлагает:

а) Σταυρὲ βασιλέως βασιλέων βασιλεῖ βοήθει;
[О, Крест Царя царей, помоги царю]
б) Σταυρὲ βασιλέως βασιλέων βασιλευούσῃ βοήθει
[О, Крест Царя царей, царствующему помоги];
в) Σταυρὲ βασιλέως βασιλέων βασιλεύων βασίλευε
[О, Крест Царя царей, царствующий царствуй].

Дю Канж дал следующее объяснение герба Палеологов: «haec sunt Constantinopolis insignia, crux aurea in coccinei coloris scuto posita, ac in spatiis inter crucis ramis vacuis litera *B* quator descripta, quae cum πυρεκβόλῳ, chalybi ex quo excutitur ignis (*igniarium* vocant, *fusil*) sit non absimilis, exinde Orientis imperatores quatuor chalybes igniarios in insignibus genere creditum; est tamen litera *B* quator picta, 4 sequentium verborum initialis, βασιλεὺς βασιλέων βασιλεύων βασιλεύουσιν (vide Marcum Vulsonium in scientia heroica)» [это есть инсигнии Константинополя, золотой крест, помещенный в щите червленого цвета, а в пустых пространствах между перекладинами креста, четырежды написанная буква *B*, что с πυρεκβόλῳ, стальными [кресалами] из которых исходят пламена (*огнивами* называемые, *кресалами*), расположенные неодинаково, отсюда императоры Востока четыре стальных кресала вроде гербов полагали; это же есть буква *B* четырежды нарисованная, 4 последовательных слов начала βασιλεὺς βασιλέων βασιλεύων βασιλεύουσιν (см.: Марка Вюльсона в Героической науке)][235].

Почему эти четыре *B* стали «огнивами» (кресалами) в западном объяснении? Вне сомнений потому, что искусство западного герба знало только «фигуры почетные и обычные» и никогда не знало употребления букв как фигур герба, герб должен был быть доступен пони-

[234] Svoronos J.N. Op. cit. P. 383.
[235] Du Cange Ch. Historiae byzantinae duplici commentario illustratae. Paris, 1680. P. 249; тот же герб изображен как «Stemma Palaeologorum» [Герб Палеологов] (Ibid. P. 230).

манию каждого неграмотного человека. Найдя же четыре *B* на знамени Палеологов, герольды и путешественники с Запада старались истолковать эти буквы как гербовые фигуры. Самой близкой фигурой было изображение «огнива», этой незаменимой вещи для каждого человека Средневековья.

Именно в это время «огниво» становится геральдической эмблемой славной фамилии Аччаюоли из Флоренции, этих герцогов Афинских после 1364 г. Известно, что монеты Флоренции имели с 1318 г. *signum acciaiuoli,* которым было огниво. Это были гласные гербы, поскольку acciaiuolo по итальянски точно значит *кресало.* Сами византийцы, которые сохраняли в своем флоте традиции генуэзского огня, вполне могли воспринять это объяснение их морского знамени, как πυρέκβολα (см. Кодина). Наконец, появление огнестрельного оружия в XIV в. должно было способствовать еще большей популярности *кресала* как изображения на их военном знамени.

В начале XV в. герцоги Бургундские восприняли *огниво* как [изобразительный] девиз их гербов; любопытно, что они начали переводить его как латинское *B* (Бургундия). Эта соединение кресала с буквой *B* совершенно соответствует двойному объяснению герба Палеологов Дю Канжем.

Это вопрос, который представляет интерес для обсуждения. Связь между гербами Сербии и гербами Палеологов несомненна, хотя представленные в них кресала различных форм: византийские похожи на буквы B, то время как сербские имеют форму букв *C*.

Следует объяснить, что средневековое кресало имело различные формы: оно могло быть открытым или закрытым, оно могло быть овальным или угловатым. Закрытое кресало (овальное или угловатое) имело форму от **B** до *B*; открытое кресало – форму от круглого *C* до квадратного **C**. Все эти варианты уже обнаружены в раскопках Восточной Европы, датируемых VIII–XI вв.[236]

[236] В раскопках Гнездово, Ладоги, Бодрог-Веч [Словакия], Немана и т.д. (Niederle L. Život starých Slovanu. (Slov. Starož. I, 4) Praha, 1913. S. 866–871 и табл. LVI, №№ 8–20); это «славянские» кресала. На-

Еще и сегодня мы можем встретить те же самые формы в далеких от Балкан областях[237].

Геральдическое огниво Византии, инвокативное происхождение которого было известно, часто представляет форму *B* (овального), совсем как огниво Бургундии. В то же время огниво Аччаюоли 1318 г. имеет вид квадратного *C*. Такая форма дана монахом в 1330 г., так же как и Дю Канжем, в гербе Палеологов.

Уже испанский францисканец 1330 г. объяснял византийское знамя как носящее четыре «eslabones» (огнива). Это объяснение, принятое Кодином, хотя герольд Карла VII знает, что это «греческие буквы, именуемые betex». Дю Канж соединяет эти два объяснения в своем труде. Этот прямой крест, окруженный четырьмя огнивами должен быть рассматриваем как подлинный герб Палеологов (и eo ipso Империи) с 1327 вплоть до 1453 г.

Мы обнаруживаем его высеченным на воротах Константинополя (мраморные плиты XIV или XV вв.)[238]. Это он [крест], а не двуглавый орел есть герб маркизов де Монферрат (возможно с 1305 г.). Это он был нарисован Дю Канжем в качестве *stemma paleologorum* [герба Палеологов] и мы думаем, что Дю Канж был вполне осведомлен о вышесказанном[239].

Этот же самый крест с четырьмя огнивами появляется также в Сербии, где он становится в течение последних веков национальным гербом. Уже большое металлическое паникадило из монастыря в Дечанах, дати-

---

против, кресала тюрко-татарские имеют всегда форму *O* круглого или квадратного.

[237] Вполне можно говорить об огнивах в форме *B* и в форме *C*, как для музыкальных инструментов. В 1933 г. в Биело-Поле мы собрали маленькую коллекцию различных кресал; они представляют совсем средневековые формы.

[238] Отмечены Д. Аврамовичем (Avraamović D. Света Гора са стране вере, художества и повестнице описана. Belgrad, 1848. P. V), который их принимает за герб Сербии. И. Эберсольт полагает, что это гербы Генуи: «монограмма, помещенная в щитке герба Генуи указывает на сюзеренитет Палеологов» (Ebersolt I. Sculptures de l'Orient latin aux musées de Constantinople // Mélanges offerts à G. Schlumberger. Paris, 1924. T. II. P. 432–435). Это объяснение нам кажется ошибочным.

[239] Du Cange Ch. Familiae byzantinae... P. 230;

руемое 1397–1402 гг., являет нам кресты со взаимообращенными четырьмя огнивами, которые образуют четвертый вариант – они имеют вид букв *С* (овальные открытые огнива). Это первый случай, когда мы обнаруживаем герб Палеологов на сербской земле[240]. Трудно сказать почему он находится на этом предмете, даре княгини Милицы, вдовы Лазаря (ум. 1389), рядом с двуглавыми орлами. Милица ли его взяла первой как украшение на византийский лад или, может быть, эта эмблема уже была принята Душаном[241] как герб его сербско-греческой империи? Надо сказать, что в Средневековье эта эмблема гораздо менее известна в Сербии, чем двуглавый орел. Мы не находим более тому примеров ни в XIV, ни в XV вв.

Этот герб еще не был известен автору пергамента 1482 г., который тем не менее представляет нам двуглавого белого орла как гербы Неманичей[242]. Но вот уже в 1516 г. этот крест обнаруживается на сабле сербского сеньора, Михаила Рашковича: он несет девиз: Serbia[243]. Прямой крест там окружен четырьмя крестиками. Кажется, что венгерский ювелир, который украшал эту саблю, смешал открытые овальные огнива с изображением очень похожих полумесяцев. На той же сабле имеется щит с двуглавым коронованным орлом: это должно быть герб фамилии Рашковичей, которые считались предками сербских деспотов[244].

---

[240] Это паникадило было описано Г. Юришичем (Юришићъ Г. Дечански првенацъ. Нови Сад, 1852. С. 30) и А.Гильфердингом (Гильфердинг А. Собрание соч. Т. III. Москва, 1873. С. 132). См. Dimitrijević St. Грб српске патријаршије // Богословле. IV. 1929. С. 107. Фотография есть в Soloviev A. Postanok... // Гласник Скоп. Н. Др. XII. 1932. С. 125.

[241] Это мнение Ст. Станоевич (Stanojević St. О српском грбу // Гласник Ист. Др. у Н. Саду. III. С. 100.

[242] Этот пергамент изображает как «Гербы королевства Сербии» лазурный щит с тремя серебряными конскими подковами. Этот герб неизвестного происхождения повторяется в гербовнике 1595 г. как «Arma Rasciae» (Soloviev A. Op. cit. P. 111, 113).

[243] Эта сабля, дамасцированная золотом, находится в частной коллекции г-жи Брлич-Мазуранич в Броде, где мы ее видели в июле 1934 г.; она еще не опубликована.

[244] Об этих Рашковичах см. Bogišić V., Разборъ книги Попова: Россия и Сербія. СПб, 1872. С. 22.

Наконец иллирийский гербовник 1595 г., который является так называемой копией гербовника царя Душана, содержит под № 18 герб Неманичей: двуглавого серебряного орла в червленом поле, и под № 13 «arma Surbiae»: прямой серебряный крест в червленом поле, окруженный обращенными в стороны четырьмя золотыми огнивами. Огнива там овальные и открытые, совсем как на паникадиле из Дечан[245].

Трудно объяснить, почему составитель 1595 г. взял эту эмблему, столь мало известную в средневековой Сербии в качестве гербов Сербии. В любом случае оба независимых примера, которые мы привели, показывают, что определенная традиция окруженного креста жила в Сербии наряду с гораздо более сильной традицией двуглавого орла.

Этот крест был повторен как герб Сербии в вариантах иллирийского гербовника, сделанных в XVI в. Любопытно, что огнива в них иногда изменяют свою форму. Белградский гербовник их делает подобными лезвиям алебарды, а Фойницкий гербовник (кон. XVI в.) – на полумесяцы[246].

И наконец, Stemmatographia, изданная в 1701 г. Павлом Риттер-Витезовичем, популяризировала эти гербы Сербии[247]. Она представляет огнива в их исходной форме (как в гербовнике 1595 г.) и сопровождает герб следующими стихами:

Signa crucem, chalybesque rubro fert Serblia campo.
Pro cruce non paucos Serblia passa focos.
Nunc cruce prostrata, tamen ultro sustinet ictus;
Hinc fato et facto Servia dicta venit.

[Знаки креста и огнива носит Сербия в красном поле
За крест Сербия прошла немало огней;
Ныне крестом повержена, но и далее держит удары.
По участи и на деле называться Сервией (рабыней) стала.]

---

[245] Soloviev A. Glasnik Skop. N. Dr. XII. C. 124. Рис. 1–2.
[246] См. Soloviev A. Op. cit. C. 124. Рис. 3–4.
[247] Novaković St. Heraldički običaji. S. 138; Šišić F. O srpskom grbu // Savremenik. IV. Zagreb, 1909. S. 68.

Это объяснение частично основывается на произведении Дю Канжа. Французский византинист опубликовал «Arma Regni Serviae» [«Гербы королевства Сербии»], которые он нашел у Орбини, со следующим объяснением: «Maurus Orbinus adsignat Serviae crucem cum quator igniariis, quae *fusilia* dicimus» [Мауро Орбини обозначает Сербию крестом с четырьмя огнивами, которые мы называем *кресалами*][248]. Описывая гербы сербского короля Вукашина, найденные также у Орбини, Дю Канж говорит: «Vucassino pro armorum insignibus, regni ipsius Serviae, insignia adsignat Orbinus, crucem scilicet, quem planam dicunt, cum quator igniariis, vel literis B ad singula areae latera, habente in centro aquilam coronatam cum alis expansis» [Вукашину в качестве знаков гербов Орбини приписывает инсигнию самого королевства Сербии, то есть крест, который называют прямым, с четырьмя огнивами, либо буквами *B* в каждом углу поля, и имеющую в центре коронованного орла с распростертыми крыльями][249].

Дю Канж ошибался, давая двойное объяснение сербского герба как огнив и как букв *B*, заимствованных из герба Палеологов, потому что сербские кресала всегда походят на букву *C*. В последующие века это сходство породило достаточно распространенные фантастические прочтения. Эти четыре фигуры интерпретировали именно как буквы *C*, которые должны означать: Србија (Сербия) или Свети Сава (св. Савва, покровитель Сербии) или, наконец, Само слога Србе спасава (только союз спасет Сербов)[250].

Все эти интерпретации образованных людей XIX в. не мешали тому, что этот герб, принятый в 1838 г. как герб возрожденной Сербии, был официально описан

---

[248] Du Cange Ch. Familiae byzantinae... P. 267 (рисунок), 293. Надо отметить, что у Орбини нет отдельного герба Сербии, который представляет собой лишь четверть составного герба царя Душана, скопированного Орбини из гербовника 1595 г.

[249] Ibid. P. 295. Гербы Вукашина были взяты Орбини из гербовника 1595, № 19 (Mergnavcich) См. Soloviev A. Op. cit. P. 115. Рис. № 19.

[250] Ник. Душич полагал, что сербский герб ведет свое происхождение от печати св. Савы, которая несет четырежды слово: САВА. (Гласник, 56. 1884. С. 33; Старинар. I. 1884. С. 15–16). Эта гипотеза была опровергнута Пера Попович (Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Т. IV. 1924. С. 248–250.

так: «крест, окруженный четырьмя огнивами (ocila)». В 1884 г. по случаю провозглашения королевства Сербии, этот герб был соединен с белым двуглавым орлом[251], образовав щит в сердце орла (как щит Москвы в гербах России). Таким образом, Сербия в наше время соединила два герба Византии в один, который стал также основной фигурой гербов Югославии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этот сравнительный обзор позволяет нам сделать некоторые новые заключения. Они могут дополнить слишком отрицательные точки зрения Ламброса и Хайзенберга, которые пользовались только византийскими источниками.

Двуглавый орел имеет несомненно восточное происхождение. Мы видим его появляющимся в Халдее и на гигантских хеттских барельефах в Каппадокии. Он там дремлет более двух тысяч лет, но к XI в. после Р.Х. он снова возникает в восточных орнаментах: мы обнаруживаем его на парче XI в., и особенно XII и XIII вв., происходящей из Малой Азии, Ирака, Кордовы и Палермо. Это сказочное животное становится столь же распространенным как грифон и львы. Он распространен также на барельефах восточного облика, подобных барельефу из Стара-Загора, который датируется XI или XII в.

Мы можем также утверждать, что Византия уже во времена Комнинов знала двуглавого орла как восточный *орнамент*. Мода на восточные ткани в Константинополе привела к тому, что двуглавый орел стал украшением придворных одеяний и почти полностью заменил нормального орла, который происходил из Рима. *Этеры* XI и XII вв. в Византии наверняка носили двуглавых орлов (τοὺς ἀετοὺς διπλούς 1142 г.). Этот факт засвидетельствован славянскими фресками. С тех пор уже около 1200 г. на одеяниях сербских государей мы видим орлов, имеющих две головы и никогда одну. То же самое на одеяниях русских государей (около 1220 г.

[251] Должно заметить, что в гербах Сербии орел и крест – серебряные (белые), в то время как орел и крест Византии всегда золотые (в червленом поле).

и, может быть, в 1054 г.), и на монетах Палермо (начиная с 1202 г.).

Мы можем также констатировать, что при последних Комнинах двуглавый орел стал *инсигнией* императорского двора. Но он не был *гербом,* поскольку в это время Византия еще не знала гербов. Напротив, мы можем говорить, что в конце XII в. этот орел стал сарацинским гербом, а именно султанов Амиды и Синджара.

Достаточно примеров распространенности двуглавого орла в Европе нам дает XIII в. Две дочери Бодуэна I де Куртенэ принесли его в Савойю и во Фландрию, возможно под византийским влиянием. «Rex Russiae» Даниил около 1235 г. приказал его высечь на рубежах своего королевства. Сербские государи часто представлены в одеяниях ἀετάρια πολυγύρα. Фридрих II и его сыновья усвоили орла с двумя головами, как символ Империи наряду с одноглавым орлом.

Мы не располагаем никакими данными, чтобы утверждать, что императоры Никеи пользовались этим орлом, но мы можем думать, что традиция этого изображения в Трапезунде, засвидетельствованная портоланами около 1327 г., обязана своим происхождением тому, что двуглавый орел расценивался как *эмблема* Комнинов, а не Ласкарей.

Восстановление Византии при Палеологах тем самым ослабило триумфальное шествие двуглавого орла. Палеологи начиная с конца XIII в. имели другую *эмблему* – крест с четырьмя В, который стал к 1327 г. (или ранее) настоящим *гербом* Палеологов и ео ipso – знаменем Византийской империи. Этот герб остался в семье Палеологов после крушения Империи. Он утвердился также в Сербии (как орнамент ок. 1397 г., как герб страны с 1516 г.).

Между тем двуглавый орел остался в Византии, но только как одна из инсигний василевсов (на suppedia с 1293 г., на одеяниях и покрывалах). Можно даже сказать, что он был скорее *эмблемой* высших сановников двора (главным образом деспотов), чем самих василевсов.

Сербские и болгарские источники XIV в. нам показывают, что двуглавые орлы гораздо чаще встречаются на одеяниях и на монетах деспотов (Оливер, Констан-

тин) и королей (Вукашин и Марко), чем на одеяниях и монетах императоров. На одеяниях императоров никогда нет орлов, но монеты болгарских царей составляют исключение из этого правила.

Когда короли Боснии в 1377 г. стремились к наследству Неманичей, они уже рассматривали двуглавого орла как наследственный герб Неманичей.

Во времена сербских деспотов мы видим интересный факт: эти деспоты из разных фамилий часто имеют свои фамильные гербы, но они их сочетают с двуглавым орлом, как эмблему их δεσποτεία, полученную законным образом из Византии. Также и византийские деспоты, прежде всего из Мистры, часто пользовались двуглавым орлом, намного чаще, чем василевсы, которые остались верны своему тетраграммному кресту.

К концу XIV в. двуглавый орел (черный в золотом поле) постепенно стал гербом Священной Римской империи, оставив римского орла королю Рима. Тогда западноевропейцы стали придавать большее значение византийскому орлу (золотому в червленом поле), поскольку начали его принимать (ошибочно) за герб Империи Востока.

Династы Албании и Эпира (деспоты Музаки, Мелиссины и другие) также охотно пользовались двуглавым орлом как византийской *инсигнией,* которая с некоторыми изменениями стала их гербом. Также поступали последние династы Черногории (после 1485 г.) и деспот Мирча Валашский.

Наконец, русский суверен в 1472 г. принял двуглавого орла, может быть и по праву, поскольку взял в жены дочь *деспота* Мистры. Тогда этот орел вошел в герб России, первоначально как герб родства, затем как эмблема византийского наследования и, наконец, как герб Российской Империи.

Подлинный *герб* Византии, четырехбуквенный крест, остался только у различных ветвей Палеологов в эмиграции, и (с изменениями цвета) у сербской нации, которая, возрождаясь, соединила в 1884 г. две византийские, равным образом наследственные, эмблемы.

Александр Соловьев, Белград
Перевод с франц. А.П.Черных

Комментарии

С. 109

Константин Великий (ок. 285–337) – римский император с 306 г.

Музаки, Иоанн – Музаки, крупный албанский феодальный род, выдвинувшийся в XIV в. после смерти Стефана Душана. В XV в. домен Музаки (Музакия) находился между реками Шкумбини и Семани. Джованни (Иоанн) Музаки эмигрировал в Италию, где в 1510 г. написал посвященную истории своего рода книгу «Breve memoria de li discendenti de nostra kasa Musachi», в которой стремился обосновать значительные сеньориальные притязания рода. Сочинение содержит ряд данных, в том числе генеалогических.

Нума Помпилий – второй царь Древнего Рима в 715–672/673 гг. до н.э.

Помпей Великий, Гней (106–48 г. до н.э.) – римский полководец.

Цезарь, Гай Юлий (102/100–44 г. до н.э.) – римский диктатор и полководец.

Октавиан Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) – римский император.

Тарпейская скала – утес с западной стороны Капитолийского холма в Древнем Риме.

Тит Ливий (59 до н. э.–17 н.э.) – римский историк.

Марий, Гай (ок. 157–86 г. до н.э.) – римский полководец.

С. 110

...«выдумки» Возрождения – представления XVI в. о «римских гербах», сообщаемые И. Музаки, бытовали в Италии достаточно давно. Он почти дословно воспроиз-

водит текст «Новой хроники» Дж. Виллани (Кн. I, гл. 40) первой трети XIV в. (См. Виллани Дж. Новая Хроника, или история Флоренции / Пер. М.А. Юсима. М., Наука, 1997. С. 32–33). Античный Рим не знал гербов, но «геральдизация» античных исторических лиц во времена классического Средневековья получила широкое распространение. Так, наделение Юлия Цезаря орлом в качестве герба известно по многим гербовникам.

Катилина (ок. 108–62 г. до н.э.) – римский претор, глава заговора.

Антоний, Марк (ок. 83–30 г. до н.э.) – римский полководец.

Саллюстий, Гай (86–ок.35 г. до н.э.) – римский историк.

Лукан, Марк Анней (39–65 г. н.э.) – римский поэт, автор поэмы «Фарсалия, или О гражданской войне».

непот – родственник (от лат. nepos – внук, племянник).

С. 111

Комнины – династия византийских императоров в 1081–1185 гг.

Баласчев, Георги Димитров (10.4.1869–6.10.1936) – болгарский историк и археолог, автор работ по средневековой истории Болгарии. Создатель Археологического и Этнографического музеев в Софии. Редактор сборника «Минало».

Кондаков Никодим Павлович (1(13).11.1844–17.2.1925) – русский историк византийского и древнерусского искусства, археолог. В 1922 г. переехал в Прагу, где преподавал в Карловом университете. Объединившийся вокруг него кружок молодых ученых, известный впоследствии как Seminarium Kondakovianum, был в 1931 г. преобразован в Археологический институт им. Кондакова.

Ламброс, Спиридон (1851–1919) – греческий историк и государственный деятель, профессор Афинского университета (1887–1917); основатель журнала «Неос Эллиномнимон» (Νεὸς Ἑλληνομνήμων); автор «Истории Греции с древнейших времен до царствования короля Оттона» (Istoria tis Ellados met' eikonon apo ton arxaiotaton xronon mexri tis vasileias tou Othonos). Vol. 1–6. Афины,

1886–1908, каталога греческих рукописей Афона (1895–1900).

Хайзенберг Август фон (August von Heisenberg) (13.11.1869–22.11.1930) – немецкий византинист.

С. 112

Зворонос И.Н. (Ioannes N. Svoronos) (1863–1922) – греческий историк, автор многочисленных публикаций по средневековой нумизматике.

Феодор Ласкарь – Феодор I Ласкарь (1204–1222), византийский император из династии Ласкарей, основатель империи в Никее.

Никея – город в Малой Азии (совр. г. Изник), столица византийской Никейской империи в 1204–1261 гг.

Хетты – население Хеттского царства в Малой Азии (XVIII – нач. XII в. до н.э.)

Каппадокия – историческая область в центре Малой Азии, на территории которой находилось в XVII–XII вв. до н.э. Хеттское царство.

Беес Никос А. (Bees N.A.) – греческий историк.

Палеологи – династия византийских императоров в 1261–1453 гг.

Михаил VIII Палеолог (1224–1282) – никейский император с 1259 г. Основатель династии Палеологов.

хрисовул – золотая вислая печать в Византии; название грамоты, скрепленной такой печатью.

Андроник II Палеолог (1282–1328) – византийский император, деспот Мистры в 1316–1322 гг.

Монемвасия – город на юго-вост. оконечности п-ова Пелопоннес, известен с VI в. (Мальвазия).

болгарский царь Михаил, Михаил Болгарский, Михаил IV Шишман – Михаил Шишман Асень (?–1330), видинский деспот, избранный болгарским царем в 1323–1330 гг. из династии Тертеров. С 1324 г. во втором браке с внучкой императора Византии Андроника II.

С. 113

Латинские императоры – в 1204–1261 гг. главы государства, основанного участниками Четвертого кре-

стового похода на землях Византии со столицей в Константинополе.

Мушмов, Никола (1869–1942) – болгарский нумизмат, директор Археологического музея в Софии (1928–1931).

Рот, Уильям (Wroth W.) – английский нумизмат втор. пол XIX – нач. XX в., автор каталогов: Wroth W. Imperial bysantine coins in the British museum. Vol. I–II. London, 1908 (переизд. в 1966 г.) и Wroth W. Western and Provincial Byzantine Coins of the Vandals, Ostrogoths, and Lombards, and of the Empires of Thessalonica, Nicaea, and Trebizond in the British Museum. London, 1911 (переизд. в 1966 г.).

Осман I Гази́ (1258–1326) – основатель Османского государства и родоначальник династии турецких султанов, правивших в 1299/1300–1922 гг.

... оплакиваемого... византиниста – Н.П. Кондакова.

С. 114

Типальдос Г. (Tipaldos G. E.) – греческий историк и археолог.

Дю Канж, Шарль (Charles Du Fresne, seigneur Du Cange) (1610–1688) – французский историк-эрудит, специалист по европейскому Средневековью, византинистике, генеалогии и геральдике.

Станоевич, Станое (Станојевић) (12.8. 1874–20.7.1937) – сербский историк, с 1927 председатель Югославского исторического общества, автор трудов по истории средневековой Сербии.

Стефан Душан (ок.1308–1355) – король Сербии с 1331 г., царь сербо-греческого царства с 1345 г. из династии Неманичей.

С.115

Стефан I – имеется ввиду Стефан Первовенчанный (?– 1227), великий жупан с 1196 г., король Сербии с 1217 г. из династии Неманичей.

Алексей II Комнин (1180–1183) – византийский император.

Неманичи – сербская династия втор. пол. XII в. – 1371 г., основанная Стефаном Неманей (1113/1114–1200).

Джерола, Джузеппе (Gerola, Guiseppe) (1877–1938) – итальянский историк искусства, археолог, реставратор, специалист в области геральдики, сигиллографии, нумизматики и эпиграфики.

Богазкёй – современное название населенного пункта в излучине р. Кызыл-Ирмак на месте древней столицы хеттов Хаттусы, в 150 км к востоку от Анкары. Культурный слой с III в. до н.э. Открыто в 1834 г. Ш. Тексиером; ведутся комплексные раскопки с 1882 г.

С. 116

Лагаш – древнее государство в Шумере на территории совр. Ирака с одноименной столицей (кон. 5 тыс. до н.э. – XXI в. до н.э.).

Халдея – историческая область, населенная племенами халдеев (1 пол. 1 тыс. до н.э.) в Юж. Месопотамии.

С. 117

Нингирсу – божество из круга богов г. Лагаша. Эмблематически выражается (и символизируется) львиноголовым орлом Анзудом. В числе прочих подвигов Нингирсу сражался с шестиголовой овцой, семиголовым львом: двуглавость орла в таком контексте выглядит скромно. (См. Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 221).

Язылыкая – место расположения хетского святилища в нескольких километрах от Богазкёй.

Птерия – город (и регион) в Каппадокии (северное побережье совр. Турции).

Эйюк (совр. Аладжа-Хююк) – холм к северу от Богазкёй. Систематические раскопки хеттского города ведутся с 1935 г. Ко времени Хеттского царства относятся остатки оборонительных стен и ворота с рельефами.

С. 120

...гербы Адама, Ноя и Соломона – Дело не в простодушии авторов геральдических описаний мнимых анахроничных гербов. Наделение этих исторических, а равно и фантастических персонажей гербами вытекало из

представлений людей позднего Средневековья о месте этих персонажей в социокультурной иерархии. Для них герб был атрибутом этой иерархии вне всякого сомнения. Таковы описания и нередко разнообразные изображения гербов Нерона, Иуды Маккавея, короля Артура, Юлия Цезаря, Пентесилеи и других.

Сасаниды – династия иранских правителей в 224–651 гг.; происходит из Парса.

С. 121

Фальке, Отто (Falke, Otto von) (1862–1942) – немецкий историк искусства.

Артукиды (Ортокиды, Ортукиды) – династия эмиров Хисн Кайфы и Амиды, потомков эмира Артука ибн Эксеба (Турция), правившая в 1098–1232 гг., вассалы Сельджукидов.

Амида (совр. Диярбакыр) – город в Верхней Месопотамии в верховьях р. Тигр.

Нур-ад-дин Мухаммад (1167–1185) – эмир из династии Артукидов, в 1182–1183 гг. союзник египетского султана Салах ад-дина против мосульского эмира Масуда I, получивший в награду Амиду.

Хисн-Кайфа – в Средние века город на правом берегу р. Тигр, на середине пути между Диярбакыром и Джизре, совр. Хасанкейф (Турция).

Саладин (Салах-ад-Дин Юсуф ибн-Айюб) (ок. 1137–1193) – полководец, египетский султан с 1175 г. Основатель династии Айюбидов, правившей в Египте, Сирии, Ираке и Йемене.

Насир-ад-дин Мухаммад (1200–1221) – эмир из династии Артукидов, сын Нур-ад-дин Мухаммада.

Зенгиды – династия (1127–1222), основанная сельджукским военачальником, эмиром Мосула Имадом ад-Дин Зенги (1087–1146).

Конья, Конья (греч. Иконий) – центр Иконийского (Румского) султаната, государства сельджуков в Малой Азии в кон. XI – нач. XIV вв.

Кейкобад (Гийас ад-Дунийа ва-д-Дин Кай Хусрав ибн Кай Кубад) – иконийский (румский) султан в 1236–1245 гг.

Эрзурум (Эрзерум) – населенный пункт в восточной части совр. Турции (арм. Кари, визант. Теодосиополис, араб. Каликала).

Айюбиды (Эйюбиды) – династия правителей в кон. XII–XIII вв. в Египте, Сирии, Месопотамии, Юж. Аравии.

С. 122

Мосул – город на севере Ирака на р. Тигр. В Средние века центр одноименного султаната.

Чингисхан (Темучин) (ок.1155–1227) – основатель и великий хан Монгольской империи.

Хубилай (1215–1294) – монгольский великий хан с 1260 г., внук Чингисхана.

С. 123

Зигбург (нем. Siegburg) – город в Германии, в земле Северный Рейн-Вестфалия, расположен при впадении р. Аггер в р. Зиг.

Св. Бернард Кальво (Bernard de Calvo) (?–1243) – цистерцианец, с 1226 г. первый настоятель монастыря Св. Креста в Таррагоне (Испания), епископ в Вике (с 1233 г.), инквизитор (с 1235 г.). Фрагменты тканей с рисунками найдены в XIX в. в его захоронении.

...в Вике – имеется в виду коллекция произведений романского искусства в Епископском художественно-археологическом музее при соборе Св. Пера в Вике (Каталония).

...из музея в Лионе – Музей истории ткани в Лионе (Франция). В 1930-х гг. – часть основанного в 1864 г. Музея Искусства и Промышленности. Обладает большой коллекцией персидских и коптских ковров, тканей сасанидской Персии, мавританской Испании, средневековых сицилийскиих и итальянских тканей.

С. 124

Кордова – город в Испании (Андалусия). В Средние века – столица Кордовского эмирата и халифата.

Палермо – город на о. Сицилия. В XII–XIII вв. резиденция королей Сицилийского королевства.

Лукка – город в Тоскане, в Центральной Италии. Поселение с III в. до н.э.

Порфирогенет – букв. «рожденный в Порфире», особом помещении в императорском дворце; прозвище Константина VII Порфирогенета (Багрянородного) (905–959) – византийского императора в 908–959 гг. из Македонской династии.

Кодин, Георгий (Georgios Kodinos) – византийский автор XV в. Ему приписываются трактаты Patria (история, топография и памятники Константинополя), De Officiis (О службах византийского двора).

С. 125

Масперо, Жан (Maspero, Jean) (1885–1915) – французский историк-византинист, автор «Истории александрийских патриархов» (Histoire des Patriarches d'Alexandrie. Depuis la mort de l'Empereur Anastase jusqu'à la réconciliation des églises jacobites (518–616). P., 1923) и каталога Papyrus grecs d'epoque byzantine. Le Caire, 1911–1916.

labarum – христианский символ на государственном одноименном знамени Рима со времен императора Константина Великого (IV в.).

Юлиан Отступник (331–363) – римский император.

signum draconis (draco) – введенный при императоре Траяне ок. 100 г. н.э. воинский знаменный знак по парфянскому или дакскому образцу в виде окрашенного дракона из материи. Императорское знамя в виде дракона атрибут битв и церемоний.

С. 126

Зинон (474–491) – византийский император.

Тиверий – Тиверий II (578–582), византийский император из династии Юстиниана.

Маврикий (582–602) – византийский император.

Ираклий (610–641) – византийский император.

протоспафарий – титул византийской служилой знати среднего уровня, обычно жалованный военным.

Кютахья (Kütahya) – город на западе Турции. Поселение с X в. до н. э., в античную эпоху – Котиэйон. Византийская крепость. В сельджукскую эпоху известен

гончарным производством. В 1260 г. – столица бейлика (княжества) Гермиян. В 1429 г. владения отошли к османскому султану.

Паммакариста – монастырь с церковью XIII – нач. XIV вв. неподалеку от Константинополя. После падения Константинополя патриаршая церковь (1455–1587). С XVI в. мечеть Фетие-джами.

Алексей I Комнин (1081–1118) – византийский император, основатель династии Комнинов.

С. 127

Халкис – главный город на о-ве Эвбея в Эгейском море.

С. 128

Кёне, Бернгард (Борис) Васильевич (барон, von Koehne 1817–1886) – археолог, нумизмат, управляющий Гербовым отделением Департамента герольдии.

Ватопедский монастырь, Ватопед – монастырь на северо-восточной стороне Афонского полуострова. Основан в 972–985 гг. Главный собор монастыря (X в.) освящен во имя Благовещения Пресвятой Богородицы.

Иверский монастырь, Иверон – монастырь на Афоне. Основан в X в. на месте развалин древнего Климентого монастыря иноками из династии Багратионов. Ктиторы и насельники из Иверии дали монастырю название «Иверский». До конца XVI в. находился в упадке, в XVII в. был возрожден.

Эсфигменский монастырь, Эсфигмен – монастырь на Афоне. Основан, предположительно, в V в. императором Феодосием II, воссоздан в X в. Соборный храм посвящен Вознесению Господню.

Хиландарский монастырь, Хиландар – монастырь на Афоне, основанный, ок. X в., впервые упоминается как греческий в 1076 г. Оставлен в 1169 г. и восстановлен как сербский Стефаном Неманей и свт. Саввой в 1198 г. на месте кельи некоего Григория Хелендария. В нач. XIV в. самым крупным его благотворителем и строителем был Милутин. Многие сербские храмы строились в подражание главному храму Хиландарского монастыря.

Лазарь – Лазар Хребелянович (ок.1329–1389), сербский князь с 1371 г.

Стара-Загора – город в центральной Болгарии. В Средние века неоднократно менял название. Настоящее название существует с 1871 г.

С. 129

Дафни – местность в 10 км от Афин. Византийский монастырь с храмом Успения Богородицы.

...патриарх Константий отмечал в 1824 г. – вероятно опечатка, и имеется в виду вселенский константинопольский патриарх Константин I (18.07.1830–30.08.1834).

Анна Комнина, Анна Комнина Дука (1083–1153/1155) – византийская принцесса, старшая дочь императора Византии Алексея I Комнина и Ирины Дука. В младенчестве была обручена с Константином Дукой, сыном и соправителем императора Михаила VII Дуки. Автор «Алексиады».

С. 131

Пафлагония (греч. Paphlagonía) – историческая область в Малой Азии на побережье Черного моря (часть совр. Турции)

Жуанвиль, Жан (ок. 1224–1317) – участник Седьмого крестового похода, автор воспоминаний о нем («Жизнь Людовика Святого»).

Фридрих II Штауфен (1194–1250) – король Сицилии с 1197 г., германский король с 1212 г., император Священной Римской империи с 1220 г.

С. 132

Страда, Оттавио (Strada, Ottavio de) (1550–1612) – писатель, коллекционер и антиквар, специалист по эмблематике. Автор соч. De vitis Imperatorum et Caesarum Romanorum... Francofurti ad Moenum, 1615 и Genealogia et series serenissimorum & potentissimorum Austriae ducum, archiducum, regum, et imperatorum... Lugduni Batav., 1664.

Феодор II – Феодор II Ласкарь (1221–1258), император Никейской империи в 1254–1258 гг. из династии Ласкарей, сын императора Иоанна III, писатель, философ, покровительствовал развитию наук и искусств в Никее.

Никифор Григора (ок. 1295–1360) – византийский историк. Главным трудом является «История ромеев» («Римская история») в 37 книгах, описывающая события с 1204 по 1359 гг. Продолжает и дополняет труд Георгия Пахимера.

С. 133

севастократор – византийский почетный титул, введенный в XI в. Алексеем I Комнином для своих родственников и высшей имперской аристократии, позволивший Алексею Комнину выйти из-под влияния бюрократической знати. В Византии не было родовой аристократии, на которую он мог бы опереться. Первоначально не связан со службой.

Русский монастырь на Афоне – Пантелеимонов монастырь на Афоне, осн. в XII в.

Михаил VIII Палеолóг (1224/1225–1282) – деспот (1258), никейский император с 1259 г., византийский император с 1261 г., основатель династии Палеологов.

Пахимер Георгий (Georgios Pahymeres) (1242 – ок. 1310) – византийский писатель и историк, автор «Истории» Византии (1255–1308 гг.).

Мануил II Палеолóг (1350–1425) – византийский император в 1391–1425 гг. из династии Палеологов, второй сын императора Иоанна V и Елены Кантакузин.

Мистра (ср.-век. Myzithras) – город в Морее (Пелопоннес), на горе Тайгет. С 1249 г. – центр Ахейского княжества, в 1261–1460 гг. столица Морейского деспотата.

деспот – высший титул византийской знати, жалуемый императором близким родственникам, ставшим таковыми благодаря браку с престолонаследницей (с эпохи Мануила Комнина). После 1261 г. – просто высший титул для родственников императора, не связанный с престолонаследием. В поздневизантийский период благодаря брачно-родственным связям этот титул переняли представители правящих кругов южнославянских государств.

С. 134

Иоанн VI Кантакузин (1341–1355) – византийский император из византийского знатного рода Кантакузинов.

вотивная (лат. votivus – посвященный богам) – относящаяся к посвящаемым божествам предметам, текстам надписей. В данном случае – обетная.

Мануил Кантакузин (1326–1380) – представитель знатного византийского рода Кантакузинов, выдвинувшегося в кон XI в., отец императора Иоанна VI, получил в удел Пелопоннес (Морею). Деспот Мореи с 1349 г.

Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес в южной части Греции. В XIV–XV вв. образовывала одну из провинций Византии— Морейский деспотат (с центром в Мистре). В 1460 г. покорена турками-османами.

Феодор I Палеолог (1383–1407) – византийский император из династии Палеологов, деспот Мистры.

Иоанн VIII (1425–1448) – византийский император из династии Палеологов.

Констанцский собор – вселенский собор католической церкви 1414–1418 гг. в г. Констанц (Германия). Созван папой Иоанном XXIII с целью ликвидации «великой схизмы» и реформы церкви.

С. 135

Ульрих из Рихенталя (Ulrich von Richental) (1356/1360–1437) – житель Констанца, автор иллюстрированной многочисленными гербами «Хроники Констанцского собора» (Chronik des allgemeinen Konzils zu Konstanz), созданной в 1420–1430 гг.

Флорентийский собор в 1438 г. – Феррара-флорентийский собор церкви, созванный папой Евгением IV 1438–1445 гг. в противовес Базельскому собору. В соборе приняла участие делегация православной церкви. Главной целью собора была уния между западной (католической) и восточной церквами при сохранении догматических и литургических особенностей.

Сфрандзи, Георгий (1401– ок.1478) – византийский историк, автор т. н. «Малой Хроники», секретарь императора Константина IX.

Бучинторо (итал. Bucentaure), Букентавр, Буцентавр – церемониальная галера дожей Венеции, на которой

дож выходил в море для совершения церемонии обручения Венеции с Адриатическим морем в XII в.–XVIII вв.

...труп Константина XI был опознан... – по сообщению Г. Сфрандзи, тело, предположительно принадлежавшее императору *Константину XI* Палеологу (1405–1453), последнему византийскому императору из династии Палеологов, правившему в 1449–1453, погибшему во время захвата Константинополя турками, было опознано по пурпурным сапожкам и ножным латам с золотыми орлами, ношение которых было прерогативой императора (Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. Гл. IX).

Гаттилузи (Gattilusi) – по происхождению генуэзский патрицианский род, основанный Франческо Гаттилузи (1355–1376), женатым на сестре императора Иоанна V, который передал ему во владение о. Лесбос. Его потомок Дорино I Гаттилузи (1400–1449), владетель Лесбоса – отец Екатерины Гаттилузи (?–1442), второй супруги Константина XI Палеолога.

Самофракия – остров в Эгейском море (Греция).

Фокея – древнегреческая колония в Малой Азии (на ее месте – современный г. Фоча в Турции), основанная в IX–VIII вв. до н. э. выходцами из Фокиды или Аттики.

Фома (1432–1460) – греческий деспот Мистры.

Димитрий (1449–1460) – греческий деспот Мистры.

С. 136

Трапезунд, Трапезундская империя – государство на северо-востоке Малой Азии в 1204–1461 гг. со столицей в Трапезунде (совр. Трабзон в Турции). Основано Алексеем и Давидом Комнинами, потомками византийского императора Андроника I. Завоевано турками.

Василий Комнин (1332–1340) – трапезундский император из династии Комнинов.

Мануил III (1390–1416/1417) – трапезундский император.

С. 137

Алексей III (1349–1390) – трапезундский император, отец Мануила III.

Георгий I Тертер (?–1308/1309) – болгарский царь в 1280–1292 гг.

портолан, портулан – подробная высокой точности компасная карта берегов с населенными пунктами и береговыми ориентирами, служившая практическим целям средневекового мореплавания в XIII–XVI вв. Первый известный – 1296 г. Портолан генуэзца Пьетро Висконти, вероятно самый ранний из сохранившихся итальянских, датируется 1318 г. Портолан каталонца Анжелино Далорто (Angellino de Dalorto) создан на о. Майорка в 1325 г. Однако существует еще портолан 1339 г. генуэзца Анджелино Дульсерта (Dulceti, Dulcert, Dolcet). Вполне вероятно, что их автор – одно и то же лицо.

С. 138

Ла́скари, Ла́скарисы – династия императоров Никейской империи в 1204–1261 гг.

Милешево – монастырь в Сербии. Основан в пер. трети XIII в. племянником свт. Саввы королевичем Владиславом.

Стефан Первовенчанный (?–1227) – из династии Неманичей, великий жупан с 1217 г., король Сербии с 1217 г. Провозгласил Сербию королевством и получил королевский титул от папы римского; в 1219 г. коронован по православному обряду.

С. 139

Вальтрович, Михайло (Mihailo Valtrovich) – архитектор, член сербской Королевской Академии наук и искусств (осн. 1886 г.), автор-разработчик регалий для коронации короля Петра I Карагеоргиевича (1904 г.).

Неманичи – династия сербских королей в 1170–1371 гг.

Стефан – Стефан Неманя (1113/1114–1200), основатель Сербского государства и династии Неманичей, великий жупан с 1196 г. Добился от Византии признания независимости Сербии (1190).

Анна Комнина Дука – см. прим. к с. 129.

Эпир – историко-географическая область на западе Греции. В 1204–1337 гг. – Эпирское государство на Бал-

канском п-ове, возникшее после захвата империи крестоносцами, т.н. Эпирский деспотат.

Призрен – город на юге Косово.

Св. Петка, Параскева-Петка Епиватская – одна из наиболее почитаемых на Балканах святых, ее мощи перенесены в Тырново в 1233 г.; с этого времени именуется Тырновской.

Жича – монастырь нач. XIII в. в центральной Сербии, в исторической области Рашка, близ г. Кралево. В монастыре Жича первым сербским архиепископом свт. Саввой был коронован его брат прп. Стефан Неманич как первый сербский король (Стефан Первовенчанный).

Биело-Поле (серб. Бијело Поље, Bijelo Polje) – город на севере Черногории. В эпоху Оттоманской империи – Аково.

ктитор – церковный староста, здесь – благотворитель монастыря.

С. 140

Хум (Хлум) (хорв. Hum, итал. Colmo) – город-крепость в Хорватии, в центральной части полуострова Истрия, центр одноименной средневековой сеньории.

Далмация (лат. Dalmatia) – историческая область на северо-западе Балканского полуострова, на побережье Адриатического моря, на территории современных Хорватии и Черногории. В IX в. в составе Хорватского государства, с начала XII в. под властью Венгрии, с 1420 г. – Венеции.

Студеница – монастырь XII в. на юге Сербии. Основан прп. Симеоном Мироточивым (в миру Стефаном Неманей) в 1182 г. Главный храм посвящен Пресвятой Богородице; церковь свт. Николая (XII в.); посвященная Иоакиму и Анне, т.н. «Королевская» церковь (1314 г.), построенная Милутином.

Ариле (серб. Ариље) – монастырь в западной Сербии, близ г. Ужице. Построен в XIII в.

Грачаницы – монастырь в Косово (Сербия) к юго-востоку от Приштины, основанный князем Милугином в 1321 г. См. *Curcic S.* Gracanica: King's Milutin's church and its place in late Byzantine architecture. Pennsylvania, 1979.

Дечаны, Дечанский монастырь – монастырь в Косово, близ г. Печ (область Метохия, между Печем и Даковицей на р. Быстрица). Основан Стефаном Урошем III (отсюда прозвище Уроша – Дечанский) в 1327–1335 гг.

С. 141

Драгутин, Стефан II Драгутин (? – 1316) – король Сербии в 1276–1282 гг., король Срема в 1282–1316 гг. из династии Неманичей, сын короля Стефана Уроша I и Елены Анжуйской.

Милутин (Стефан Урош II) – правитель Сербии в 1282–1321 гг.

Старо-Нагоричане – село в Македонии, в 40 км от Скопье. В селе находится церковь Св. Георгия Нагоричского – построена в XI в.; обновлена Милутином в 1313–1318 гг. См. *Ђурић В.Ј.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1974; *Милојковић-Пепек П.* Делото на зографите Михаиоло и Еутихиј. Скопје, 1967.

Феодора (?–1322) – сербская королева, дочь болгарского царя Симеона, жена (с 1300 г.) сербского короля Стефана III Дечанского.

...болгарского царя Симеона – имеется в виду Смилец (?–1298), болгарский царь в 1292–1298 гг., выдавший в 1296 или 1297 г. свою дочь Феодору за будущего короля Сербии Стефана Уроша III Дечанского.

деспот Иоанн Оливер (Јован Оливер) (1310–1356) – наиболее влиятельный сеньор в Македонии и юго-западных болгарских землях при Стефане Уроше IV Душане («великий слуга») с титулами великого воеводы, севастократора и деспота (с 1346). После смерти владения поделены между знатными родами.

Иречек, Константин Йозеф (чешск. Konstantin Josef Jireček) (1854–1918) – чешский историк-славист, иностранный чл.-корр. Петербургской АН (1888). В 1884–1893 проф. Пражского, с 1893 Венского университетов. Автор трудов по истории южных славян.

Лесново – монастырь в Северной Македонии, основанный деспотом Иоанном Оливером в 1340-х гг.

С. 142

Скопье – город в совр. Македонии на р. Вардар. С 1282 г. в составе сербского государства. При Стефане Душане – столица сербо-греческого царства. В 1392 г. попал под власть турок.

Охрид – город в совр. Македонии на берегу Охридского озера.

Урош, Стефан Урош V (ок. 1336–1371) – сербский король в 1355–1371 гг. из династии Неманичей, сын Стефана Уроша IV Душана, последний из Неманичей по прямой мужской линии.

церковь Богородицы Перивлептос – в Перивлептском монастыре (кон. XIV в.). Монастырь построен в западной части Константинополя, возвышающейся над морем, чем и объясняется название (Перивлепта – «видимая отовсюду»).

С. 143

Иван Александр (? – 1371) – болгарский царь в 1331–1371 гг. Сын деспота Страцимира, племянник болгарского царя Михаила Шишмана. Первоначально деспот Ловеча. Разделил Болгарское царство между сыновьями Иваном Страцимиром и Иваном Шишманом.

Св. Димитрия монастырь (Марков монастырь) – монастырь XIV в. близ Скопье, основанный королем Вукашином в 1345 г., обновленный его детьми (в т. ч. Марком, по которому обитель получила название) ок. 1366 г.

Вукашин – сербский король в 1367–1371 гг., избранный после смерти последнего Неманича Уроша III.

Марко Королевич (серб. Марко-Краљевић) – сербский король в 1371–1395 гг., сын сербского короля Вукашина. Изгнан князем Лазарем Хребеляновичем. Герой сербского эпоса. По одной из легенд перенесен Богом с поля битвы в пещеру, где спит до сего дня и по пробуждении выйдет на защиту сербов.

С. 144

Гербовник 1595 г. – Гербовник Коренич-Неорич, хранится в Университетской библиотеке в Загребе. См. также прим. к с. 151.

С. 145

Крушевац – город в центральной Сербии, средневековая сербская столица, основанная князем Лазарем в 1371 г. После захвата турками в 1454 г. – Аладжа Хисар.

Раваница – монастырь в Сербии, восточнее города Чуприя, в долине р. Моравы. Основан князем Лазарем в 1376–1377 гг.

Любостыня – монастырь близ Трстеника в Сербии, основанный княгиней Милицей, вдовой князя Лазаря.

Дечанский монастырь – см. прим. к с. 140.

Манасия (Manasia) – монастырь Ресава, монастырь и крепость XV в. в Восточной Сербии близ г. Деопотовац. Основан Стефаном Лазаревичем (1407–1418 гг.).

С. 146

знаменитый герольд – имеется в виду Ульрих фон Рихенталь; см. прим к с. 135.

Бранковичи – династия правителей Сербии XV в., основанная Бранко Младеновичем в XIV в., происходят из Охрида.

Стефан Лазаревич (серб. Стефан Лазаревић) (ок. 1377–1427) – из династии Неманичей, сын князя Лазаря Хребеляновича и Милицы, сербский князь с 1389 г., деспот Сербии с 1402 г.

Георгий I Бранкович (Гргур Бранковић) – правитель Сербии в 1427–1456 гг., старший сын Вука Бранковича и дочери князя Лазаря Мары.

С. 147

деспина – титул супруги или дочери деспота.

Топиа, Георгий Арианит Комнин – представитель рода албанских сеньоров, владетелей Охрида.

Иван (Иваниш) *Бериславич* – последний деспот Сербии в1504–1514 гг. из династии Бериславичей.

С. 148

Остоя – Стефан (Степан) Остоя I, король Боснии в 1398–1404, 1409–1418 гг. из династии Котроманичей.

Стефан I Твртко (1338–1391) – бан (с 1353) и первый король (с 1377) Боснии из династии Котроманичей.

Бан (от «пан» – господин) – в XII–XIX вв. правитель области (баната) в Хорватии, Боснии, Славонии, Албании, назначаемый королем, с военными и административными функциями, правом чеканки монеты и пр.

Котроманичи (Котроманићи) – один из крупнейших боснийских феодальных родов в XIII–XV вв.; княжеская (1287–1377 гг.) и королевская (1377–1463 гг.) династия в Боснии. Названа по имени бана Степана Котромана (1287–1316 гг.). Прекратила существование с захватом Боснии Турцией (1463 г.).

Сутьеска (фр. Sutjeska, серб. кир. Сутјеска) – поселение в Сербии в провинции Воеводина.

С. 150

гласный герб – напоминающий какими-либо элементами (фигурами, цветом) имя или название обладателя.

Смилец (?–1298), болгарский царь в 1292–1298 гг. При поддержке хана Ногая сменил на престоле Георгия Тертера. Женат (1292) на дочери византийского севастократора Константина Палеолога.

Михаил Шишман – см. прим к с. 112.

Иван Страцимир (болг. Иван Срацимир) (1324–1396) – последний (вместе с братом) болгарский царь в 1356–1396 гг. Один из сыновей Ивана Александра (1331–1371) и брат Ивана Шишмана (1371–1393), получивший в наследство Видинское царство.

Видин – город в Болгарии, в Средние века столица Видинского царства. Подчинено туркам с 1396 г.

севастократор Деян – сербский властитель, отец Константина Драгаш (1355–1395), родоначальник династии Деяновичей (Драгаш). Супруга – Феодора (Евдокия), сестра Стефана Душана.

С. 151

...в «иллирийских» гербовниках – в число «иллирийских гербовников» входят Фойницкий гербовник (XV в., известен в копии XVII в.); Гербовник Петра Охмучевича (1584–1594 гг.), Гербовник Коренич-Неорич

(1595 г.), Гербовник Палинич (втор. пол. XVII в.), Белградский гербовник из Музея прикладного искусства (1574–1603 гг), Алтханов гербовник (1614 г.), Оловский гербовник (1689 г.). Возможно, что под Белградским гербовником А.В. Соловьев имеет в виду другой из ряда «иллирийских гербовников», который хранился в Народной библиотеке в Белграде и погиб во время Второй мировой войны.

С. 152

Спас-Нередица – церковь Спаса (1198) на р. Нередица в Новгороде, памятник новгородской школы древнерусского зодчества. Одноглавый крестово-купольный храм с фресковой росписью. Разрушен во время Великой Отечественной войны; восстановлен.

С. 154

Даниил Романович Галицкий (1201–1264) – князь галицкий (с 1238 г.), король (с 1254 г.) галицко-волынских земель, политический деятель, дипломат и полководец, сын князя Романа Мстиславича, из галицкой ветви рода Рюриковичей. При нём были построены города Холм (куда из Галича была перенесена столица княжества), Львов, Угровеск, Данилов, обновлён Дорогичин.

донжон в Каменец-Литовском – башня сохранилась, см. подробнее: Антипов И.В. Древнерусская архитектура втор. пол. XIII – первой трети XIV вв.: каталог памятников. СПб., 2002. IV.7. Каменец-Литовский. Оборонительная башня. 70–80-е гг. XIII в.

...летопись... говорит – текст летописи: «Стоит же столп поприща от города камен, а на нем орел камен изваян, высота же камени десяти локоть с головами же и с подножьками 12 локоть» – 1259 г. Ипатьевская летопись ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Ст. 845.

С. 155

река Сан – река на юго-востоке Польши, правый приток р. Вислы.

С. 157

маркграф (нем. Markgraf) – в ранее Средневековье назначаемый правитель пограничного округа, марки, наделенный административными, военными и судебными полномочиями. В средневековой Германии владетель маркграфства (княжества).

С. 158

Карл Великий (742–814) – франкский король из династии Каролингов с 768 г., император с 800 г.

Оттон II (955–983) – с 973 г. германский император из Саксонской династии.

пфальцграф – во Франкском государстве и средневековой Германии первоначально должностное лицо с судебными функциями, позднее владетель пфальцграфства (княжества на Среднем Рейне).

Матвей Парижский (ок. 1200–1259) – английский хронист, монах-бенедиктинец монастыря Сент-Олбанс (с 1217). Главный труд – Большая хроника, иллюстрированная картами, миниатюрами и гербами.

С. 159

Конрад IV (1228–1254) – король Иерусалима в 1228–1243 гг., герцог Франконии, Швабии и Эльзаса (с 1235 г.), Римский король (с 1237 г.), король Сицилии (с 1250 г.). Сын императора Фридриха II Гогенштауфена и Иоланды де Бриенн (Иоланды Иерусалимской).

Манфред (1232–1266) – принц Тарента в 1250–1258 гг., король Сицилии в 1258–1266 гг., герцог Сполето, маркиз Тосканы в 1260–1266 гг. Сын императора Фридриха II и Бьянки Пьемонтской.

Энцио (1224–1272) – король Сардинии в 1238–1249 гг. Сын императора Фридриха II и Аделаиды фон Урслинген.

Генрих II Брабантский (ок. 1207–1248) – герцог Брабанта, старший сын Генриха I и Матильды Булонской.

Генрих III Брабантский Добродушный (1231–1261) – герцог Брабанта, сын Генриха II и Марии Гогенштауфен. Был вовлечен в борьбу между домами Авен и Дампьер, споривших за Фландрию и Эно.

С. 160

Элен (нид. Haelen, лимб. Hale) – населенный пункт на юге совр. Нидерландов в провинции Лимбург.

Маргарита Фландрская (1202–1280), она же Маргарита Константинопольская – вторая дочь Бодуэна I Константинопольского и Марии Шампанской. Графиня Маргарита II Фландрская (1244–1278), графиня Эно (1244–1280). Первый брак с Бушаром д'Авеном, второй – с Гийомом де Дампьер.

Бодуэн I Константинопольский (ок. 1171 – ок. 1205) – граф Бодуэн IX Фландрский, Бодуэн VI граф Эно, император Константинопольский с 1204 г. Сын графа Бодуэна VIII Фландрского и Маргариты Эльзасской. Участник Четвертого крестового похода. Отец дочерей Жанны (Португальской) и Маргариты Фландрской.

Алост, Алст, (франц. Alost, флам. Aalst) – город в Бельгии, в провинции Восточная Фландрия.

двойные tiers de gros – введенная Маргаритой Фландрской монета, по весу равная 2/3 турского гроша или двойному английскому стерлингу (нид. эстерлину). Одна из первых серебряных монет в регионе. На одном из типов – двуглавый орел и щиток с фландрским львом. (*Engel A., Serrure E.* Traité de Numismatique du Moyen-Age. Vol. I–V. Paris, 1891–1905. V. III. P. 1088–1094).

герцог Генрих VII Люксембургский (1269/1275–1313) – граф Люксембургский (с 1288 г.), германский король (с 1308 г.), первый император Священной Римской империи (с 1312 г.) из династии Люксембургов. Графство получило статус герцогства в 1354 г. при императоре Карле IV.

епископ Ги де Дампьер в Льеже – Жан де Дампьер (Жан Фландрский) (1250–1291), младший сын графа Фландрского Ги де Дампьер и Матильды Бетюнской, лиценциат канонического права, окончивший Парижский университет, был князем-епископом Льежа с 1282 г. (назначен папой Мартином IV). В 1288 г. попал в плен. Лишенный возможностей реального управления, передал кафедру своему отцу, графу Фландрскому Ги де Дампьер

(1226–1305). С 1295 г. кафедру замещал князь-епископ Гуго Шалонский.

Арнуль граф Лоос (Arnoul V comte de Looz) (1260–1328) – сын Жана I графа Лоос и Матильды Юлихской; был графом Лоос в 1279–1323 гг., отрекся в пользу своего сына, Людовика IV.

Гийом I Намюрский (Guillaume I de Namur, le Riche) (1324–1391) – маркиз Намюра в 1337–1391 гг. из дома де Дампьер, четвертый сын маркиза Намюра Жана I и Марии д'Артуа. Упоминание маркизата (маркграфства) Намюр встречается с 1190 г.

Не осталось ни одной монеты... – А.В. Соловьев пользовался каталогом У. Рота. Современной нумизматикой атрибутированы многочисленные монетные выпуски Латинской империи. Частично они подражают монетам императоров XII–XIII вв., частично используют вполне византийскую по стилю и духу иконографию (Бутырский М.Н. Византийская нумизматика (Общий обзор) // Нумизматический альманах. 1999. № 3).

Никита Хониат (1155–1213) – византийский историк и писатель, автор «Хроники».

С. 161

Генрих I (Henri de Hainaut) (1176–1216) – латинский император Константинополя в 1206–1216 гг., брат Бодуэна I Константинопольского.

Жанна Португальская (1199/1200–1244) – она же Жанна Константинопольская, графиня Фландрии и Эно (1205–1244), старшая дочь Бодуэна I Константинопольского и Марии Шампанской. Первый брак в 1212 г. с Фернанду Португальским (1188–1233), сыном короля Португалии Саншу I; второй в 1237 г. с Томасом II Савойским (1199–1259).

Томас II Савойский (Thomas II de Savoie) (1199–1259) – известен также как Томас II Пьемонтский, сеньор Пьемонта (с 1233 г.), граф Пьемонта (с 1245 г.), граф-консорт Фландрский и Эно (1234–1244), третий сын Томаса I графа Савойского и Беатрисы Женевской, племянницы папы Иннокентия IV. Брак с Жанной графиней Фландрской (Жанной Португальской) остался бездетным.

Амедей V Савойский (Amédée V de Savoie) (1249–1323) – граф Савойский, младший сын Томаса II Савойского от второго брака (1245)с Беатриче Фиески (1225–1283).

Филипп I Пьемонтский (Philippe I de Piémont) (1278–1334) – сеньор Пьемонта (1282–1334), князь Ахейский (1301–1307), внук Томаса II Савойского и сын Томаса III Савойского (1248–1282), старшего брата Амедея IV.

Амедей IV Савойский (Amédée IV de Savoie) (1197–1253) – граф Савойский, сын Томаса I Савойского и Беатрисы Женевской.

Людвиг IV Баварский (1282–1347) – герцог Баварии, король Германии с 1314 г., император Священной Римской империи (1328–1347) из династии Виттельсбахов.

Жан III Брабантский (1300–1355) – герцог Брабанта и Лимбурга в 1312–1355 гг. Сына Жана II герцога Брабантского и Маргариты Английской.

С. 162

Карл IV Люксембургский (1316–1378) – император Священной Римской империи с 1346 г., сын чешского короля Иоанна из Люксембургского дома.

Маргарита Голландская (1293–1356) – графиня Эно и Голландии, правнучка Маргариты Фландрской; с 1324 г. супруга Людвига IV Баварского.

Золотая булла 1356 г. – законодательный акт имперского сейма Священной Римской империи, утвержденный Карлом IV, узаконивавший избрание императора коллегией курфюрстов.

Вацлав IV, Венцеслав (1361–1419) – герцог Люксембургский Венцеслав II (1383–1388), король Германии (1376–1400), король Чехии Вацлав IV (1378–1419). Сын императора Карла IV Люксембургского от третьего брака с Анной, дочерью Генриха II, герцога Силезия-Швайдниц.

Сигизмунд Люксембургский (1368–1437) – курфюрст Бранденбурга (1373–1387), король Венгрии Жигмонд (1387–1437), король Германии (1410–1437), король Чехии (1419–1421, 1436–1437), император Священной Римской империи (1433–1437). Сын императора Карла IV

Люксембургского от четвертого брака с Елизаветой, дочерью Богислава V, герцога Померанско-Старгардского.

Палатинат – пфальцграфство или курфюршество Пфальц (с XIV в.) в Германии.

С. 163

графы Оранские (d'Orange) – сеньоры суверенного владения в Провансе со столицей в Оранже (Воклюз, Франция). Графство перешло к дому де Бо в 1173 г., стало княжеством в 1181 г., будучи фьефом Священной Римской империи. В 1388 г. перешло к Шалонскому дому, в 1544 г. к дому Нассау.

Бертран III де Бо (Bertrand des Baux) (?–1335) – сеньор владения де Бо и Оранжа в XIV в. из династии де Бо.

Кастория – город на северо-западе Греции в западной Македонии.

С. 164

сеньор Гропа (Gropa) – Андрей Гропа, сеньор Охрида в 1371–1385 гг. (в Средневековье Охридом называлась вся область около Охридского озера и г. Охрид), великий жупан в 1365–1385 гг.

Балша – возможно, Балша II Балшич из рода зетских сеньоров, князь Черногории в 1372–1385 гг.

Иоанн V Палеолог (1332–1391) – византийский император в 1341–1376, 1379–1391 гг, сын Андроника III Палеолога и Анны Савойской.

С. 165

Скандербег – Георгий Кастриоти Скандербег (1405?–1468). Глава восстания против османского господства (1443), национальный герой Албании.

Дураццо (алб. Дуррес, греч Эпидамн, Диррахий, итал. Дураццо, серб. Драч) – город на побережьи Адриатического моря в совр. Албании.

Иван Черноевич (Иван Црнојевић) (?–1490) – сеньор Черногории в 1465–1490 гг. из династии Черноевичей, сын Стефана Черноевича (?–1465).

Черноевичи – знатный зетский (черногорский) род, известный с 1331 г. Правили Черногорией в сер. XV – нач. XVI в. Зета – название Черногории до XV в.

Цетинье – древняя столица Черногории в районе горной цепи Ловчен.

С. 166

архиепископ Савва – Савва II (Петрович-Негош) (1735–1781), митрополит-князь, Владыка Черногорский, рукоположен в России.

Мирча Валашский – Мирча I Старый (рум. Mircea cel Bătrân) (?–31.1.1418), валашский господарь с 1386 г. из династии Басарабов. Боролся с экспансией Оттоманской империи, участник битвы на Косовом поле. Присоединил земли Добруджи (1404). С 1416 г. данник султана.

Монастырь Козия (Cozia) – расположен на правом берегу р. Олт в предгорьях Южных Карпат в 20 км от г. Рымнику-Вылча в Румынии (Валахии). Основан в конце XIV в. валашским господарем Мирчей Старым. Обновлен в 1512–1521 гг. при Нягое Басарабе.

Добруджа (Dobrotic) – историческая область между нижним течением р. Дунай и побережьем Черного моря. Сев. Добруджа входит в состав Румынии, южная – Болгарии. В 70-х гг. XIV в. при правителе Добротице фактически независимое государство. Распалась ок. 1363 г. на Тырновское и Видинское царства (завоеваны турками соответственно в 1393 и 1396 гг.

Нягое Басараб (?–1521) – господарь княжества Валахия в 1512–1521 гг. Объединил кнезаты и воеводства в одно государство с центром в Куртя-де-Арджеш. Басараб – династия господарей в княжестве Валахия в XIV–XVII вв.

деспина – см. прим. к с. 147.

Снагов (Snagov) – город на берегу оз. Снагов к северу от Бухареста в совр. Румынии.

Куртя-де-Арджеш (рум. Curtea de Arges) – город в Карпатах в совр. Румынии в верховьях р. Арджеш. Центр Валашского государства при Нягое Басарабе. Монастырь Куртя-де-Арджеш – первоначальное местонахождение кафедра митрополита, учрежденной в 1359 г. Унгро-

Влахийской митрополии. Церковь монастыря построена в 1512–1517 гг.

С. 167

короли Венгрии-Анжу – королевская династия в Венгрии в 1308–1387 гг.

С. 168

Годфруа Бульонский (Godefroy de Bouillon) (1058–1100) – Годфруа I граф Булонский (1061–1100), герцог Лотарингский (1089–1095), первый король Иерусалимский (с 1099 г.), один из организаторов первого Крестового похода.

кантонированные – т.е. сопровождаемые в образуемых крестом четвертях гербового поля какими-либо фигурами.

С. 170

Джованни да Кариньяно и священник Джованни из Генуи – возможно одно и то же лицо, Джованни ди Мауро Кариньяно (Giovanni di Mauro da Carignano) (?–1344), генуэзец-картограф, автор портоланов 1310 и 1333 гг. (Tabula del Mediterraneo). В 1306–1314 гг. был священником монастыря Сан Марко в Генуе.

...королевство Греков, которое называют Салоникийским – государство крестоносцев с центром в Фессалониках, Фессалоникское королевство Латинской империи (XIII в.). Libro del conosciemento de todos los reinos..., согласно последним изысканиям, написана ок. 1385 г. (*Lacarra M.J., Lacarra Ducay M. del C. y Montaner A.* Libro del conosçimiento de todos los rregnos et tierras et señorios que son por el mundo, et de las señales el armas que han. Edición facsimilar del manuscrito Z (Munich, Bayerische Staatsbibliothek, Cod. Hisp. 150), Zaragoza, 1999).

Лодомаго – по тексту Libro del conosciemento de todos los reinos... автор отбыл из Константинополя, вошел в Черное море (mar Mayor) и, «повернув налево, достиг этого богатого и густонаселенного королевства». Вероятная локализация – западное побережье Черного моря.

С. 172

Чезанис, Франческо де (Francesco de Cesanis) – автор портолана 1421 г., акварель на пергаменте, размер 58×96,6 см. Хранится в Городском музее Коррер в Венеции.

герольд из Прованса – Жиль ле Бувье (Gilles le Bouvier) (1386 – после 1456), герольд Берри при короле Франции Карле VII (1403–1461), автор Гербовника герольда Берри.

король Роммении – Романией (Ромеей) в Западной Европе называлась Византия или, возможно, часть ее.

С. 173

Марк Вюльсон – Марк де Вюльсон де Ла Коломбьер (?–1658), французский писатель и геральдист, автор широко распространенной и многократно переиздававшейся книги о геральдике «Героическая наука» (La science héroïque, le Vray théâtre d'honneur et de chevalerie ou le miroir héroïque de la noblesse. Paris : A.Courbet, 1648 ; La science héroïque traitant de la noblesse et de l'origine des armes, de leurs blasons et symboles, des tymbres, bourlets, couronnes..... Paris : Sebastien Mabre-Cramoisy, 1649).

С. 175

Аччаюоли..., этих герцогов Афинских... – Аччаюоли (Acciaioli, Acciajuoli) – знатный флорентийский род, известный с XII в. Торговая компания Аччаюоли, основанная в 1282 г., подобно Барди и Перуцци имела отделения по всей Европе. В 1388 г. одна из ветвей рода купила титул и герцогство Афинское, одно из государств крестоносцев в Греции, образовавшееся после Четвертого крестового похода (1205). Афинский герцог Антонио I Аччаюоли (1403–1435) носил титул dominus Athenarum et Thebarum. Герцогство завоевано султаном Мехметом II (1456).

С. 178

Риттер-Витезович, Павел (Vitezović Ritter, Pavao) (7.1.1652–20.1.1713, Вена) – хорватский писатель, просветитель и типограф, один из зачинателей «иллирийского движения». П. Витезович составил гербовник южнос-

вянской знати, известный как «*Stemmatographia sive armorum Illyricorum delineatio, descriptio et restitution*» (Описание гербов, или очерк, описание и восстановление Иллирийских гербов), изданный предположительно в Вене в 1701 г. В процессе создания гербовника он получил доступ в частные и австро-венгерские государственные архивы. В своем труде частично использовал сочинение Мауро Орбини «Il Regno degli Slavi». *Stemmatographia* критикуется за баснословные родословные истории на основании фантастических этимологических выводов.

С. 179

Орбини, Мауро (лат. Maurus Orbini) (1563?–1614) – далматинский историк, родоначальник югославянской исторической науки, монах-бенедиктинец, впоследствии настоятель монастыря на о. Млет. Автор книги «Славянское царство» (Il Regno degli Slavi oggi corrotamente detti Schiavoni. Pesaro, 1601), первой попытки общей истории всех славянских народов.

Святой Савва (серб. Свети Сава) (1169/1174–14.1.1236), святитель, один из самых почитаемых святых Сербской Православной Церкви, религиозный, культурный и политический деятель. Младший сын Стефана Немани, светское имя Растко. Монах на Афоне (Пентелеимонов, Ватопедский монастыри) до 1207 г. Сооснователь Хиландарского монастыря. Создатель и первый архиепископ автокефальной Сербской церкви (1219). Мощи его покоились в монастыре в Милешево до 1594 г., когда были сожжены Синан-пашой.

С. 181

Этеры – телохранители, воины личной гвардии василевса, большей частью из иностранцев.

О.Н. Наумов

Неизвестное письмо А.Б. Лакиера

Одной из первостепенных проблем современного российского гербоведения является совершенствование источниковедческой основы геральдических изысканий, что подразумевает регулярное введение в исследовательский оборот новых источников. До сих пор остаются практически неизвестными разнообразные архивные материалы о жизни и деятельности геральдистов, в том числе и об Александре Борисовиче Лакиере (1824–1870), который внес весомый вклад в развитие специальных исторических дисциплин. В фундаментальном труде «Русская геральдика»[1] он обобщил и проанализировал обширный эмпирический материал, что позволило ему сформулировать первое в национальной историографии концептуальное понимание геральдики[2].

Недавно была опубликована переписка между А.Б. Лакиером и историком князем М.А. Оболенским,[3] из которой следовало, что геральдист стремился привлечь к своей книге о гербах максимальное внимание коллег, активно добивался рецензий. Воспроизводимый источник также связан с выходом в свет «Русской геральдики». Он показывает, что автор целенаправленно занимался распространением своего труда. Публикуемое

---

[1] Лакиер А.Б. Русская геральдика // Записки Императорского археологического общества. Т. 7. СПб., 1854; 2-е изд. СПб., 1855. Кн. 1–2; 3-е изд. М., 1990; 4-е изд. М., 2006.

[2] Подробнее см.: Наумов О.Н Отечественная историография геральдики. Ч. I. М., 2003. С. 68–81.

[3] Наумов О.Н. Из переписки А.Б. Лакиера // Гербовед. 2005. № 79. С. 153–157.

письмо адресовано московскому губернскому предводителю дворянства в 1844–1856 гг., тайному советнику А.Д. Черткову (1789–1858), известному археологу, историку и библиофилу, с 1842 г. члену-корреспонденту Петербургской Академии наук. А.Б. Лакиер надеялся, что московские дворяне проявят к изданию большой интерес. Однако, как следует из других документов обнаруженного нами дела, хлопоты не увенчались тем результатом, на который рассчитывал исследователь. Был куплен единственный экземпляр. Он предназначался для Московского дворянского депутатского собрания, а средства на приобретение в сумме 6 рублей серебром пожертвовал сам А.Д. Чертков, посчитавший книгу «весьма полезной, а для депутатского собрания непременно нужной»[4].

Настоящее письмо публикуется впервые, текст воспроизведен в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, все дополнения к нему заключены в квадратные скобки.

Милостивый государь Александр Дмитриевич!

Гербы наших дворянских фамилий служат, с одной стороны, свидетельством о происхождении родов, их употребляющих, а с другой – эмблематическим выражением заслуг, которым[и] [они] прославились. Поэтому давно чувствовалась всеми потребность в книге, которая кроме правил об изображении гербов, сочетании красок в поле герба и его атрибутах и т[ому] п[одобных] правил, необходимых для родов, не имеющих еще герба, заключала бы в себе объяснение гербов существующих. Для этой-то цели издана мной только что вышедшая книга «Русская геральдика»[5] в двух больших томах с 25 табл[ицами] рисунков гербов и родословной княжеских фамилий Мономахова потомства. История и генеалогия каждой фамилии в отдельности и в связи с другими ро-

[4] Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1236. Л. 1.

[5] Слова «Русская геральдика» подчеркнуты.

дами послужили основанием для моих исследований по этому еще нетронутому предмету.

Известная всем любовь Вашего Превосходительства к отечественной старине и уважение к доблести Русского дворянина, нашедшей верного истолкователя в гербе, дает мне смелость покорнейше просить Ваше Превосходительство о содействии к распространению той книги между дворянами, во главе которых Вы изволите стоять, чрез посредство уездных предводителей и депутатов дворянства.

Цена книги в двух томах – по 5 руб[лей], на лучшей бумаге с раскраш[енными] рис[унками] – по 6 руб[лей] за экземпляр, ее можно выписывать или от петербургских книгопродавцев или прямо от автора, Александра Борисовича Лакиера[6] в С[анкт-]П[етер]б[ур]ге,[7] на Английской набережной в доме Яковлева. Последнее было бы выгоднее для покупателей, ибо в таком случае, не платя книгопродавцам за комиссию, я принимаю на свой счет пересылку, за которую прибавляется обыкновенно по 1 руб[лю] сереб[ром] за экземпляр.

Смею также надеяться, что Ваше Превосходительство и другие дворяне не оставят книгу мою без замечаний, которые будут приняты во внимание при последующих моих трудах на том же поприще.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

Ал. Лакиер

1-го янв[аря] [18]55 [г.]
С[анкт]-Петербург

Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1236. Л. 2–3. Писарская копия. На л. 3 помета «Верно. Правитель дел», которая сопровождается неразборчивой подписью.

---

[6] Слово подчеркнуто.

[7] Слово подчеркнуто.

О.Н. Наумов

К биографии барона Н.А. Типольта

В истории отечественного гербоведения барон Николай Аполлонович Типольт известен, прежде всего, как один из авторов книги «Русская геральдика», которая вышла в свет в 1915 г. и дважды переиздавалась на рубеже XX–XXI вв.[1] Для этого издания он написал раздел, посвященный формальным основам геральдического знания и выполнил часть рисунков[2].

В тексте Н.А. Типольта излагалось традиционное европейское понимание правил геральдики. Цель автора заключалась в том, чтобы дать популярное, систематическое и одновременно краткое представление о структуре и эмблематике герба. Подобное пособие на русском языке в начале XX в. отсутствовало, и его не могли заменить ни поверхностные разделы в энциклопедических статьях и общих трудах, ни обстоятельные лекции Ю.В. Арсеньева[3], рассчитанные на профессиональных историков.

В основу очерка Н.А. Типольт положил анализ опыта не какой-либо конкретной страны, а сразу нескольких: Германии, Англии и др. Он использовал новейшие для своего времени исследования (например, классиче-

---

[1] *Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар.* Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов. Пг., 1915; 2-е изд. М., 1996; 3-е изд. М., 2005. Воспроизведения не во всем аутентичны первому изданию. Сноски далее приводятся по второму изданию.

[2] *Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар.* Указ. соч. С. 31–46.

[3] *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. М., 1908.

ский труд английского историка А. Фокс-Дэвиса)[4]. Автор стремился выделить в формальных началах дисциплины общеевропейский инвариантный компонент, чтобы таким путем осмыслить специфику нацилнального геральдического пространства. Этот методический подход детерминировался актуальными для начала XX в. задачами пространственной самоидентификации русской геральдики. Одним из проявлений этого сложного познавательного процесса стало стремление определить визуальные традиции отечественного опыта и их соотношение с западной иконографической моделью.

В книге «Русская геральдика», подготовленной в условиях идеологической ситуации военного времени, апелляция к национальному геральдическому пространству проявилась не только через идейный замысел, но и в художественном оформлении, в новой трактовке рисунков, созданных в духе отечественного искусства XVII в.

Попытка Н.А. Типольта изложить формальные основы геральдики получила противоречивые оценки рецензентов. Одни всячески приветствовали издание, другие подвергли его жесткой критике, причем поразному интерпретировались одни и те же параметры (например, подражание русскому стилю XVII в.)[5]. Чаще всего критиковались терминология и состав указанных автором эмблем, поскольку часть из них была распространена в Европе, но редко присутствовала в гербах России. С.В. Любимов назвал очерк Н.А. Типольта тарабарщиной, «которая под именем "геральдической терминологии" служит при описании гербов в последних томах "Общего гербовника"»[6]. С ним солидаризировался С.Н. Тройницкий, опубликовавший наиболее резкую рецензию. Он указывал, что в основе раздела Н.А. Типольта лежат ничтожные в научном отношении зарубежные из-

---

[4] Из него были заимствованы некоторые рисунки, см.: *Лукомский В.К., Типольт Н.А. бар.* Указ. соч. С. [82]; *Fox-Davies A.C.* A Complete Guide to Heraldry. London, 1909.

[5] *Лазаревский И.* О русской геральдике // Новое время. 1916. 8 янв. № 14308. С. 5–6; [Любимов С.В.] // Исторический вестник. 1916. № 2. С. 579–580; [Ростиславов А.] [Рецензия] // Речь. 1915. 18 дек. № 348. С. 7; *Тройницкий С.Н.* // Старые годы. 1915. № 11. С. 37–40; *Эттингер П.Д.* // Утро России. 1915. 19 сент. № 257. С. 5–6.

[6] *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 579.

дания XVIII – первой половины XIX вв. и что текст «заимствован неумело, без достаточного знания истории геральдики, с единственным желанием опубликовать какие-то никому не нужные правила теоретической геральдики»[7]. Основным недостатком очерка С.Н. Тройницкий считал отсутствие связи материала с отечественной геральдикой.

Несмотря на многочисленные замечания краткое и доступное изложение формальной геральдики в труде Н.А. Типольта стало пользоваться большой популярностью и послужило основой для соответствующих разделов в работах советского периода и современности[8].

Деятельность Н.А. Типольта в области геральдики и смежных дисциплин не исчерпывалась очерком о правилах составления гербов[9]. В течение многих лет он составлял коллекцию слепков с медалей, жетонов, перстней и иных предметов, хранившихся в государственных и частных коллекциях. В настоящее время это собрание находится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи[10]. Н.А. Типольт был членом Русского генеалогического и Военно-исторического обществ, Всероссийского общества поощрения художеств и других организаций. Работая после 1917 г. в архиве, он собирал с документов, предназначенных для уничтожения, коллекцию печатей XVIII–XIX вв., создал музейный отдел, который вобрал сданные с судов предметы искусства.

В 1923 г. Н.А. Типольт эмигрировал, жил во Франции, участвовал в деятельности Союза русских дворян, продолжал заниматься геральдикой, генеалогией и историей, стал одним из основателей Историко-генеалогического общества, опубликовал воспоминания

---

[7] *Тройницкий С.Н.* Указ. соч. С. 38.

[8] *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд., доп. М., 1974. С. 51–59 и др.

[9] О нем см.: *Наумов О.Н.* Типольт Н.А. барон // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Воронеж, 2006. С. 419. Личный фонд Н.А. Типольта: Российский государственный исторический архив. Ф. 1063.

[10] *Ильина Т.Н.* Коллекция барона Н.А. Типольта в собрании ВИМАИВ и ВС // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2002. С. 308.

о Морском корпусе[11]. Геральдической деятельности способствовала вывезенная им уникальная рукопись В.К. Лукомского, содержавшая около 2000 рисунков неутвержденных гербов российских дворян и активно использовавшаяся Н.А. Типольтом. Например, в опубликованной родословной таблице Н.С. Плаутина[12] воспроизводились заимствованные из нее самобытные гербы Плаутиных, Раевских, Константиновых, графов Гурьевых и Грибоедовых, а 15 мая 1937 г. Н.А. Типольт передал А.П. Лесли рисунок его неутвержденного в России герба, скопированный с печати из собрания Департамента Герольдии Сената, а затем оказавшейся в Гербовом музее[13].

В 1936 г. геральдист переехал в Америку, умер он 5 июля 1948 г. в своем имении в Сан-Антонио в Парагвае[14].

Биография Н.А. Типольта пока выяснена не полностью, сведения о нем отрывочны и не всегда точны[15]. В частности, в литературе ошибочно сообщалось, что он родился в 1854 г., а скончался в Париже[16]. В связи с этим для отечественного гербоведения представляют существенный интерес послужные списки геральдиста с 1910 по 1922 г., которые сохранились в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (далее РГАВМФ). Настоящая публикация содержит извлеченные из них и систематизированные по тематике данные. Повторяемая одновременно в нескольких списках информация воспроизводится один раз, при первом упоминании.

---

[11] *Гладкий С.В., Типольт Н.А. бар.* День 28-го января 1904 г. в Морском кадетском корпусе в Петербурге // Морские записки. 1944. Т. 2. № 1. С. 22–27.

[12] *Наврoцкий Ю.А.* 16 quartiers // Новик. 1939. № 1. С. 35–36. Переизд.: Signum. Вып. 3. М., 2005. С. 190–191.

[13] Рисунок герба с автографом Н.А. Типольта опубликован, см.: Лесли в войне 1812 г. Смоленск, 1906. С. 153.

[14] Новик. 1948/49. Отд. 3. С. 13. Некролог см.: Русская мысль. 1948. № 70.

[15] В тезисах Т.Н. Ильиной не указан генеральский чин Н.А. Типольта и неточно названа его должность (*Ильина Т.Н.* Указ. соч. С. 307).

[16] Незабытые могилы. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 383; *Каменцева Е.И.* Видимое благополучие и скрытый трагизм жизни В.К. Лукомского в годы советской власти // Гербовед. 1997. № 19. С. 96.

Из полного послужного списка барона Н.А. Типольта. [1910 г.]

Родился 1 августа 1864 г.

Из потомственных дворян.

Уроженец Воронежской губернии.

Православный.

Жалованья в год – 1000 р., столовых – 1100 р., «квартира натурой».

Согласно отношения Главного морского штаба от 18 августа 1900 за № 11243 Высочайше разрешено потомственно пользоваться титулом барона, о чем объявлено в приказе по Морскому кадетскому корпусу от 19 августа 1900 г. за № 163.

Поступил воспитанником в Морское училище (04.10.1882); действительная служба считается с 29.09.1883 г.; произведен в гардемарины (14.09.1885).

Произведен по экзамену в мичманы (29.09.1886); зачислен в 1-й флотский Его Высочества генерал-адмирала Константина Николаевича экипаж (30.09.1886); утвержден адъютантом 1-го флотского экипажа (02.01.1890); переведен в 9-й флотский экипаж (28.11.1891); утвержден командиром 3-й роты команды броненосца «Наварин» (11.11.1892); произведен в лейтенанты (01.01.1893); переведен в 7-й флотский экипаж (09.10.1893); утвержден в должности ротного командира 7-й сводной роты вместо лейтенанта Скворцова 2-го (01.12.1893); назначен членом Комиссии для проэкзаменования нижних чинов специальных званий на производство к 1-му января под председательством капитана 2-го ранга Коссовича (17.12.1893); утвержден в должности ротного командира 6-й сводной роты по 1 января 1894 г. (31.12.1893); на время отпуска 6-ю сводную роту на законном основании сдал мичману Березину (22.08.1895); на законном основании 6-ю сводную роту принял (09.10.1895); принял на законном основании 2-ю роту (15.01.1896); 2-ю роту сдал лейтенанту Давыдову (14.02.1896); назначен в плавание на крейсере II-го ранга «Африка» (22.03.1896); назначен командиром 6-й сводной роты (11.09.1896); назначен в плавание на кампанию сего года на миноноски для охраны Петергофского рей-

да (05.04.1897); переведен в 18-й флотский экипаж (29.10.1897); утвержден адъютантом 18-го флотского экипажа (29.10.1897); утвержден командиром 9-й сводной роты с оставлением в должности адъютанта (04.01.1898); отчислен от должности командира 9-й роты (03.05.1898); прикомандирован к Морскому кадетскому корпусу (16.01.1899); отчислен от должности адъютанта 18-го флотского экипажа (26.01.1899); назначен младшим отделенным начальником Морского кадетского корпуса (19.08.1900); уволен от службы для определения к статским делам с переименованием в коллежские асессоры (24.03.1903); переведен в морское ведомство с зачислением по Адмиралтейству штабс-капитаном с производством в капитаны со старшинством с 14.12.1900 г. (07.03.1905); назначен младшим отделенным начальником Морского кадетского корпуса (07.03.1905); за отличие по службе произведен в подполковники (06.12.1905); назначен старшим отделенным начальником (11.09.1906); отдано старшинство в чине с 23.12.1903 г. (06.12.1907); за отличие по службе произведен в полковники (18.04.1910); назначен младшим помощником командира Санкт-Петербургского порта (26.07.1910); переименован в капитаны 1-го ранга (22.11.1910); зачислен в береговой состав флота (22.11.1910).

Награды: орден Св. Станислава 3-й степени (06.12.1894); орден Св. Анны 3-й степени (13.04.1897); орден Св. Станислава 2-й степени (14.04.1902); серебряная медаль в память царствования императора Александра III (21.03.1896); нагрудный знак в память 200-летнего юбилея Морского кадетского корпуса (14.01.1901); Высочайше утвержденный знак за службу в морской охране (04.06.1902); нагрудный знак Московского археологического института (07.04.1909); нагрудный знак в память окончания полного курса наук в Морском кадетском корпусе (11.05.1910); с Высочайшего разрешения назначена денежная награда 200 рублей (13.05.1896); французский орден Почетного Легиона кавалерского креста и прусский орден Красного Орла 4-го класса (на их принятие и ношение последовало Высочайшее разрешение 08.09.1897).

Участвовал в плаваниях: по Балтийскому морю на корвете «Гиляк» (28.05–22.08.1883), корвете «Боярин» (31.05–25.08.1884), винтовом корвете «Баян» (28.05–24.08.1885), винтовом корвете «Аскольд» (25.05–18.09.1886), на фрегате «Генерал-адмирал» (21.05–01.09.1887), за границей на фрегате «Генерал-адмирал» (16.05–17.09.1889), в Петергофе и по Финскому заливу на пароходе «Посыльный» (11.05–31.08.1890), по Финскому заливу на шхуне «Зоркая» (12.05–11.09.1891), по Балтийскому морю вахтенным начальником на учебном судне «Баян» (12.05–12.08.1892), по Балтийскому морю и Финскому заливу вахтенным начальником на эскадренном броненосце «Император Александр II» (12.05–31.08.1892),[17] по Балтийскому морю на крейсере II ранга «Азия» (01.09–02.11.1892), на броненосце береговой обороны «Адмирал Грейг» (14–22.05.1893), на броненосце береговой обороны «Чародейка» (22.05–14.09.1893), по Финскому заливу и Балтийскому морю и. д. старшего артиллерийского офицера на крейсере II ранга «Азия» (15.05–14.09.1894), в минном отряде на крейсере II ранга «Африка» (09.05–08.09.1896), в охране Петергофского рейда заведующим на миноносце № 74 (08.05 – 26.08.1897, 28.05–28.08.1898), по Балтийскому морю в должности вахтенного начальника на учебном судне «Воин» (11.05–10.08.1899), вахтенным начальником на учебном судне «Моряк» (12.05–11.08.1901), преподавателем при воспитанниках Морского кадетского корпуса на барже № 4 (08.05–12.08.1906), вахтенным начальником на учебном судне «Воин» (11.05–10.08.1907), старшим корпусным офицером при кадетах Морского кадетского корпуса на учебном судне «Минин» (11.05–10.08.1908).

Женат вторым браком на дочери контр-адмирала, девице Елизавете Сергеевне Палтовой, имеет детей от первого брака дочерей: Александру, родившуюся 15 октября 1888 г., и Надежду, родившуюся 15 сентября 1889 г., и от второго брака сына Николая, родившегося 21 ноября 1897 г., и Екатерину, родившуюся 27 октября 1903 г. Жена и дети вероисповедания православного.

---

[17] Так в тексте.

Имений не имеет.

В походах и делах против неприятеля не был.

РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4179. Л. 30–33, 34 об., 35–37.

Из дополнительного послужного списка барона Н.А. Типольта. 01.01.1915 г.

Содержания в год: жалованья – 1600 р., столовых – 1600 р., «квартира натурой».

Назначен председателем Особого присутствия при Петроградском порте по назначению пенсий и пособий потерпевшим от несчастных случаев и профессиональных заболеваний мастеровым, рабочим и вольнонаемнослужащим (28.06.1913); назначен старшим помощником командира Петроградского порта (28.07.1914).

Награды: орден Св. Анны 2-й степени (10.04.1911); орден Св. Владимира 4-й степени (14.04.1913); нагрудный знак в память 200-летия Царского Села (28.06.1912); светло-бронзовая медаль в память столетия Отечественной войны 1812 года (27.01.1913); светло-бронзовая медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых (05.07.1913); нагрудный знак в память 200-летнего существования Выборга как русской Его Императорского Величества крепости (17.01.1914); знак почетного ревнителя Комитета морских экскурсий (01.04.1914).

РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4179. Л. 27–28.

Из основного послужного списка барона Н.А. Типольта. 31.05.1922 г.

Окончил Реальное училище[18].

Беспартийный.

---

[18] В Харькове (Незабытые могилы. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 383).

Произведен в генерал-майоры флота (1916); уволен от службы (1917)[19], зачислен в резерв флота (ноябрь 1921); назначен помощником начальника Морской музыкальной школы (20.01.1922); уволен в бессрочный отпуск в распоряжение военного комиссариата г. Петрограда и Петроградской губернии (31.05.1922).

РГАВМФ. Ф. Р–2192. Оп. 2. Д. 5244. Л. 1–2.

[19] В 1918 г. – делопроизводитель морского подотдела Центрального военно-промышленного комитета, в 1919–1920 гг. – старший архивист Единого государственного архивного фонда (*Ильина Т.Н.* Указ. соч. С. 307).

А.А. Молчанов

Заслуженный ревнитель русской сфрагистики. Николаю Петровичу Пахомову – 75 лет

Среди специальных исторических дисциплин в отечественном источниковедении второй половины XX в. особенно впечатляющими выглядят, надо признать, достижения сфрагистики. Актовые печати, выявленные при археологических раскопках и разведках, а также найденные случайно и потом попавшие в музейные или частные коллекции древностей, оказались весьма информативным источником для изучения прошлого нашей Родины, и особенно эволюции государственных институтов средневековой Руси в X–XV вв. Их систематизацией и атрибуцией с 1950-х годов активно занимается В.Л. Янин, ныне действительный член Российской Академии наук, многолетний руководитель Новгородской археологической экспедиции и заведующий Кафедрой археологии Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Именно он создал свою, ставшую знаменитой, школу современного комплексного источниковедения и саму русскую сфрагистику как науку.

Наибольший личный вклад в пополнение фонда доступных исследователям древнерусских сфрагистических материалов внес, несомненно, Николай Петрович Пахомов, справивший недавно свой 75-летний юбилей. Его имя широко известно археологам-славистам, особенно москвичам, питерцам и новгородцам. Со многими из них он работал совместно, исследуя памятники ар-

хеологии и средневекового зодчества в Великом Новгороде и Новгородской области, в Москве и Подмосковье.

Николай Петрович родился 13 декабря 1933 г. в рабочем поселке Бирюлево (тогда входил в Ленинский район Московской области, а в 1960 г. включен в городскую черту Москвы). Крещен родителями в ближайшем действующем храме – Троицкой церкви знаменитой усадьбы Царицыно. Его отец, Петр Семенович Пахомов, работал на московском заводе «Красный Пролетарий», 23 июня 1941 г. (на второй день войны) ушел на фронт и не вернулся. Он погиб на Смоленщине 19 марта 1942 г. Мать, Мария Павловна, одна воспитывала Колю и его младшего брата Володю. Она трудилась наборщицей в 1-ой Образцовой (бывшей Сытинской) типографии в Москве.

Николай рано пристрастился к чтению книг, особенно по русской истории. Принимал активное участие в работе кружка для школьников при Музее «Коломенское», сотрудники которого (и прежде всего С.А. Изюмова) стали его первыми наставниками на археологическом поприще. Окончив в 1950 г. школу-семилетку, он стал рабочим Бирюлевского вагоно-ремонтного депо, а через два года был призван в армию – служил наводчиком танкового орудия в Таманской дивизии. Демобилизовавшись после трех с половиной лет срочной службы, устроился на автозавод «Москвич» и одновременно продолжил учебу в школе рабочей молодежи (окончил ее в 1959 г.).

В 1961 г. поступил, со второй попытки, на вечернее отделение Истфака МГУ, где проходил специализацию на Кафедре археологии. В летние сезоны регулярно участвовал в работе Новгородской археологической экспедиции, возглавляемой А.В. Арциховским, Б.А. Колчиным и В.Л. Яниным. Именно эти маститые ученые стали главными учителями Николая Петровича.

По окончании университета в 1966 г. Н.П. Пахомов стал научным сотрудником Новгородского государственного областного музея-заповедника. С 1969 по 1972 г. он был лаборантом Кафедры археологии Истфака МГУ. В этот период возглавлял группу, которая вела разведку в ближнем Подмосковье (ее отчетные материалы о сезонах 1971 и 1972 гг. публиковались в ежегоднике

«Археологические открытия»). В 1972–1975 гг. являлся хранителем в Музее «Коломенское». Затем он вернулся на прежнюю должность в Новгородский музей и оставался там до 1981 г. Проведенные на Новгородчине разведки позволили ему выявить ряд неизвестных ранее археологических памятников разных эпох (от неолита до позднего средневековья), собрать и зафиксировать монетные клады.

С 1981 г. начался новый период в жизни Н.П. Пахомова. Отныне его работа как археолога связана с исследованием подлежащих реставрации памятников архитектуры. Сначала Н.П. Пахомов, по рекомендации Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, становится штатным археологом в Московской городской реставрационной мастерской. Наиболее важными его объектами в эти годы были Крутицкое подворье и собор Богоявленского монастыря (где им открыт замечательный комплекс эпиграфических памятников XVII в. – белокаменные плиты с эпитафиями наследственных ктиторов обители из рода Воронцовых-Вельяминовых).

В 1992–1998 гг. Н.П. Пахомов, как сотрудник Центра археологических исследований г. Москвы, участвует в раскопках исторического ядра столицы (главным образом на Манежной площади). С 1998 г. и до сегодняшнего дня наблюдает в качестве специалиста-консультанта за теми работами, которые ведет Российское общество по механике грунтов, геотехнике и фундаментостроению, С прежней энергией он исследует культурный слой, примыкающий к существующим архитектурным сооружениям и остаткам древних зданий.

Однако главной научной темой для Н.П. Пахомова на всю жизнь осталась история Новгородского («Рюрикова») Городища, запечатленная в письменных источниках и многочисленных ископаемых артефактах. На эту тему была написана университетская дипломная работа под названием «Городище в истории Новгорода» (М., 1966. Научный руководитель В.Л. Янин). К ней же относились публикации Н.П. Пахомова о тех или иных находках с того же интереснейшего памятника (в 1967–1969 гг. он вел там раскопки самостоятельно, а в 1975–1978 гг. – со-

вместно с Е.Н. Носовым), появлявшиеся то в материалах регулярно проводимой Новгородской научной конференции, то в ежегоднике «Археологические открытия» Института археологии АН СССР. Не случайно Николай Петрович оказался желанным гостем на Международной конференции «У истоков русской государственности» (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.), посвященной итогам изучения «Рюрикова» Городища.

Важнейшую часть подъемного археологического материала, собранного на Городище Н.П. Пахомовым, составляют сфрагистические находки. Много десятков моливдовулов из городищенских находок пополнили Корпус древнерусских булл. Среди них нередки и уникальные экземпляры. Открытие их имеет непреходящее значение для русской сфрагистики.

Но в связи с 75-летним юбилеем Николая Петровича Пахомова приходят на память не только его научные заслуги. Он неизменно вызывает к себе глубокую симпатию у коллег и всех тех, кому посчастливилось тесно с ним соприкасаться, в равной мере как прекрасный специалист и большой эрудит, как образец трудолюбия и добросовестности, а кроме того как чрезвычайно скромный и деликатный человек.

В.А. Антонов

Не только вексиллология (по поводу книги: Г.В. Вилинбахов. Русские знамена. Очерки. СПб., 2005)

Когда заходит речь о характеристике явлений культуры, то, по обыкновению, внимание сосредоточено на времени и месте возникновения того или иного памятника, его духовных корнях и назначении. Часто при этом говорится о том, что для известной эпохи такое-то произведение личностно-соборного человеческого творчества было явлением новым, порожденным обстоятельствами данного времени. Однако существуют такие явления культуры, которые сопровождают человечество в продолжение многих столетий и даже тысячелетия, чем, вне всякого сомнения, свидетельствуется их неизменное значение для людей. К числу такого рода явлений принадлежат знамена – со всем их многообразием, с разными именами.

Действительно, первые известия о знаменах восходят ко времени ранних государственных образований Востока, затем они вошли в употребление у народов Запада, получили широкое применение в Средневековье и Новое время. Они и сегодня являются символами, в которых находят выражение различные духовно-общественные понятия. Более того, в последние несколько столетий сообщения о знаменах обычно присутствовали в описаниях стран, чем выражалось их значение как необходимых элементов, характеризовавших особенный лик государств и народов. Стало также нормой предварять в энциклопедиях справочный материал о государствах изображениями их знамен.

Меняя внешний вид, наполняясь иным духовным содержанием, знамена, тем не менее, всегда оставались знаками, возбуждавшими душевные переживания, толкавшими человека к совершению не просто поступков, но деяний. На знаменах образно и словесно выражались идеалы. Под знаменами воевали и справляли торжества, строили и разрушали. Их наделяли собственными именами, посвящали небесным покровителям. Происхождение знамен связывали с легендарными событиями в народной жизни. Они побуждали к жертвенности ради того, что дорого, свято. Как святыню их оберегали и спасали от надругательств неприятеля, который видел в чужих знаменах символы враждебной ему «правды». В таком смысле знамена нередко упоминались в летописях и хрониках, эпических и художественных произведениях, представали в живописи и на различных памятниках искусства, наконец, изображались в документальном и игровом кино, «из всех искусств» на современного человека оказывающего особенно большое влияние.

В этой связи как здесь не вспомнить запечатлевшиеся еще в детстве документальные кадры 1945 г. водружения победоносных знамен нашей армии над поверженным Берлином и символическое бросание немецких знамен во время парада Победы.

Нельзя забыть и прочувственных слов командира «Варяга» Руднева из художественного фильма «Крейсер Варяг» о значении национальной эмблемы, в данном случае Андреевского флага, для команды корабля, находящегося за много миль от родного берега... и сам Андреевский флаг, который вот сейчас поднимется и больше никогда не опустится – в первом и последнем бою варяжцев «с морем, огнем и врагом» – «во славу русского флага».

Или вспомним «Живые и мертвые». Первые страшные недели войны, выходящий из окружения отряд Серпилина, его встреча с артиллеристами, отступавшими «от самого Бреста», с последним оставшимся орудием... и знаменем своей части – знаменем, которое вынес на себе старшина, теперь стоявший перед могилой своего командира, держа развернутым столь дорогой ему и его товарищам лоскут материи – символ их

дивизиона и шире – их нежелания признавать за наступающими захватчиками какое бы то ни было превосходство. Таких примеров из фильмов и книг можно привести много. А сколько их было в жизни, во время войн и после, при властях «правильных» и «неправильных»!

Вспоминаются мне два дня из собственного далекого солдатского прошлого. Присяга, вынос полкового знамени и... чудесная перемена, которая произошла с нами, призванными на «действительную», скучавшими по «гражданке», смотревшими на «почетную обязанность» как на повинность. При виде *его* все как-то подтянулись, крепче сжали автоматы, стали серьезнее; выходя к *нему* приносить присягу, старались всё исполнить четко, как учили; и в голосе каждого слышалось что-то такое, чего не звучало прежде... и как билось сердце! А потом два года службы, опять с тоской по «вольной жизни». Но вот они прошли. Для нас, увольняющихся, последнее построение полка... снова выход к знамени – фуражка в левой руке, преклонение колен, наклоненная голова, правая рука подносит *его* частицу к губам – и подступивший к горлу комок... и вспыхнувшее вдруг чувство тоски по уходящему армейскому времени – «что пройдет, то будет мило»... – и слеза на щеке моего товарища, прощавшегося с *ним* после меня, последние полгода считавшего дни до «дембеля».

И еще. Как не вспомнить одно событие из «окаянных дней» начала 1990-х. «Неизбежный» раздел исторической России, «парад суверенитетов», торговля всем и вся, смятение душ, «в сердцах корысть», животность...и несовременный поступок нескольких летчиков одной авиационной части, отказавшихся присягать желто-голубой самостийности, не сманенных квартирами и званиями в армию новоиспеченной державы, тайно улетающих на своих самолетах «в Россию» не с «нажитым годами», а со знаменем родного полка. А Севастополь! и его моряки-черноморцы, отказавшиеся поднимать на своих кораблях «прапоры»...

Вспоминались мне все эти «дела» не так уж «давно минувших дней», когда читал я книгу Государственного герольдмейстера Российской Федерации Г.В. Вилинбахова о русских воинских знаменах времен

Царской России, Единой и Неделимой. И в этом уже заключается для меня ценность этой книги, ибо чего стоит тот исторический (и вообще литературный) опус, который не «пробуждает чувства добрые» в читателе, не затрагивает его душу и сердце… хотя бы чуть-чуть.

Но, конечно, книга Г.В. Вилинбахова – это, прежде всего, ученый труд ведущего специалиста по истории русских знамен, многолетнего исследователя данной тематики, так что оцениваться она должна также по критериям научным, а именно в первую очередь с точки зрения задач, методов и результатов исследования.

И здесь можно сразу отметить, что «Русские знамена» – это книга во многом новаторская, как в отношении поставленных задач, так и относительно их решения. В самом деле, несмотря на довольно большую историографию, посвященную знаменам Русской Армии XVII – начала XX вв., которая подробно обозревается в книге, обобщающего исследования на эту тему до сих пор не существовало. А задача автора как раз и заключалась в том, чтобы дать читателю по возможности более полное представление о том, что собой представляло явление армейской духовности Царской России, обозначенное как «Русские знамена».

Для выполнения этой задачи Г.В. Вилинбахов обобщил обширный материал, извлеченный из письменных и других видов источников, в частности, из собраний Государственного Эрмитажа, где автор многие годы является хранителем коллекции знамен и военной графики. Отдельную, непреходящую ценность составили иллюстрации, приведенные в книге, особенно фотографии конца XIX – начала XX вв. и замечательная подборка красочных изображений русских государственных и армейских знамен.

Но мало собрать факты и проделать с ними источниковедческую работу, их требуется еще проанализировать и использовать для достижения поставленной научной цели. И в этом отношении Г.В. Вилинбахов тоже обнаружил новаторский подход. Наиболее полное знание о предмете исследования автором книги достигается через подачу материала в отдельных тематических очерках, посвященных терминологии, назначению, ис-

пользованию, особенностям хранения, символике русских знамен, отношению к ним в армейской среде и у воинских начальников, другими словами, всему тому, что входит в понятие знамени как «символа объединения и власти», согласно определению Г.В. Вилинбахова, и «священной хоругви». Но из этих же очерков вырисовывается и значение воинского знамени как культурного явления, без которого трудно себе представить боевой путь и суть духовной жизни Русской Армии, одного из важнейших элементов, характеризующих содержание культурного лика России в продолжение всей ее многовековой истории, а равно и в настоящее время.

Отдельно хочется отметить очерк, посвященный судьбам полковых знамен Императорской Армии после февральской «бескровной», в период очередной русской смуты. Именно в чрезвычайных обстоятельствах, о которых рассказывается в этом очерке, ярко выразился духовный смысл воинского знамени как «священной хоругви», подлежащей спасению даже ценой жизни. И отрадно, что русским знаменам Царской России, до наших дней уцелевшим, сегодня снова воздается почет и уважение.

И последнее. Когда писались эти строки, навеянные книгой Г.В. Вилинбахова, по телевидению прошел репортаж о найденном в земле Новгородчины знамени одного стрелкового полка, «сгоревшего», как и многие другие полки нашей армии, в боях первого жуткого года Великой Отечественной... В Русской Армии был обычай при чрезвычайных обстоятельствах пытаться спасти честь знамени, закапывая его в землю...

Библиография

Новые книги

Arco Garcia F. del. Tratado de Héraldica Eclesiástica en relación con la Iglesia Española. Madrid, 2006. 232 p.

L'armorial d'André de Rineck: Vienne, Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 3336 / Éd. J-Chr. Blanchard. (Documents d'héraldique médiévale; 12.) Paris: le Léopard d'or, 2008. 292 p., ill.

L'Armorial de Hans Ingeram (d'après le manuscrit de Vienne, Kunsthistorischen Museum, Waffensammlung, ms A. 2302) / Publ. E. de Boos. Paris, 2006. 374 p.

Armorial des XXXI rois de Tournai : d'après le manuscrit conservé à la Bibliothèque royale de Bruxelles sous la cote ms. 7383 / en collab. avec É. Van Den Neste. (Documents d'héraldique médiévale; 8.) Paris: le Léopard d'or, 2007. 68 p. [30] f. de pl., ill. [Факсимильное воспроизведение издания В. Бутона 1870 г.].

Armorial des vingt-trois chapitres de l'ordre de la Toison d'or : Lille 1431 – Gand 1559 / publ. par M. Popoff, d'après le fac-simile édité par M. Van Driesten en 1905. Paris, 2007. 206 p.

Bartholdy N.G. Adels-og våbenbreve udstedt af danske (unions-) konger indtil 1536. København, 2007. 232 s.

Baruta G., Bormetti Fr., Foppoli M. Il salone degli stemmi di Palazzo Lavizzari: araldica, storia e arte a Mazzo di Valtellina. Mazzo di Valtellina, 2008. 143 p., ill.

Boudreau C. L'heritage symbolique des herauts d'armes: Dictionnaire encyclopédique de l'enseignement du blason ancien (XIV–XVI siècle). Vol. 1–3. Paris, 2006. 1592 p.

Comitum de Limburg Stirum codices selecti. Louvain, J. Van Helmont, 2004. 448 p., ill. en couleur [Воспроизведение пяти геральдических рукописей XVI–XVII вв.].

Dubuisson P.-P. Armorial des principales maisons et familles du royaume, de Paris et de l'Île de France: reproduction de l'exemplaire colorié à la main imprimé à Paris en 1757... / préf. de M. Popoff. Milano, 2007. 362 p., ill.

Eeckhout J.-M. van den. Wapenboeck de Coninck. Heren en ridders in het 14de eeuwse Vlaanderen. Sint-Niklas, 2004. [Публикация гербовника Конинка XV в., Фландрия].

Estudios de Genealogía, Heráldica y Nobiliaria. Coord. M.A. Ladero Quesada. Universidad Complutense. Madrid, 2006. 348 p., ill.

Gomes S.A. Introdução à sigilografia portuguesa: guia de estudo. Coimbra, Faculdade de Letras da Universidade de Coimbra, 2008, 264 p., ill.

Maspoli C., Palazzi Trivelli Fr. Stemmario Bosisio. Milan, Orsini Demazzo, 2004. 484 p., 108 pl. ill. [Публикация гербовника «Скотти» XVIII в., включает фамилии Северной Италии].

Menéndez Pidal de Navascués F. El Escudo de España. Madrid; Real Academia Matritense, 2004. 270 p., ill.

Mingote Calderón J. L. Los origenes del yugo como divisa de Fernando el Católico. Zaragoza, 2005. 514 p., ill.

Morales Roca Fr. J. Armoria catalana. Concesiones heráldicas otorgadas a los caballeros del Principado de

Cataluña. Dinastías de Austria y Borbón (1515–1836). Barcelona, 2006. XXX, 388 p., ill.

Norton A.M. A Heráldica em Portugal. Vol. III. Lisboa, 2006. 380 p., ill. [Публикация трактата XVII в. Антониу Коелью].

Francisco Olmos J.M. de, Novoa Perea F. Historia y evolución del sello de plomo. La colección sigilográfica del Museo Cerralbo. Madrid, 2008. 216 p. [с приложением каталога булл].

Pastoureau M. Les chevaliers de la Table ronde: histoire d'une société imaginaire. Paris : Doussard, 2005. 295 p.

Pinoteau H., Gallo C. Le Saint Louis: son entourage et la symbolique chrétienne. Paris : Doussard, éd. du Gui, 2005. 240 p.

Signes et couleurs des identités politiques, du Moyen Âge à nos jours / sous la dir. de D. Turrel, M. Aurell, Ch. Manigand, J. Grévy, L. Hablot, C. Girbea. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2008. 537 p., ill.

Slater St. The World Encyclopedia of Flags & Heraldry: An international history of heraldry... Lorenz Books, 2008. 512 p., ill.

Teatro genealogico delle famiglie nobili milanesi: manoscritti 11500 e 11501, Biblioteca nazionale di Madrid / C. Cremonini. Mantoue : G. Acari, 2003. 387+319 p., ill. en couleur. [Комментированное издание и факсимильное воспроизведение генеалогической рукописи XVIII в. с гербами].

Die Wappen der Hochstifte, Bistümer und Diözesanbischöfe im Heiligen Römischen Reich : 1648–1803 / unter Mitwirkung von C. Brodkorb, R. Heydenreuter und Heribert Staufer ; hrsg. von E. Gatz. Regensburg : Schnell & Steiner, 2007. 680 S., ill.

Антонов В.А. Датская геральдика XII–XVII веков. М.: Наука, 2008. 561 с., ил.

Антонов В.А. Титулы и гербы королей Дании в Северной Европе (XI–XX вв.). М.: МГИМО-Университет, 2007. 88 с.

Бардыго Н.С. Военная геральдика в отечественной историографии. М.: Военный университет, 2007. 209 с.

Бурков В.Г. Государственные эмблемы и символы США и Канады: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 131 с., 2 л. ил.

Левандовский А.П. В мире геральдики. М.: Вече, 2008. 226 с. ил.

Медведев М.Ю. Геральдика или истинная наука о гербах. М.: «Гербы и флаги», 2008. 144 с., ил.

Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года: Издание С.Н. Тройницкого 1912 г. / Ред., подгот. текста, комм., послесл. О.Н. Наумова. М.: «Старая Басманная», 2008. 256 с., ил.

Пчелов Е.В. Российский государственный герб: Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2005. 162 с.

Санти-Мадзини Дж. Геральдика. История, терминология, символы и значение гербов и эмблем / Пер. с итал. М.: Астрель, 2005. 593 с., ил.

Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с., ил.

Тен Ю.П. Символы России и зарубежных государств: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 333 с.

Buonafalce I. Un codice araldico italiano nella Biblioteca Nazionale di Madrid: il manoscrito 12.596 // Nobiltà. 2006. № 72/73. P. 309–320.

Loskoutoff Y. Sixte-Quint ou la poire de bon-chrétien: l'héraldique et la grotesque: le décor de la Bibliothèque vaticane // Journal des savants. Janvier–juin 2008. P. 124–175.

Medvedev M.Y. Las armerías en el Este europeo // Actas del I Congreso Internacional de Emblemática General. Zaragoza, 2004. Vol. II. P. 1131–1159.

Nicolás-Sánches A. «Armas y blasones», obra de don Jerónimo de Portugal // Emblemata. Revista Aragonesa de Emblemática. XI. Zaragoza, 2005. P. 407–426.

Nielen M.-A. Du comté de Champagne aux royaumes d'Orient: sceaux et armoiries des comtes de Brienne // Chemins d'outre-mer. Études d'histoire sur la Méditerranée médiévale offertes à M. Balard. Paris, Publications de la Sorbonne (Byzantina Sorbonensia, 20), 2004. P. 589–606.

Pinoteau H. Les ornements extérieurs dans les armoiries des souverains français // Hidalguia. 2007. N° 322–323. P. 525–543.

Popoff M. Un armorial allemand ayant appartenu à Roger de Gaignières (BnF ms fr. 24049 – f°47–65v°) // Archives héraldiques suisses, 2005–II. P. 59–94 ; 2006–I. P. 109–133 ; 2006–II. P. 163–188 ; 2007–I. P. 3–26 (38 p. de pl. en coul.)

Príncipe de Viana. Homenaje a F. Menéndez Pidal de Navascués. N 241. Pamplona, 2007. P. 343–764. (публикация 37 статей Ф. Менендес Пидаля).

Ramos Aguirre M. Un relicario con armerias procedente de la Catedral de Tudela // Hidalguía. Mayo-agosto 2007. № 322–323. P. 545–560.

Антонов В.А. Гербы королей Дании как один из факторов датско-шведских отношений в 1397–1819 гг. // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 199–212.

Антонов В.А. Гербы на первой печати Маргреты Датской // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 69 (2). М.: Наука. 2008. С. 113–127.

Байдуж Д.В. Иконография печатей Немецкого ордена в Пруссии и Ливонии XIII в. как отражение корпоративного самосознания // Clavis medii aevi. Вып. 2: Экклезиологические основы средневековой цивилизации. Тюмень, 2007. С. 88–100.

Байдуж Д.В. Печати Немецкого ордена: база данных // Clavis medii aevi. Вып. 1: Информационные методы исследования в медиевистике. Тюмень, 2006. С. 47–50.

Байдуж Д.В. Печать комтура Торна 1296 г. // Европа: международный альманах. Вып. VII. Тюмень: Изд-во Тюменского ГУ, 2007. С. 230–235.

Гавриленков С.С. Современная московская символика: исторический аспект: Автореф. дис. … к.и.н. М., 2007. 26 с.

Добровольская М.А. Французский гербовник Марии-Юзефы – матери трех королей // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В.М. Потина: Сб. науч. статей. СПб., 2005. С. 117–123.

Карпов С.П. К вопросу о государственной символике в поздневизантийском мире: герб и флаг Трапезундской империи // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 30. СПб., 2007. С. 228–231.

Кузнецов В.В. Геральдика Московского региона в советский период // Вестник Московского государствен-

ного областного университета. Серия «История и политические науки». 2007. № 2. С. 123–126.

Наумов О.Н. Геральдика в отечественной энциклопедической литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2007. № 1. С. 233–237.

Черных А.П. Гербовники XIII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 68 (2). М.: Наука, 2007. С. 90–110.

Черных А.П. Хосе де Авилес и испанская геральдическая литература XVIII в. // Испанский альманах. Вып. 1: Власть, общество и личность в истории. М.: Наука, 2008. С. 195–214.

Черных А.П. Новые и старые и вопросы к геральдике // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 69 (2). М.: Наука, 2008. С. 103–112.

Новые рецензии и обзоры

Черных А.П. О библиографии геральдики // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН. Вып. 66. М.: Наука, 2005. С. 348–353.

Содержание

От редколлегии 3

Черных А.П. Д.Н. Егоров и проблемы исторической геральдики 5

Егоров Д.Н. Материал геральдический 19

Черных А.П. Геральдика в научном наследии А.В. Соловьева 96

Соловьев А.В. Геральдические эмблемы Византии и славяне (перевод, коммент. А.П. Черных) 109

Наумов О.Н. Неизвестное письмо А.Б. Лакиера 212

Наумов О.Н. К биографии барона Н.А. Типольта 215

Молчанов А.А. Заслуженный ревнитель русской сфрагистики: Н.П. Пахомову – 75 лет 224

Антонов В.А. Не только вексиллология (по поводу книги: Г.В. Вилинбахов. Русские знамена. Очерки. СПб., 2005) 228

Библиография. 233

ББК 63.3(3)
УДК 94
С 32

Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований; Институт всеобщей истории РАН. Отв. ред. А.П. Черных. Вып. 4. М.: ИВИ РАН, 2009. 240 с.

ISBN 978-5-94067-259-3

Объем 15 усл. п.л.
Тираж 250 экз.
Заказ № 364.
Бумага офсетная.
Формат 60 x 84/16.
Гарнитура
Times New Roman
Сдано в печать 20.01.2009
ЛР ИД № 01776 от 11.05.2000

Полиграфия:
Дробаха И.В.

Наш адрес:
Россия 117334 Москва,
Ленинский проспект, 32-А
Институт всеобщей
истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований

Электронная почта:
signumivi@inbox.ru

ISBN 978-5-94067-259-3